К 26.89(253.3)
Ш 28

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ГОРОД НИЖНЕВАРТОВСК

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
"БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА"
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

«Мира не узнаешь,
не зная края своего»

Шатиловские чтения

Материалы XII
краеведческой конференции
5 ноября 2008 года

г. Нижневартовск
2008г.

К 26.89(253.3)
Ш 28

Управление культуры администрации муниципального образования город Нижневартовск
Муниципальное учреждение «Библиотечно-информационная система»
Центральная городская библиотека
Нижневартовский государственный гуманитарный университет

«Мира не узнаешь,
не зная края своего»

Шатиловские чтения

Материалы XII краеведческой конференции

5 ноября 2008 года

Нижневартовское
МУ «БИС»
инв.№ 156942 | 50-3-КО

г. Нижневартовск
2008 г.

BIS NIZHNEVARTOVSK
2601021060

ББК 63.3 (253)
М-63

Шатиловские чтения: материалы XII краеведческой конференции 5 ноября 2008 г. / Управление культуры администрации МО город Нижневартовск; МУ «БИС»; НГГУ. – Нижневартовск: МУ «Нижневартовская типография», 2008. – 159 с.

Редакционная коллегия:

Солодкин Я.Г. – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России НГГУ
Алексеева Л.В. - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России НГГУ
Мазин В.А. – кандидат культурологии, доцент НГГУ, член Союза писателей России
Компанец Е.К. – главный библиотекарь отдела краеведения Нижневартовской ЦГБ
Бочкова Ю.Г. – зав. отделом краеведения Нижневартовской ЦГБ

Ответственный за выпуск: Л.Е. Ковалева

© Компанец Е.К. (составление), 2008.
© МУ «БИС», г. Нижневартовск (издание), 2008.
© Елькина Т.Н. (обложка), 2008.

ББК 63.3 (253)

ЧАСТЬ I
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.Б. ШАТИЛОВА

Р.Я. Солодкин, Я.Г. Солодкин

ВОПРОСЫ РАННЕЙ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ В ТРАКТОВКЕ М.Б. ШАТИЛОВА

В широко известной книге М. Б. Шатилова о проживавших на берегах Ваха хантах рассмотрены и их судьбы со времени включения в состав России, в частности, в конце XVI – XVII столетиях[1].

По признанию исследователя, сохранившиеся данные – исторические акты, «изустные предания и местные архивные материалы» – «намечают лишь некоторые слабые вехи прошлого ваховского края». Оно может быть полнее раскрыто на фоне истории «всего остяцкого народа вообще» и «Сургутской области», в частности, – истории, которая известна по материалам, систематизированным в трудах Г. Ф. Миллера, И. Е. Фишера, П. А. Словцова, П. Н. Буцинского, Н. Н. Оглоблина, П. М. Головачева, А. А. Дунина-Горкавича, В. И. Огородникова. Прошлое же коренных обитателей бассейна Ваха тесно связано «с историческими судьбами Сургутского края ... и всего Тобольского Севера».

С остяками, ранее называвшимися югрой (отныне – с «Ермакова взятия» Сибири – этот термин сохранил «лишь историко-географический смысл»), русские, как полагает М. Б. Шатилов, впервые столкнулись в 1581 г.[2] Тогда, в ходе сражения на Чувашевом мысу близ ханской «столицы», князь Немьян (Демаян или Демьян) покинул войско Кучума, подчинившись казачьей «дружине». Вскоре, однако, Немьян «оказал сильное сопротивление русским отрядам» (ими предводительствовал Богдан Брязга), но все же вынужден был признать ту власть, которую временно олицетворяли Ермак и его «товарыщи»[3]. Казачий есаул (или пятидесятник) занял и юрты Самара, после гибели которого в бою «поставил» остякам нового князя – Алача, и дойдя до устья Иртыша, вернулся в Искер (Кашлык, Сибирь)[4]. Год спустя – указывает М. Б. Шатилов вслед за многими историками, начиная с Г. Ф. Миллера, – сам Ермак совершил поход вниз по «великой» Оби, овладел крепостью в устье Казыма (Назыма или Назима) и покорил другие кодские городки.

Более прочно русские обосновались в Сибири в 1585 г., когда выстроили Обский (Мансуровский) городок (Руть-ват, т. е. Русский городок), просуществовавший до «поставления» девять лет спустя Сургута[5]. Воеводе Ф. П. Барятинскому и голове В. В. Аничкову предписывалось с целью покорения Пегой орды выстроить крепость на месте, называвшемся Сургутом, где проживал князь Бардак (позднее – Бардаковы или Лямсины юрты). Согласно преданию ваховских остяков, записанному М. Б. Шатиловым, здесь находился остяцкий городок – Сургун-ват. В представлении ученого, Пегая орда и Сургутский край окончательно стали подвластны русским с 1597 г. – после крупной «военной экспедиции»[6], когда в составе уезда, которым вначале управляли Ф. П. Барятинский и В. В. Аничков, появились еще четыре волости вдобавок к прежним десяти. В числе последних были Ваховская в низовьях Ваха и близ него по Оби, Лариакская в верховьях Ваха. Стало быть, «в некоторой степени устанавливается участие всех остяков в общем историческом процессе всего Сургутского края». На взгляд М. Б. Шатилова, и позднее «занятие новых областей (где сооружались «зимовья» или «острожки». – Я. С.) обычно шло путем небольших экспедиций из какого-то укрепленного центра».

Покоренные туземцы, – пишет исследователь, – облагались различными повинностями, прежде всего ясаком и поминками, обязывались нести ямскую службу; ваховские остяки в числе других сургутских, возможно, участвовали в строительстве Томска. По словам М. Б. Шатилова, «тяжелое бремя повинностей ... и различные злоупотребления воевод и других местных властей» вызывали протест хантов, принимавший разнообразные формы: жалобы, бегство, заговоры, открытые бунты с целью свержения иноземной власти. Так, остяки отказывались платить ясак (1596, 1603 гг.), поднимали восстания (вслед за подавлением одного из них русские заложили Кетский острог; в 1607 г. осаде подвергся Березов[7]), нападали на служилых людей.

М. Б. Шатилов пришел к выводу, что хотя «московское правительство в корне пресекало всякие попытки заговоров и бунтов, ... обременяло вновь покоренные народы различными повинностями и ясаком», оно не затрагивало их «веры и быта», «суда и управления». До начала XVIII в. столичные власти в отличие от местных проводили «политику веротерпимости, не допуская насилий», но в «то же время принимая ряд косвенных мер, поощряющих переход туземцев в христианство». Московское правительство, как представлялось М. Б. Шатилову, старалось ограничить злоупотребления князцов, русских

приказных и служилых людей, добивалось «расположения и доверия» остяков. Тем не менее воеводы, права и обязанности которых строго не регламентировались, пользуясь фискальным характером управления, чинили «произвол, хищничество и беззакония». По убеждению замечательного ученого, правительство оказывалось не в состоянии «оградить туземное население от насилия, грабительства со стороны местных властей».

Обобщив значительный фактический материал, М. Б. Шатилов, таким образом, сумел убедительно представить положение жителей Ваховского края до начала XVIII в.

[1]Шатилов М. Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки)/ Под ред. С. Пархимовича. Тюмень, 2000. С. 28, 34 – 42, 50 – 51.

[2]Заметим, что об остяках сообщается еще в «Казанской истории», где они отнесены к черемисе (Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С. 316).

[3]Об этом известно по фрагментарно сохранившейся благодаря С. У. Ремезову Кунгурской летописи, многие сообщения которой едва ли достоверны.

[4]Н. М. Карамзину это свидетельство (опять-таки Кунгурской летописи) казалось неправдоподобным.

[5]Приведенную М. Б. Шатиловым дату основания Сургута (1594 г.) документально установил П. Н. Буцинский. Но многие ученые и краеведы 30-х прошлого века и последующих десятилетий повторили вывод (к которому порой склонялся Г. Ф. Миллер) о возникновении «Сургуцкого города», иногда неверно считающегося острогом, в 1593 г. См., напр.: Рогозин Н. Е. Завоевание и освоение Западной Сибири (Очерк)// Уч. зап. Новосибирск. гос. пед. ин-та. 1945. Вып. 1. С. 17; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 21. Ср.: С. 239; Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 54; Фролов Н. К. Русская письменность как фактор обогащения духовной культуры региона// Русская духовная культура Западной Сибири и Урала (проблемы филологии, истории, образования). Тюмень, 1995. Т. 2. С. 5; Кузнецов Е. В. Сибирский летописец. Тюмень, 1999. С. 359. Примеч. 16. Ср.: С. 51.

[6]К такому же заключению относительно Пегой орды недавно пришел Е. В. Вершинин, не учитывая мнения М. Б. Шатилова. См.: Вершинин Е. В. Об обстоятельствах покорения селькупской Пегой орды// Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 314; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в.// Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 17 – 19.

[7]Традиционное мнение о восстании 1607 г. в Березовском уезде недавно весьма убедительно оспорил Е. В. Вершинин. См.: Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сб. док. Екатеринбург, 2004. С. 160 – 162.

Л.В. Алексеева

АЛЕКСАНДРО-ВАХОВСКИЙ РАЙОН В ПЕРИОД ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ М.Б. ШАТИЛОВА (1924-1926 гг.)

В результате районирования Урала и создания в ноябре 1923 г. Уральской области в среде партийно-советских работников возникли разногласия о судьбе территорий так называемого Александрово-Ваховского района. На указанную территорию претендовали Тобольск и Томск. Вопрос о создании Александровского района решался на заседании Сургутского Укома РКП(б) 28 декабря 1923 г., согласно которого край сохранился за Сургутским уездом в составе Тобольского округа[1]. 1 февраля 1924 г. образовали Александровский РИК. Председателем стал Василий Спиридонович Неустроев, а членами Владимир Павлович Бардаков и Михаил Степанович Поспелов[2]. В район вошли Александровская, Криволуцкая, Н-Никольская и южная часть Нижне-Вартовской волости. Районный центр – с. Нижне-Лумпокольское. РИК объединил 6 сельсоветов и 55 населенных пунктов[3]. 28 марта 1924 г. решением Тобольского окрисполкома с. Лумпокольское[4] было переименовано в с. Александровское[5], которое давно в просторечье имело такое название.

26 августа 1924 г. В. Шадрин – ответственный секретарь Александровского РК РКП(б) в письме в Тобольский окружком писал: «Экономически район захватили томские организации. Виной тому отчасти были и наши окружные учреждения и Северосоюз, которые не сумели обратить должное внимание на Александровский район. Обратно захватить экономически (район – прим. Л.А.) Тобольскому Окрзу можно путем усиленной заброски товаров в Александровский район. Симпатии здешних администраторов Неустроева, Бардакова и др., а также председателя сельсовета на стороне Тобольска, которые твердят одно, как сорока: «что мы поделаем, такова воля населения». Приходится вести ожесточенную борьбу с ними и доказывать, чтобы они защищали интересы Тобольского округа, а не Томска, поскольку они работники Тобольска»[6].

С образованием Сибирского края 25 мая 1925 г., тяжба между тоболяками и томичами в отношении Александро-Ваховского района продолжилась, завершившаяся победой представителей Томского окружкома ВКП(б). Осенью 1925 г. район отошел к Томскому округу.

Райком состоял из 5 членов, а партячейка из 14 членов партии и 6 кандидатов.

Тогда население района составляло по некоторым данным 5 836 человек, остяков - 3 210. Село Александрово находилось от Томска на расстоянии 900 верст, а с. Ларьяк от Александрово - на расстоянии 250 верст. По Ваху в 1926 г. жило 598 человек.

Таблица

Население по р. Вах в 1926 г. [7]

№	Поселение	Численность населения
1	Юрты Ромкины	60
2	Д. Чехломей	114
3	С. Нижне-Вартовское	88
4	Юрты Больше-Тарховы	20
5	Юрты Б-Палины	20
6	Деревня Былина	77
7	Юрты Кирилкины	14
8	С. Ларьяк	172
9	Юрты Вампугольские	37
10	Юрты М-Тарховы	23
11	Юрты Савкины	15
12	Юрты Соромины	33
13	Юрты Чехломейские	11
	Всего	598

Экспедиция М.Б. Шатилова подвергла сплошному статистическому учету население реки Ваха, оказавшееся на пути следования экспедиции (от устья Ваха до его притока р. Корельки на протяжении 700 км). В результате удалось существенно конкретизировать представления о численности населения. По данным РИКа по р. Ваху числилось 24 населенных пункта, экспедиция же зарегистрировала - 32. По р. Колек-егану сообщалось о 4 пунктах, а выяснилось, что их на самом деле – 7. Экспедиция установила общее количество хозяйств – до 200 и подвергла точному статистическому учету 108 хозяйств (66%), что позволило М.Б. Шатилову сделать некоторые обобщения относительно численности населения. Он предположил, применив соответствующую методику подсчета, что по Ваху и его притокам проживало 1 702 человека[8].

В феврале 1926 г. район был обследован бригадой Александровского РК РКП(б) (за период его работы с октября 1925 г. по февраль 1926 г.). В фондах ЦДНИТО сохранился доклад об обследовании района. В начале доклада давалось географическое описание района.

Площадь района по некоторым оценкам составляла тогда 138 125 кв. км. Указывалось на огромные трудности в путях сообщения. «Летом дорог никаких нет, передвигаются на обласке и до Томска на пароходе. В зимнее время на лошадях. Осенью и весной связь в районе и с Томском прерывается на 5 месяцев»[9].

Экономическое состояние района в документах райкома партии характеризовалось в целом удовлетворительно. Сообщалось, что в районе 874 хозяйства, из которых 368 занимались рыбным промыслом, 28 - пушным, и смешанным – 419 хозяйств. Указывалось на бедное положение местного населения, сетовавшего на снижение рыбного промысла, изношенность орудий лова и низкие закупочные цены на рыбу (осенью 1925 г. пуд налима продавали по 10 коп.)[10].

Торговля сосредотачивалась в руках кооперации. На территории района действовало 16 потребобществ: 2 отделения северной конторы Потребсоюза, 4 отделения Госторга, 5 отделений «Сырье» и 5 отделений РАСО. Частной торговли не велось[11].

В докладе указывалось на наличие в районе государственных организаций, с функциями заготовки и торговли, что создавало нездоровую конкуренцию с кооперацией, которая ее проигрывала ввиду экономической слабости. Госорганизации, располагая достаточными средствами, бессистемно кредитовали местное население, что, по мнению работников райкома, расслабляло последних и развращало. «Заготовки сырья, рыбы, пушнины происходят ненормально. Имеется злостная конкуренция со стороны госзаготовителей, вызванная недостачей сбыта и раздутостью заготаппарата, разъездной агентурой, которыми в большинстве своем являются бывшие торговцы. Всего в госаппарате - 32 человека, из них 21 – бывшие торговцы, которые среди туземного населения авторитетом пользуются благодаря прежним своим торговым связям и несознательности остяков и подчас спаивания их. Остяк не знает лавку РАСО или Госторга, а знает Ваську – красного купца. Указанное является ненормальным, требует сокращения госзаготовителей, оставив в районе основных – кооперацию и Госторг»[12].

Сельское хозяйство в районе было представлено животноводством. Поголовье насчитывало 3 986 голов крупнорогатого скота, 2 234 мелкого скота и 2791 лошадь[13]. Продуктивность коров была очень низкой. «Удойность коров ниже среднего: корова среднего достоинства дает в день одну крынку»[14]. Земледелие в районе не развивалось из-за при-

родных условий, хотя огороды у некоторых хозяйств все же имелись. Урожайность находилась на крайне низком уровне.

В период экспедиции к ваховским остякам М.Б. Шатилов выделил три типа хозяйств: звероловное, звероловно-рыболовное и рыболовное. Географически он выделил две хозяйственные зоны: верховье Ваха и Низовье Ваха. Он проанализировал основные виды промысла, установил количественные показатели, доказал разницу в экономическом развитии населения Нижнего и Верхнего Ваха. Верхнее течение Ваха было менее освоенной частью района, располагало богатыми пушными ресурсами[15].

М.Б. Шатилов выявил неоднородность рыбного промысла населения р. Ваха. Он подчеркивал, что население Верхнего плеса Ваха занималось рыболовством почти исключительно в целях пропитания, домашнего потребления, а население нижнего течения Ваха занималось рыболовством для сбыта. Им проанализированы количественные данные рыбного промысла по трем рыболовно-промысловым районам, выявлен состав добываемой рыбы[16].

Экспедиция представила сведения о состоянии скотоводства у населения Ваха. М.Б. Шатилов сделал вывод, что оленеводство не являлось самостоятельной отраслью, а носило вспомогательный характер, в основном как средство передвижения.

Экспедиция показала, что хозяйственного прогресса в экономике остяков не наблюдалось. Более того, произошло снижение промыслов, что впоследствии было подтверждено другими учеными. Сведения, полученные экспедицией М.Б. Шатилова, дают наиболее полное представление о состоянии хозяйства и населении Ваха в период 1920-х гг. Наряду с материалами Приполярной переписи, а также обследованиями Р.П. Митусовой они позволяют в достаточной мере реконструировать прошлое района в 1923 – 1927 гг.

[1]Центр документации новейшей истории Томской области. Далее - ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 172. Л. 280.

[2]Государственный архив Томской области. Далее - ГАТО. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

[3]Из истории с. Александровское (1826-1996). Сб. док. и материалов. Спец. вып., посв. 170-летию образования с. Александровское. Томск-Александровское, 1996. С. 21.

[4]До 1917 г. село называлось Нижне-Лумпокольское и входило в состав Александровской волости Сургутского уезда Тобольской губернии. См.: Из истории с. Александровское (1826-1996). Сб. док. и материалов. Спец. вып., посв. 170-летию образования с. Александровское. Томск-Александровское, 1996. С. 21.

[5]ГАТО. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

[6]ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д.3. Л. 28 об.

[7]Подсчитано по: Список населенных мест Сибирского края. Томский округ. Новосибирск, 1929. Вып. 11. С. 16-18.

[8]Шатилов М.Б. Ваховские остяки. Тюмень, 2000. С. 59-62.

[9]ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 172. Л. 280.

[10]Там же. Л. 280 об.

[11]Там же. Л. 281.

[12]Там же.

[13]Там же. Д. 6. Л. 32.

[14]Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 87.Л. 3 об.

[15]Шатилов М.Б. Ваховские остяки. Тюмень, 2000. С. 205-207.

[16]Там же. С. 213-215.

ЧАСТЬ II
ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В.В. Митрофанов

С.Ф. ПЛАТОНОВ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАТОРСКОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Среди современных исследователей, жизнь и творчество С.Ф. Платонова, на протяжении последних двух десятилетий, вызывает повышенный интерес. Продолжается осмысление научного наследия ученого, публикуются его неизвестные работы, переписка, в том числе и с провинциальными краеведами, археологами и архивистами, начато издание полного собрания сочинений.

В столичном университете С.Ф. Платонов испытал сильное влияние выдающихся ученых К.Н. Бестужева–Рюмина, В.Г. Васильевского, А.Д. Градовского, В.И. Сергеевича. Уже первое его сочинение о московских земских соборах было рекомендовано к публикации в авторитетном правительственном журнале, что свидетельствовало о неординарном таланте молодого исследователя.

После защиты магистерской диссертации (1888 г.) он занял должность приват–доцента, а вскоре стал профессором кафедры (1900 г.). Этот год ознаменовался рядом важных шагов в административной и научной карьере ученого – он был привлечен к работе в Ученом комитете Министерства народного просвещения, сосредоточился на преподавании в университете. Второй диссертацией, по признанию самого С.Ф. Платонова, его «ученое имя было установлено твердо». В это же время вышли «Лекции по русской истории», которые принесли автору большую известность.

Как один из авторитетных ученых и преподавателей, С.Ф. Платонов был приглашен к преподаванию августейшим особам, в том числе и будущему наследнику Российской империи Михаилу Александровичу. Высокая работоспособность, ответственность, знание системы образования, известность в научных и правительственных кругах способствуют избранию его деканом Историко-филологического факультета (1900 г.), назначению директором Женского педагогического института (1903 г.), ставшим одним из лучших учебных заведений своего времени.

Выдающийся продолжатель своих учителей, С.Ф. Платонов, на рубеже XIX–XX вв., своими исследованиями оказал непреходящее влияние на развитие русской историографии и исторической науки, стал притягательной силой, центром, вокруг которого продолжала развиваться петербургская историческая школа. Он воспитал не одно поколение выдающихся и крупных исследователей: А.Е. Преснякова, С.В. Рождественского, И.И. Лаппо, М.А. Полиевктова, П.Г. Васенко, П.Г. Любомирова, А.И. Заозерского, Б.Д. Грекова и многих других. Труды и исследования его многочисленных учеников способствовали разрешению многих проблем отечественной истории.

Непреходящее значение имеет просветительская деятельность С.Ф. Платонова. Его многочисленные связи с краеведами, археологами, архивистами Европейской части губерний России сделали его имя, пожалуй, самым известным вдали от столичных обществ и учебных заведений. Частые поездки как по приглашению научно–исторических обществ, так и по личной инициативе для чтения лекций – в этом он видел одну из задач ученого: нести свет просвещения в народные массы. Большую роль играл С.Ф. Платонов на протяжении 3–х десятилетий в организации и проведении Всероссийских Археологических съездов, затем был среди первых, кто поддержал идею созыва областных археологических съездов, что способствовало активизации научных и археологических исследований ряда регионов России с древней историей.

Освободившись от многочисленных административных обязанностей накануне революционных событий, С.Ф. Платонов мечтал сосредоточиться на научно–исследовательской работе, строил планы для осуществления давних творческих замыслов.

Однако, переворот 1917 г. внес существенные коррективы в его деятельность. Будучи самым именитым из оставшихся русских историков, С.Ф. Платонов заслужил право занять достойное место в Академии Наук, что и произошло в 1920 г. Раньше, в 1918 г. он был избран председателем Археографической комиссии. Постепенно основная работа ученого сосредоточилась в академических учреждениях: библиотеке АН, Пушкинском Доме, директором которых он был назначен. Незадолго до своего ареста, С.Ф. Платонов был избран академиком – секретарем Отделения гуманитарных наук (1929 г.).

Несмотря на свои заслуги, широкую известность, многочисленные знакомства, покровительство великого князя Константина Константиновича, на административном пути С.Ф. Платонова были не только

взлеты, порой он получал сильные удары по своему самолюбию. Так, он не добился желанной должности директора Публичной библиотеки, не стал в дореволюционной России академиком.

Появившиеся в последнее десятилетие многочисленные работы о творчестве, биографии С.Ф. Платонова[1] свидетельствуют о том, что исследователи стремятся исправить несправедливость в отношении выдающегося историка[2] и патриота России. В современной историографии «все более утверждается представление о выдающемся значении творчества Сергея Федоровича Платонова в развитии науки (особенно методики исторического исследования) и образования»[3], – писал С.О. Шмидт в 1997 г.

В работах ученые обосновали мысль о том, что исследователь не был историком только Смутного времени или русского самодержавия XVI–XVII вв.[4] С.Ф. Платонов активно занимался эпохами Ивана Грозного, Бориса Годунова, Петра Великого. «Есть сведения, что на рубеже 1920–х гг. С.Ф. Платонов задумывал большую работу о начале Русского государства», – писал С.В. Брачев[5]. С.О. Шмидт обратил внимание на факт работы С.Ф. Платонова летом 1927 г. в ряде московских архивов с целью «ученых работ над эпохой Петра Великого...»[6]. Вероятно, исследования второй половины 1920–х гг. о петровской эпохе[7], были частью новой задуманной работы, кроме того, С.Ф. Платонов собирал сведения о некоторых малоизвестных фактах освоения Сибири и Дальнего Востока этого времени[8].

«Новгородскую» и «сибирскую» темы, наряду с колонизацией Поморья, также «нужно отнести к главным темам в последнее десятилетие творчества С.Ф. Платонова»[9]. За С.Ф. Платоновым следует признать «серьезный вклад в разрешение проблем зарождения сибирского летописания, в определении роли Строгановых в колонизации Сибири и значения оценки похода «ермаковых» казаков за Урал»[10], важную роль в «разрешении вопроса о Строгановых к «открытию Сибири»» и проникновению иностранцев в Зауралье.

Во второй половине 1920–х гг. С.Ф. Платонов намеривался написать многоплановое исследование по истории России XVII–XVIII вв. В архиве ученого хранятся тезисные наброски, датированные 9 сентября 1926 г., раскрывающие содержание задуманной монографии из 2–х частей[11]. Ее хронологические рамки должны были охватить более чем вековой отрезок отечественной истории: от эпохи Смуты до периода дворцовых переворотов.

Таким образом, заключительный период жизни С.Ф. Платонова ознаменовался новым творческим подъемом ученого, который вылился в серию книг. Однако, высокие административные должности в учреждениях Академии Наук, политическая атмосфера, утверждавшаяся в государстве, неприкрытая неприязнь в отношении академика мешали созданию творческой атмосферы, а утверждение позиций М.Н. Покровского являлось главным препятствием в реализации научных планов[12].

Следовательно, за С.Ф. Платоновым следует признать важную роль в разработке целого ряда проблем российской истории. Временные рамки его исследований выходят далеко за рамки Смутного времени: от этой темы ученый то погружался в глубь древней истории, то переносился с увлечением в новое XVIII столетие. Плодотворная деятельность была варварским способом прервана лицемерами от науки и всевластным ОГПУ.

19–20 июня 2008 года в его родном городе Санкт–Петербурге прошла всероссийская конференция, посвященная 75–летию со времени кончины С.Ф. Платонова, в которой приняли участие С.О. Шмидт, А.Ю. Дворниченко, Е.А. Ростовцев, В.Г. Бухерт, А.Н. Цамутали, А.В. Мельников и другие видные исследователи творческого наследия ученого. Творчество С.Ф. Платонова, его гражданский подвиг, патриотическая позиция, просветительская деятельность имеют непреходящее значение для современной России.

[1]Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый: Педагог: Человек. 2–е изд., испр. и доп. СПб., 1997; Он же. Крестный путь русского историка: Академик С.Ф. Платонов и его «дело». СПб., 2005; Мамонтова М.А. С.Ф. Платонов: поиск модели исторического исследования. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002; Митрофанов В.В. Проблемы истории Новгорода Великого, Поморья и Сибири в творчестве С.Ф. Платонова. Нижневартовск, 2005; Чирков С.В. Издательская и научно–организационная археографическая деятельность С.Ф. Платонова//Археография в творчестве русских ученых конца XIX– начала XX вв./Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2005. С. 199–250. В перечисленный список не вошли десятки опубликованных статей, отзывов, рецензий.

[2]Согласимся с недавно высказанным мнением известного историографа и источниковеда Я.Г. Солодкина о том, что утверждение о недоступности в течение 60 лет «основных трудов и оригинальных разработок С.Ф. Платонова»– «явное недоразумение» см.: Солодкин Я.Г. В.О. Ключевский о первой книге С.Ф. Платонова (к истории взаимоотношений двух выдающихся ученых)//Россия в XVI–XX вв.: проблемы истории, историографии, источниковедения: Материалы всероссийской научной конференции/Отв. ред. Я.Г. Солодкин. Нижневартовск, 2008. С. 82. Прим. 3.

[3]Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 549.

[4]Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте: Платонов, Тарле и их школы. М.; Л., 1931. С. 212.

[5]Брачев С.В. Сергей Федорович Платонов//Отечественная история. 1993. №1. С. 120. А работы «Летописный рассказ о крещении княгини Ольги в Царьград» (1919 г.) и «Русса» (1920 г.) следует рассматривать как часть реализации замысла.

[6]Шмидт С.О. Путь историка... С. 534.

[7]Платонов С.Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи: I. Бенго–коллегия или Великобританский монастырь в Петербурге при Петре Великом//Известия Академии Наук СССР. №7/8. С. 527–546; Он же. Из бытовой истории Петровской эпохи//Там же. Т. XX . №9. С. 655–678.

[8]Об этом см.: Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и формирование взглядов С.В. Бахрушина на проблемы колонизации Сибири//Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень, 2004. Вып. 6. С. 81–82.

[9]Митрофанов В.В. Проблемы истории Новгорода Великого... С. 158.

[10]Митрофанов В.В. Советская и современная российская историография о роли С.Ф. Платонова в изучение прошлого Сибири// Эколого-географические проблемы природопользования нефтяных регионов: Теория, методы, практика. Материалы II Международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 22-24 октября 2003 года). С. 377.

[11]Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее– ОР РНБ). Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1330. Л. 1.

[12]Следует напомнить, с каким трудом удалось напечатать книгу о Петре Великом, о включении С.Ф. Платонова в делегацию советских историков на историческую неделю в Берлин.

С.Н. Решетникова

ИСТОРИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮГРЫ В ТРУДАХ С.В. БАХРУШИНА

История народов Зауралья, в том числе коренных народов Югры, была одной из центральных проблем в творчестве крупнейшего историка-сибиреведа первой половины XX в. С.В. Бахрушина. Как признавал сам исследователь, «наиболее существенным результатом моих занятий по истории Сибири я считаю работы по истории сибирских народов, основанные на неизданных материалах Сибирского архива... и, мне кажется, доказал, что сибирские народы, до недавнего времени рассматривавшиеся лишь как объекты истории, переживали этапы общественного развития, общие для всех народов»[1]. В то же время, С.В. Бахрушин отмечал, что «нельзя рассматривать Сибирь, как единую страну, тут отдельные народы, каждый из них имеет свою историю»[2].

Уже в 1926 г., выступая на Первом Сибирском краевом научно-исследовательском съезде, С.В. Бахрушин определил задачи истори-

ческого изучения Сибири, поставив на первое место исследование туземного населения, и обратил внимание ученых на архив Сибирского приказа. В представлении историка там сохранился важный, а главное, точно датированный актовый и делопроизводственный материал, позволяющий по-новому рассмотреть многие проблемы сибирской истории, в том числе историю угрофинских народов, оказавших, по его мнению, «большое влияние на ход и характер русской колонизации»[3].

В архиве историка сохранилось довольно много черновых материалов, иллюстрирующих процесс работы С.В. Бахрушина над этой проблемой. Чаще всего это выписки из источников или наброски работ, впоследствии выросшие в законченные труды. Большинство из них не датировано, но по содержанию можно определить примерное время их написания. Так, в одном из черновиков, рассказывающем о покорении ханты и манси (без конкретной ссылки на источники), прославляется борьба местных народов с царизмом против объясачивания. Вся работа проникнута высоким революционным пафосом и заканчивается словами: «только великая пролетарская революция освободила народы Сибири от империалистического гнета и всех форм эксплуатации человека человеком»[4]. К тому же, если принимать во внимание почерк ученого, то приблизительно работу можно датировать 1925 – 27 гг.[5]

Первым опубликованным трудом, появившемся в результате изучения С.В. Бахрушиным архивных материалов по истории коренных народов Югры, стала вышедшая в 1925 г. статья «Самоеды в XVII в.»[6]. В ней историк, опираясь на ясачные книги, описал социальную организацию ненцев и родственных им племен, их обычаи и нравы.

Подробную характеристику родовому строю хантов и манси в эпоху средневековья, их социальным отношениям, обычаям и религиозным верованиям С.В. Бахрушин дал в монографии «Остяцкие и вогульские княжества в XVI – XVII вв.», опубликованной в 1935 г. При ее написании С.В. Бахрушин, помимо архивных материалов из фонда Сибирского приказа, использовал данные русских летописей, туземные былины, а также перепись 1631 г., содержащую важные сведения о численности хантыйских и мансийских племен, их социальной структуре[7].

В 1947 г. в «Ученых записках» Ленинградского государственного университета была напечатана статья «Основные линии истории обских угров», в которой С.В. Бахрушин, опираясь на все те же дело-

производственные источники из архива Сибирского приказа, представил более полную картину развития югорских народов, начиная с XV в.

С точки зрения исследователя, история ханты и манси находится в более благоприятном положении по сравнению с другими сибирскими народами, т.к. сохранился достаточно разнообразный круг источников. К наиболее ценным из них ученый относил ясачные книги с поименным перечислением всех плательщиков ясака, позволяющие не только установить этнографический состав, численность и расселение народов Югры, но и восстановить схему ее административного деления, а также многочисленные челобитные и «сыскные дела», содержащие ряд ценных сведений, характеризующих экономический уклад и социальный быт местных народов.

С.В. Бахрушин часто обращался к челобитным «нерусских жителей», в которых они, по его выражению, «жалуясь друг на друга, сообщают очень ценные сведения о своих обычаях[8]. В этих документах исследователь обнаружил подтверждение тому, что у хантов существовало патриархальное рабство, источником которого в первую очередь являлись межплеменные войны и войны с самоедами. В архивах сохранилось немало челобитных, в которых одни хантыйские князьки жалуются царю на других, что те совершают грабительские набеги и захватывают в плен их жен и детей.

Что касается религиозных верований «туземцев», то, обращаясь к челобитным сибирских священников, С.В. Бахрушин приходит к заключению, что «распространение христианства ограничивалось кругом княжеской семьи»[9]. Но и те из князей, которые были крещены, не могли всецело отречься от своих старых племенных верований, т.к. «местный культ, святилище или иной фетиш служили символом племенного объединения»[10].

Используя все те же челобитные, С.В. Бахрушин проанализировал общественную организацию коренных народов Югры и пришел к выводу, что социальная организация хантыйских и мансийских княжеств складывалась из княжеского рода, простых людей и рабов. Присоединение к Русскому государству не уничтожило племенных разделений хантов и не нарушило существовавших внутри племени отношений.

Совершенно исключительным по своему значению источником ученый находил шерть – текст присяги югорских князей 1484 г., содержащую важные сведения о социальном составе и общественном строе остяцких и вогульских княжеств.

Помимо делопроизводственных источников из московских архивов, С. В. Бахрушин, при написании работ по истории обских угров, опирался на труды предшествующих исследователей, в том числе иностранных авторов, материалы научных экспедиций XVIII в. и даже географические описания XI в., особо выделяя очерк (посвященный остякам) студента В.Ф. Зуева – участника экспедиции П.С. Палласа.

Богатейший материал по хозяйству, общественному строю и религии хантов, на взгляд ученого, дает замечательное этнографическое сочинение монаха Г. Новицкого «О народе остецком», относящееся к первой четверти XVIII в. Однако подробные и относительно точные сведения о хантах и манси, с точки зрения С.В. Бахрушина, появляются с XVII в., т.е. с момента присоединения этого края к России.

С.В. Бахрушин, одним из первых начавший изучать архивные материалы по сибирской истории, открыл и ввел в научный оборот обширный круг новых источников по истории коренных народов Югры. По заключению М.Б. Шейнфельда, С.В. Бахрушин был первым историком – профессионалом, обратившимся к прошлому народов Сибири как к самостоятельной и первостепенной проблеме исторического изучения[11].

[1]Шейнфельд М.Б. Методология работ С.В. Бахрушина по истории Сибири // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX – XX вв.). Красноярск, 1976. Вып. 1. С. 123; Архив РАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 48.

[2]Архив РАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 82.

[3]Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 258.

[4]Архив РАН Ф. 624. О.1. Л. 46.

[5]До 1917 – 1918 гг. С.В. Бахрушин писал аккуратным мелким почерком, фиолетовыми или черными чернилами; в 20-е годы почерк становится более мелким, используется любая бумага – счета, письма и т.п.; с 30-х годов почерк становится более крупным

[6] «Самоедами» в русских документах называли ненцев и родственные им племена

[7]На взгляд С.В. Бахрушина, хантыйский эпос довольно точно отражает общественный быт хантов и манси

[8]Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 232.

[9]Там же. С. 120.

[10]Там же.

[11]Шейнфельд М.Б. Методология работ С. В. Бахрушина.... С. 123.

Н.С. Казакова

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА 1930-х гг.

История Ханты-Мансийского округа 1930-х гг. характеризуется тем, что округ в эти годы входил в административно-территориальные образования Урала и Сибири. С конца 1923 г. и до января 1934 г. территория современного Ханты–Мансийского округа входила в состав Уральской области, следующий год входила в состав Обско – Иртышской области с центром в Тюмени, а с января 1935 по 1944 годы находилась в составе Омской области. Это объясняет широкую географию архивов и музеев, содержащих документы по истории округа в эти годы. Работа, проделанная по извлечению архивных и музейных данных, позволяет нам разносторонне подойти к исследуемой проблеме.

Проведение государственной образовательной политики и ее реализация нашли отражение в постановлениях, решениях и резолюциях областных, окружных, районных и низовых партийных и советских организаций, в постановлениях, решениях и отчетах отделов народного образования различных уровней, отчетной документации учебных заведений, готовивших учителей для школ Севера, в том числе коренных национальностей Севера. Обозначенные источники были выявлены в архивах и музеях Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Тюмени, Омска, Нижневартовска. Анализ и обобщение источников позволяют представить картину преобразований в области просвещения в крае в 1930-е гг.

Обращение к источникам Центра документации общественных организаций Свердловской области (Ф. 4. Уральский областной комитет ВКП (б)), Центра документации новейшей истории Омской области (Ф. 107. Омский областной комитет ВКП (б), Ф. 3057. Оргбюро ЦК ВКП(б)), Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (Ф. 23. Обь-Иртышский обком ВКП (б) Обь-Иртышской области, Ф.30. Тобольский окружком ВКП (б)), дало возможность проследить направления образовательной политики в крае – организации мероприятий по ликвидации неграмотности и проблем в их реализации, подготовке национальных кадров, попытках решить кадровую и материально-финансовую проблемы в школах округа; проследить работу первых культбаз, тем самым выявить их вклад в

проведении культурных преобразований в крае; документы Ф. 61 Уральский областной комитет ВЛКСМ Центра документации общественных организаций Свердловской области раскрывают деятельность комсомольцев по проведению культурных преобразований на Севере.

Документы, содержащиеся в Государственном областном архиве Свердловской области (Ф. 233-Р. Уральский областной отдел народного образования), Государственном областном архиве Омской области (Ф. 1272. Отдел народного образования исполкома Омского облсовета народных депутатов) дают представление о динамике численности школ в округе, указывают на материально-технические проблемы школ, обеспеченность школ педкадрами и на наполняемость школ учениками. Эти источники иллюстрируют процесс развития системы школьного образования в 1930-е гг.

Отдельным направлением государственной политики была подготовка собственных педагогических кадров, в том числе из представителей коренных народов Севера. Подробно эту проблему раскрывают документы, извлеченные из Государственного архива Омской области (Ф. 1272), в которых рассказывается о работе Ханты-Мансийского педучилища, Центрального государственного архива г. Санкт-Петербурга (Ф. 9471. Институт народов Севера), документы этого фонда дают нам представление о подготовке педагогических кадров из числа коренных жителей, показывают вклад преподавателей и студентов института в создание письменности и первых книг для народов Севера. Показательным является то, что документы, извлеченные из обоих архивов, раскрывают проблемы подготовки кадров, не упоминавшиеся в советской историографии, к которым можно отнести низкую успеваемость студентов, их недисциплинированность и нежелание учиться.

Архивный отдел администрации г. Нижневартовска (Ф. 4. Инспектура государственной статистики Нижневартовского района), содержит документы, в которых указывается лишь численный показатель количества школ, учащихся и учителей в них, дается характеристика образовательного уровня последних и представление о состоянии грамотности населения.

Подробно описывают состояние и организацию школьного обучения в 1930-е гг. музейные фонды. Фонды Омского краеведческого музея содержат документы и фотодокументы по истории школы г. Ханты–Мансийска, Ханты-Мансийского педагогического техникума (училища), в которых подробно описана воспитательная работа тех-

никума. Омский музей просвещения также содержит сведения о школах Остяко-Вогульского округа. Нижневартовский этнографический музейный комплекс им. Г.Д. Шуваева содержит первые учебные пособия для национальных школ.

Широкое использование материалов периодической печати послужило дополнением происходящего, с учетом критического анализа[1]. Привлечение воспоминаний позволило получить яркие и образные картины из жизни школ начала 1930-х гг., как учителей, так и учащихся[2].

Таким образом, источниковая база является вполне презентативной для всестороннего изучения проблемы государственной образовательной политики в округе в 1930-е гг.

Примечание

[1] Культфронт «Урала», - общественно-педагогический журнал Уралоно и Облпроса, «Советский Север» – сборник статей по вопросам экономики, истории, этнографии, языка и культуры народов Севера, «Просвещение национальностей» - общественно-педагогический и научно-педагогический ежемесячный журнал Органа ЦК Союза работников просвещения, «Просвещение на Урале» - общественно-педагогический ежемесячный журнал Уралоно и Облпроса, «Повысим грамотность» - ежемесячный журнал Наркомпроса РСФСР управления по образованию взрослых, «Омская правда», - газета Омского обкома ВКП (б) и облисполкома.

[2] Каскин И. Пути-дороги // Югра, 1999. - №3. - С. 38-41; Он же. Как мы стали учителями // Югра, 1999. - №10. - С. 27-30; Иванов А. Школа в моей судьбе // Югра. 1999. - №4. - С. 32-35; Силин А. Мои незабываемые учителя//Югра. 1998.-№10.-С. 16-18; и др.

Н.А. Купальцева

КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СБОРА МАТЕРИАЛА ПО ИСТОРИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОИСКА В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ

Одна из причин, по которой Экоцентром было принято решение написать книгу о геологах-первопроходцах, – желание исправить фактические ошибки и устранить противоречия в книгах и газетных публикациях, поскольку такие ошибки искажают историческую действительность и вводят в заблуждение читателей.

В одной из книг В.Д. Салмина в очерке о легендарном буровом мастере Григории Ивановиче Норкине написано, что «*родители его – ханты*».[1] Ссылка на какие-либо источники, равно как и на высказывание самого Норкина, в книге отсутствует. Научными сотрудниками Экоцентра были опрошены люди, близко знавшие Норкина, а также сделан запрос в архив ОАО «Славнефть-Мегионнефтегазгеология». В

ответ получена ксерокопия личной учетной карточки Г.И. Норкина, которая была заполнена на основании документа, удостоверяющего личность (паспорта или метрики). В графе «национальность» там значится: «русский».

Давно было замечено, что в различных литературных источниках дебит Мегионской скважины-первооткрывательницы указан как 200, 240, 250, 300 тонн. Чтобы выяснить настоящую цифру, обратились к книге «Нефть и газ Тюмени в документах», где опубликована радиограмма, отправленная начальником Сургутской экспедиции Салмановым и главным геологом Б.В.Савельевым начальнику Тюменского геологического управления Ю.Г. Эрвье 24 марта 1961 года. В ней говорится, что «дебит нефти по записям в коллекторском журнале 21 марта составил *288 кубометров* в сутки». В радиограмме четко указано, что нефть появилась *21 марта 1961 года* в 14 часов.[2] Однако в этой же книге опубликован текст отчетного доклада Ханты-Мансийского окружкома КПСС 18-й окружной партконференции, из которого следует, что «Мегионская скважина дала нефть с дебитом *360 тонн*» и что эту «крупную победу коллектив Сургутской геологоразведочной экспедиции одержал в *конце 1960 года*».[3] То есть, открытие Мегионского месторождения документально «перенесено» на более ранний период – конец 1960-го года. А чтобы уточнить суточный дебит скважины-первооткрывательницы, предстоит выяснить, как соотносятся между собой объем нефти и ее вес.

Для установления исторической достоверности научными сотрудниками Экоцентра были поставлены задачи:

1) найти и изучить документальные первоисточники,

2) опросить очевидцев (людей, которых судьба привела в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов на поиски нефти в Среднее Приобье, а в конечном итоге - в Мегион) и записать их воспоминания. Собранный материал было решено использовать для подготовки серии очерков о первооткрывателях Мегионского и Самотлорского месторождений, в первую очередь о людях, работавших в бригаде бурового мастера Г.И.Норкина, - это стало еще одной причиной создания книги.

Для решения данных задач на первом этапе работали в трех направлениях: вели поиск в местных архивах, собирали материал в библиотеках и опрашивали ветеранов геологии, используя в исследовательской работе такие методы, как сравнительно-исторический анализ документальных, научно-популярных и публицистических материалов

по теме, а также метод индивидуального интервью и доверительной беседы, который применялся при сборе информации путем опроса. Первое направление оказалось наименее эффективным. В городском архиве хранятся только описи геологических документов, датированные 1978-м и последующими годами. Проследить же трудовой путь людей по личным учетным карточкам, хранящимся в архиве «Мегионнефтегазгеологии», оказалось нереальным. На втором этапе предстоит большая работа в архивах Нижневартовска, Сургута, Тюмени. Более результативными оказались опросы ветеранов геологии, а также изучение газетных статей, публикаций в журналах, краеведческих и литературных сборниках. Благодаря проделанной поисковой работе список бригады Норкина увеличился до 37 человек (в первоначальном списке было только шесть фамилий). Параллельно велась запись воспоминаний очевидцев тех памятных исторических событий. Но информация, полученная таким образом, требовала тщательной проверки, поскольку ветераны за сорок минувших лет многое позабыли. Они путают события, не могут вспомнить даты и имена... Казалось бы, кто будет оспаривать дату открытия Мегионского месторождения – *21 марта 1961* года? Этот факт подтвержден документально.[4] Однако на общем совете ветераны-геологи, которые были приглашены для консультации по некоторым вопросам, вдруг в один голос заявили, что это событие произошло не в марте, а в апреле, и упорно отстаивали свое мнение. Подобные ситуации возникают довольно часто, поэтому каждый факт, каждую дату приходится уточнять, ориентируясь на первоисточники. Это, в первую очередь, сборники документов, а также опубликованные воспоминания людей, которые внесли огромный вклад в развитие поисковых и геологоразведочных работ в районе Среднего Приобья – Ю.Г. Эрвье, А.Г. Быстрицкого, Б.В. Савельева, В.А. Абазарова, Ф.К. Салманова и других.

Но восстановить реальную историческую картину не так-то просто, даже опираясь на документы и свидетельства компетентных специалистов, стоявших у истоков геологических открытий. В связи с разночтениями и противоречиями в текстах исследователи зачастую вместо ответов получали новые вопросы. Поскольку в документальных источниках тоже встречаются разночтения и ошибки, то с еще большей осторожностью следует относиться к научно-популярной и публицистической литературе. Так, в энциклопедии о геологах под названием «Биография великого подвига», выпущенной в Екатеринбурге в 2003 году, в одной только статье о Леониде Ивановиче Кузютине имеются

несколько неточностей: указано, что он был начальником *Белозёрской разведки (вместо Белогорской),* а в период с 1960 по 1962 год «занимал» сразу две должности, являясь начальником Охтеурской партии глубокого бурения Мегионской нефтеразведки и начальником Островного участка Мегионской нефтеразведочной экспедиции.[5] В этой же книге из биографии геофизика Леонида Николаевича Кабаева, который в 1964 году возглавлял Нижневартовскую сейсмическую партию, «выпали» целых шесть лет, начиная с 1959 по 1965 год – то есть как раз период открытий нефтяных месторождений в Среднем Приобье.[6] «Шероховатости» текстов порой вынуждают нас разбираться в тонкостях производственного процесса и вникать в нюансы, которые напрямую не связаны с теми задачами, которые мы перед собой поставили. Например, рассказывая в 1986 году об открытии Самотлора, В.Абазаров пишет следующее: «Вышкомонтажная бригада Александра Кузякова приступила к *сборке вышки.* Собрали ее *за 16 суток*».[7] А в книге «История геологического поиска», изданной в 2003 году, читаем: «В конце марта вышкостроительная бригада А.С. Кузякова *всего за шесть суток вместо положенных двух недель* закончила *монтаж буровой установки*».[8] Возникает вопрос: *монтаж буровой установки* и *сборка вышки* – это одно и то же или это разные вещи? Если речь идет об одном и том же процессе, то почему такие расхождения в сроках? В одной из своих статей Владимир Салмин пишет, что в заключительной части диплома, который защитил в институте Ф.К. Салманов, были такие слова: «*Следует немедленно и планомерно развернуть поисковое бурение в районе Среднего Приобья ...*».[9] А у Салманова это звучит так: *«Следует немедленно планомерно развивать поисковые бурения в районах Зауралья...»* [10] В тексте Салмина явно нарушены правила дословного цитирования, и, несмотря на то, что географически Среднее Приобье действительно является одним из районов Зауралья, высказывание Салманова фактически искажено.

Еще пример. В воспоминаниях начальника Мегионской экспедиции Владимира Алексеевича Абазарова о его первом приезде в Мегион в 1962 году мы читаем: «Когда *в августе* 1962 года я прибыл в экспедицию – на месте существующего Мегиона стояло *12 или 15 срубов без крыш.* А на берегу – около *60 палаток и 4 заселенных двухквартирных брусчатых дома. База экспедиции представляла собой навес, под которым стояла электростанция мощностью в 50 квт и 1 трубонарезной станок*».[11] Позже, в публикациях конца 90-х годов, эти впечатления Абазарова описаны несколько иначе: «Я поднялся на па-

лубу, вода уже значительно упала, увидел высокий берег Меги, *усыпанный пнями.* На берегу было *более десятка срубов без крыш, около 100 палаток* вдоль берега, *несколько заселенных домов*».[12] А вот как описывается этот момент у Сергея Великопольского в его статье об Абазарове: «*В июне* 1962 года он прибыл в Мегион. Его взору предстала довольно *невзрачная* панорама. По всему склону высокого берега протоки Меги, *вдавленные и замытые водой валялись выкорчеванные могучие кедры.* В пятидесяти метрах от берега возвышались две громадные кучи пней *высотой с двухэтажный дом.* Подальше от берега виднелись полтора десятка *почерневших* срубов без крыш, *левее* старого *поселка* Мегион стояли *четыре обжитых домика, в них-то и располагалась экспедиция».*[13] Автор статьи почти дословно повторяет текст самого Абазарова, но с некоторыми нюансами: он добавляет несколько эпитетов, отчего текст получает не только ярко выраженную экспрессивную окраску, но и весьма интересную интерпретацию. У Абазарова нет словосочетания «*почерневшие* срубы», потому что он говорил не о разрушенных, полусгнивших домах (как это можно понять из текста Великопольского), а о новых, еще не взятых под крышу. Ведь именно в 1960-1961 годах Мегион, как рабочий поселок геологов, начинал строиться, и первые дома были как раз на берегу Меги – они-то и предстали взору Абазарова. Таким образом, не просто искажается смысл абазаровского текста, но и допущена фактическая ошибка. Хотя не исключено, что и сам Абазаров был не совсем точен в описании увиденного. По воспоминаниям старожилов в то время в Мегионе новыми домами уже были застроены и заселены три улицы, в том числе и Береговая. Ошибкой является и то, что старый Мегион назван *поселком* (статус рабочего поселка Мегион получил лишь в 1964 году, поэтому в августе 1962 года он был еще *селом,* а до октября 1961 года – *деревней*). Неверно и то, что экспедиция размещалась *левее* села (если смотреть со стороны Меги, как это следует из текста, то она располагалась *правее*). Расхождения с авторским текстом есть и в указании месяца прибытия в Мегион (у Абазарова - это *август*, у Великопольского – *июнь*). Если учесть, что В.А. Абазаров был назначен начальником Мегионской экспедиции *14 августа 1962* года, то, скорее всего, он приехал в Мегион в августе, а не в июне. Есть и другие «мелочи», на которые при чтении просто не обращают внимания. Так, в очерке о мегионском геологе Валентине Андреевиче Гаврикове В.Д. Салмин называет его супругу Джеммой *Григорьевной,* хотя она - Джемма *Михайловна.* [14]

Материалы книг Великопольского и Салмина вместе с ошибками их авторов в своей работе используют и журналисты, и научные работники, а, следовательно, эти ошибки переходят из текста в текст, «укореняются» и становятся неоспоримой истиной, бесспорными историческими фактами. Конечно, нереально ставить под сомнение все встречающиеся в книгах даты, события и имена, тем более что перепроверить это не всегда возможно. Но относиться к текстам критически и уточнять хотя бы те данные, которые кажутся сомнительными, необходимо для установления исторической достоверности, а иногда – и восстановления исторической справедливости.

[1]Салмин В.Д. Григорий Норкин // Звезды Приобья. Екатеринбург. 2003. С. 198.
[2]Нефть и газ Тюмени в документах. Свердловск. 1971. С. 221.
[3]Там же. С. 230.
[4]Там же. С. 221.
[5]Биография великого подвига. Екатеринбург. 2003. С. 493.
[6]Там же. С. 451.
[7]Абазаров В.А. История одной рукописи // Человек эпохи: Владимир Абазаров. Историко-краеведческий сборник. Выпуск 8. Ханты-Мансийск. 2007. С. 33.
[8]История геологического поиска. Москва. 2003.
[9]Салмин В.Д. Фарман Салманов: сибирская легенда с южным акцентом // Тюменские известия. № 69. 03.04.2004.
[10]Салманов Ф. К. Сибирь – судьба моя. Москва. 1988. С. 25.
[11]Из воспоминаний Абазарова // Возле первых буровых. Тюмень. 2001. С. 4.
[12]Абазаров В.А. Шаги по земле // Новости Приобья. 13.05.1998.
[13]Великопольский С. Д. Тернистый путь к славе // Человек эпохи: Владимир Абазаров. Историко-краеведческий сборник. Выпуск 8. Ханты-Мансийск. С. 5.
[14]Салмин В. Д. Валентин Гавриков // Звезды Приобья. Екатеринбург. 2003. С. 197.

М.М. Канзафарова

Л.В. АЛЕКСЕЕВА О ФОРМИРОВАНИИ КАДРОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Вклад нижневартовского историка Л.В. Алексеевой в исследование проблем Северо-Западной Сибири первых десятилетий советской власти проанализирован некоторыми современными историографами [1]. Достаточно высоко отмечены научные достижения Л. В. Алексеевой профессором В.Д. Камыниным - известным уральским историографом. Недавно появилась публикация, специально посвященная отражению проблем истории Сибири в трудах Л.В. Алексеевой[2], А.А. Ки-

риллова попыталась проанализировать монографию Л.В. Алексеевой, посвященную национально-государственному строительству [3].

В нашей работе рассматривается другая монография Л.В. Алексеевой «Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920-1941 гг.» [4].

О.Н. Гончаренко - историк из Тюмени, весьма высоко оценила значение указанного исследования, подчеркнув, что «Л.В. Алексеева рассмотрела проблемы национальной интеллигенции, а также создала алгоритм социального развития интеллигенции в послеоктябрьский период: через неприятие или нейтралитет советской власти к профессиональному сотрудничеству и только затем к восприятию коммунистического мировоззрения» [5].

В монографии Л.В. Алексеевой на основе большого комплекса источников, извлеченных из центральных, областных, окружных и местных архивов, представлены процессы культурной трансформации на Севере Западной Сибири; исследованы особенности школьного строительства и деятельности культпросветучреждений; изучена проблема подготовки кадров и попытка создания национальной интеллигенции из числа коренных народов; дана характеристика состояния медицинского и ветеринарного обслуживания в крае; выявлены приоритеты, формы осуществления и результаты социокультурной политики советской власти в регионе.

Мы остановимся более подробно на материалах третьей главы, которая называется «Попытка решения кадровой проблемы и создания национальной интеллигенции», где профессор Л.В. Алексеева рассмотрела становление системы кадров в районах Северо-Западной Сибири. Данное исследование, на наш взгляд, весьма актуально в современных условиях, не только с научной, но и практической точки зрения. В округе за последние четверть XX в. и начало XXI в. построены благоустроенные города с развитой инфраструктурой, создан значительный кадровый потенциал. В иных экономических условиях по - новому встает проблема подготовки персонала, в том числе и в сфере умственного труда. Обращение к истории создания национальной интеллигенции важно, поскольку и сегодня вопрос, связанный с социализацией коренного населения нельзя назвать решенным, а проблема подготовки квалифицированных кадров из их числа не теряет своей остроты.

В монографии Л.В. Алексеева отметила, что в начале 1920 - х гг. формирующийся режим политической власти в советской республике

нуждался в интеллигенции постольку, поскольку только она могла быть носителем и проводником идей большевизма в народ, без ее участия укрепление советской власти было бы весьма затруднительно осуществить, с чем нельзя не согласиться [6]. Интеллигенция рассматривалась как «особый контингент, который мог бы служить культурным посредником между правительственными организациями и аборигенами, а также стать живым и убедительным примером «нового» образа жизни» [7].

Главной задачей партийно-советских организаций являлась ликвидация культурной отсталости. Исходя из архивных источников, Л.В. Алексеева делает важный вывод, заключающийся в том, что на Север требовались прежде всего учителя национальной школы. В книге основательно изучены проблемы подготовки учительских кадров в Тобольском педтехникуме, Институте народов Севера, краткосрочных курсах, а также в национальных педтехникумах (Остяко-Вогульском и Салехардском).

Автором проанализированы условия создания туземного отделения, проблемы содержания интерната для учащихся в Тобольском педтехникуме. Наряду с решением проблем социально-бытовой неустроенности, требовалось решать вопросы, касающиеся непосредственно процесса обучения: каковы должны быть структура, программы, средства и методы обучения.

Л. В. Алексеева остановилась на изучении опыта деятельности Института народов Севера. Важным итогом работы стал вывод о том, что «Институт Народов Севера по объему и содержанию программы, а также по структуре учебного процесса нельзя относить к высшим учебным заведениям, а можно лишь говорить о том, что он выступал в качестве общеобразовательной школы и техникума» [8].

Автор не согласна с бытовавшими в советской историографии мнениями относительно решающей роли ИНСА в подготовке кадров для северных районов. Л. В. Алексеева доказывает, что число закончивших учебные заведения было крайне низким и не сыграло большой роли в деле подготовки кадров для Крайнего Севера, хотя и не отрицает определенного вклада этого учебного заведения, ставшего впоследствии весьма престижным заведением для получения образования аборигенами.

В процессе дальнейшего изучения Л. В. Алексеева пришла к выводу, что, несмотря на предпринятые меры, перелома в обеспечении школ кадрами не произошло. Дефицит учителей и воспитателей со-

хранялся, а начать подготовку педагогов из числа туземного населения, ввиду их всеобщей неграмотности, было невозможно. Тем не менее, автор указывает, что с введением национального педтехникума в округах, накануне войны в школы стали поступать его выпускники.

Л. В. Алексеева выявила, что значительно хуже обстояло дело с подготовкой медицинских кадров и ветеринарными работниками. Попытка подготовить медперсонал из числа коренных жителей большого успеха не имела, да и не могла иметь. Если в Остяко - Вогульском округе накануне войны была налажена подготовка медицинских кадров средней квалификации, то в Ямальском округе такая подготовка отсутствовала.

Л. В. Алексеева делает важный вывод о том, что накануне Великой Отечественной войны на Севере Западной Сибири не была создана национальная интеллигенция. Она пишет: «Не было ни одного специалиста с высшим образованием! Кадры учителей и медиков, подготовленные через систему среднего специального образования в 1930 - х гг. (в числе которых аборигены составляли не более 3-5 %), не могут рассматриваться как факт создания у народов Севера специалистов высшей квалификации» [10].

Попытки создания национальной интеллигенции дали очень скромные результаты. «Большая часть населения не была охвачена профессиональным обучением», [9] - отметила профессор Любовь Васильевна Алексеева.

Осветив проблемы создания кадров национальной интеллигенции в округах Северо-Западной Сибири, Л.В. Алексеева обозначила направления для дальнейшего исследования темы, не получившей достаточного отражения в отечественной историографии. К числу перспективных направлений следует отнести: коренизацию кадров, выявление численности подготовленных специалистов, их образовательный уровень, условия труда и быта, вклад в развитие региона. Важным представляется изучение персоналий преподавателей, студентов, руководителей учебных заведений - тех, кто жил и работал в то сложное время.

Примечания

1. См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Проблемы изучения истории Тюменской области в отечественной историографии // Ежегодник Тюменской области краеведческого музея. 2001. Тюмень, 2002. С.136; Камынин В.Д. Цыпина Е.А. Основные итоги изучения экономической и политической истории Ямала в 20-30-е гг. XX в. // Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения. Нижневартовск, 2005. С.74-75, и др.

2. Кириллова А.А. Проблемы истории Сибири в трудах Л.В. Алексеевой // Региональное развитие: история и перспективы. Нижневартовск, 2008. С. 60-64.
3. Гончаренко О.Н. Становление советской интеллигенции в Зауралье 1917 - 1941 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тюмень, 2005. С.8
4. Алексеева Л.В. Социокультурная политика советской власти на Обь - Иртышском Севере в 1920 - 1941 гг. Приоритеты, формы осуществления и результаты. Екатеринбург,2003.
5. Гончаренко О. Н. Становление советской интеллигенции ....
6. Алексеева Л.В. Социокультурная политика ..... С. 107.
7. Там же. С. 107.
8. Там же. С. 118.
9. Там же. С. 133.
10. Там же.

ЧАСТЬ III
ИСТОРИЯ

Я.Г. Солодкин

О МИЛЛЕРОВСКОМ СПИСКЕ ПОГИБШИХ ЕРМАКОВЦЕВ (К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ «ОТЦА СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ»)

В одной рукописи середины XVIII в., принадлежавшей Г.Ф. Миллеру, Есиповская летопись Основной редакции (далее – ЕЛ) и Головинская редакция Сибирского летописного свода разделены перечнем атаманов и казаков, погибших при завоевании «Кучумова царства»[1]. Е.К. Ромодановская посчитала этот перечень извлечением из синодика «ермаковым казакам» (далее – С), обнаруженным ею в рукописи Чина православия, хранившейся в Софийском соборе Тобольска[2]. Заключение видной исследовательницы русской книжности позднего средневековья, думается, не бесспорно.

В Миллеровском «реестре» «православных воев», павших от рук «кучумлян» (далее – М), упомянуты «побитые» на Абалацком озере, о котором умалчивается в других «помянниках» и ЕЛ; в последней сказано о гибели ермаковцев возле урочища с таким названием (56, 78, 380). Об Абалацком озере, на котором царевичем Маметкулом были перебиты казаки, читаем в открытой Г. Ф. Миллером ремезовской «Истории Сибирской»[3]. По свидетельству выдающегося ученого XVIII в., это «продолговатое и притом узкое и кривое озеро» (по-татарски Ебалак-Бюрень), расположенное на лугу близ Иртыша[4]. В М среди погибших на Абалаке вначале названы Окул, Иван Карчига, Богдан Брязга, потом Сергей, Иван, Андрей и Тимофей; в С, который посчастливилось найти Е. К. Ромодановской, упомянуты те же имена, но в обратном порядке. (Заметим, что один из соратников пятидесятника или есаула Брязги в данном С называется то Околом, то как в М Окулом. Следует предпочесть последнее написание[5]). Сергей, Иван, Андрей и Тимофей, перечисленные в М вслед за Окулом, Иваном Карчигой и Богданом Брязгой (согласно Погодинскому летописцу, Брюзгой)[6], видимо, погибли, не направляясь «к рыбной ловле под Оболак», а в той затянувшейся «на мног час» «брани велией», о которой сообщается в «гистории» Саввы Есипова (57) (В этом сражении, состоявшемся, как заметил С. У. Ремезов, в Шаншинском урочище

под Абалаком, где у Кучума был «град», ханский племянник потерпел от «ермаковых казаков» новое поражение[7]). В М мы не прочтем об убитых на Чувашевом мысу 26 октября[8], и таким образом составитель данного списка атаманов и казаков, «взявших» «за саблею» ханство Кучума, избежал явного противоречия, допущенного в С из Чина православия: если следовать данному «помяннику», Окул, Иван Карчига и Богдан Брязга сложили свои головы и на Чувашевом мысу, и у Абалака. (Утверждение, будто «на Абалакский бой» ермаковцами «было подано две» поминальных записки, и владычный дьяк, «не разобравшись, вписал обе»[9], по меньшей мере неточно). Как читаем в М, пятнадцать казаков погибли, когда «ходиша и городки имаша». В С, который до недавнего времени считался первоначальным[10], среди павших во время этой экспедиции по Иртышу и Оби (вплоть до Назима) упомянут еще Тимофей. Последовательность имен совпадает, как и в записях о гибели «призванных» Карачей Иване Кольце и его «товарищах», и о бое, оказавшемся роковым для «наставника» казаков. (Судя по М и С, наиболее кровопролитные бои ермаковцам пришлось выдержать во время похода по Иртышу и Оби, когда погибли Никита Пан и еще четырнадцать или, скорее, пятнадцать участников зауральской эпопеи. Не исключено, впрочем, что к моменту составления С в живых остались только их сподвижники, тогда как атаманы и казаки, сопровождавшие прослывшего Токмаком «воеводу» в его последней экспедиции, или же одолевшие Маметкула на Чувашевом мысу и возле Абалака, погибли). В М и начале С, сделавшегося достоянием ученых почти четыре десятилетия тому назад[11], «велеумный» предводитель «рускаго полка» называется Ермаком Тимофеевым сыном Поволжским. Отметим также, что в этом «помяннике» говорится о смерти перечисленных атаманов и казаков «с их (своею, всею) дружиною», о чем в М не сказано ни разу.

Примечательно, что в М поименно названы Иван Кольцо и несколько его сподвижников, а не сорок человек «товарства» (умерщвленных, согласно одному свидетельству, «в плену»), а это больше соответствует канону синодичных записей.

В главном труде Г. Ф. Миллера встречаем ряд ссылок на «синодик соборной церкви Тобольска», причем они (относительно численности погибших близ ханской «столицы», дат истребления отряда Ивана Кольца и гибели храброго «смлада» Ермака) соответствуют показаниям С. У. Ремезова[12]. Поэтому следует отклонить мысль, что автор «Истории Сибирской» пользовался С «есиповской» редакции[13]. Воз-

можно, М восходит к самому раннему из синодиков «ермаковых казаков»[14], от которого зависит и открытый Е. К. Ромодановской. Их сопоставление, таким образом, позволяет высказать допущение о существовании пока необнаруженного (вероятно, утраченного) С времени «святительства» первого тобольского архиепископа Киприана[15], – С, с которого началась история сибирской книжной культуры.

[1]См.: /Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К./ Предисловие// Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36. С. 16. Далее ссылки на это издание произведений «группы» ЕЛ приводятся в тексте с указанием страниц.

Заметим, что сравнительно с другими в Миллеровском списке указанной разновидности обширного свода, сложившегося в Тобольске в конце XVII в., имеется немало дополнений, в том числе восходящих к «Краткому описанию о Сибирстей земли ...» или Новому летописцу (183. Примеч. 41, 48, 49; 185. Примеч. 6, 79 – 79; 186. Примеч. 7).

[2]Ромодановская Е. К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 65. Утверждая, что «близкий список погибших сохранился лишь в Черепановской летописи» (Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века: Изд. подг. Е. К. Ромодановская и О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001. С. 356), Е. К. Ромодановская забывает о копии, выполненной по заказу Г. Ф. Миллера.

Н. К. Фролов явно заблуждается, полагая, будто ранний С сохранился во второй части Чина православия – его сокращении (Фролов Н. К. Сибирские летописи как исторический памятник ономастикона XVII века// Письменность и книгопечатание: мат-лы науч. конф. к 1100-летию создания славянского алфавита и 200-летию книгопечатания в Сибири. Тюмень, 1989. С. 26).

[3]Памятники литературы Древней Руси: XVII век (далее – ПЛДР). М., 1989. Кн. 2. С. 559, 568. См. также: Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году: Исследования: Перевод: Комментарии: Указатели. М., 2003. Т. 2. С. 50, 145.

[4]Описание Сибирского Царства: Соч. Г. Ф. Миллером. М., 1998. Кн. 1. С. 111. См. также: Вотчины Тобольского Софийского Дома в XVII в. Тюмень, 2001. С. 50.

[5]См., напр.: Черкасова М. С. Вытные и оброчные книги Троице-Сергиева монастыря конца XVI – XVII в.// Археография и источниковедение отечественной истории. Вологда, 1999. С. 40. Ср.: Она же. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI – XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004. С. 244; Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 388. Ср.: Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 109.

[6]В Черепановской летописи три последних сподвижника Ермака не указаны. См.: Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 – 1882 гг. Сургут, 1993. С. 36. Примеч. 17.

Подобные сохраненным С сообщения, к примеру, о детях боярских, убитых в 1556 г. «в казанских местех за Ошитом», есть в «помяннике» одного из кремлевских соборов российской столицы. См.: Рыков Ю. Д. Малоизвестная запись Синодика Московского Архангельского собора о детях боярских, погибших в походе русского войска (июнь 1556 г.)// Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и

раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X – XVIII столетия): Международ. конф., посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина: Тез. докл. и сообщ.: Препринт. М., 2005. С. 65 – 66.

[7]Мысль, будто сражение под Абалаком решило исход экспедиции Ермака (Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 2003. С. 202), должна считаться явным преувеличением.

[8]Вопреки утверждению Р. Г. Скрынникова, в С, который ученый вслед за Е. К. Ромодановской признает первоначальным, отнюдь не говорится о вступлении в тот день ермаковцев в Кашлык (Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 217).

[9]Дергачева-Скоп Е. И. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000. С. 88.

[10]См., напр.: Шашков А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания// проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 138, 141, 156. Примеч. 45; Покровский Н. Н., Титова Л. В. Предисловие// Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 4; Они же. Предисловие// Ромодановская Е. К. Избр. труды ... С. 4.

[11]Ромодановская Е. К. Синодик ермаковым казакам (предварительное сообщение)// Изв. Сибир. отдел. АН СССР: Сер. обществ. наук. 1970. № 11. Вып. 3. С. 14 – 21.

[12]Ср.: ПЛДР. Кн. 2. С. 568; Описание ... Кн. 1. С. 104, 112, 140; Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 2. С. 80. Вряд ли справедливо мнение, что «описывая включение Сибири в состав России, Миллер опирался преимущественно на документальные источники официального происхождения» (Элерт А. Х. Взаимоотношения между русскими и коренными народами Сибири по материалам и оценкам иностранных ученых – участников Второй Камчатской экспедиции// Исторические источники и литературные памятники XVI – XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 133 – 134).

[13]Ромодановская Е. К. Избр. труды ... С. 64.

[14]Солодкин Я. Г. О некоторых спорных вопросах становления сибирского летописания// «Aus Sibirien»: Научно-информационный сб. Тюмень, 2006. С. 123; Он же. Синодик «ермаковым казакам» и возникновение сибирского летописания// Северный регион: наука, культура, образование. 2006. № 2. С. 112 – 114, и др.

[15]Заметим, что согласно ставшему едва ли не хрестоматийным рассказу Есипова (70), подтверждаемому и М, и С, тобольский «первопрестольник» обратился к ветеранам «Сибирского взятия» не только «за сведениями» об их погибших соратниках, как представляется А. В. Матвееву (Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 117. Ср.: С. 140).

Я.Г. Солодкин

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОГО УНИКАЛЬНОГО ИЗВЕСТИЯ ЕСИПОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Согласно «летописи Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде»[1], признающейся центральным памятником раннего

сибирского летописания, хотя побежденный «дружиной» Ермака Кучум бежал «в поле», он часто собирался «месть воздати православным християном», и однажды, достигнув Иртыша, одержимый страхом, оставил намерение разорить «грады», «но немногия веси агарянския поплени»; когда об этом узнали в Тобольске, «руские вои» двинулись вслед за ханом и «близ поля ... нападоша нань» и «побиша» «безбожных», пленив двух цариц и царевича «и множество богаство приобретоша», сумевший же спастись «не со многими людми» Кучум из своего «улуса» «иде втай в Калмыцкую землю», а оттуда – «в Нагаи», и вскоре был там убит (68 – 69).

Рассказ «О смерти царя Кучюма, идеже скончася», составляющий 34-ю главу ЕЛ, повторен в ее вторичных редакциях и переработках (35, 41, 89, 116, 187, 254 – 255, 313, 366), а также в ремезовской «Истории Сибирской», где, однако, описанные Саввой Есиповым события приурочены к 1590 и 1591 гг., указано, что поражение хан потерпел «на степи близ Ишима реки на озере Чили-Куле» и русскими тогда предводительствовал князь В. В. Кольцов-Мосальский, а полный разгром Кучума, как и в Новом летописце редакции 1629/30 г. (далее – НЛ) и некоторых разновидностях Сибирского летописного свода (далее – СЛС), приурочен к 1598 г.[2] Кроме того, в Лихачевской редакции «Повести о Сибири и о сибирском взятии»[3] упоминается о пленении вскоре после разорения «агарянских весей» в Прииртышье одного царевича, а Абрамовский вид того же «Сказания» сохранил явно фантастическое известие о том, что русские схватили тогда и самого «беззаконного» хана, но «небрежением стражей своих от цариц царь Кучюм убежа» (97, 127).

Еще Г.Ф. Миллер допускал, что первый сын Кучума, взятый в плен русскими вместе с двумя ханскими женами, – это Аблегаир (Аблегир, Абдюл[ь] Хаир, Абулхаир, Абу-л-Хайр), о котором в наказе 1594 г. об основании Тары говорится как «присланном» из Тобольска[4].

М.Н. Сперанский утверждал, что изложение событий доведено в ЕЛ до 1584 г.[5] Такой взгляд следует отклонить уже потому, что в «тетрадях» софийского дьяка идет речь о закладке Мансуровского городка «во второе ... лето по Ермакове убиении», датируемом 5 августа 1584 г., строительстве в 1584/85 и 1586/87 гг. Тюмени и Тобольска (64 – 66; ср.: 72). С точки зрения Н.А. Дворецкой, Есипов пишет о разгроме Кучума в 1598 г., но «излагает это событие весьма абстрагировано», обходясь без хронологического определения и упоминания воеводы, что объясняется отношением «слогателя» к источникам – доку-

ментальный материал перерабатывается «в духе книжной риторики»[6]. Однако даты есть во многих главах ЕЛ (в оценке Е. К. Ромодановской отдельные из них напоминают погодные записи[7]), говорится там и об атаманах и воеводах, «взявших» «за саблею» «Сибирское царство» (51, 56 – 67). То обстоятельство, что о новом разгроме, заставившем Кучума покинуть свой «юрт», Есипов поведал весьма обобщенно, не приводя конкретных данных, возможно, – свидетельство отсутствия у владычного приказного (или «преж» него «списавшего») таких сведений. В.Г. Вовина-Лебедева думает, что в ЕЛ имеется в виду пленение двух цариц и царевича «после битвы с тобольскими воеводами», когда непокорный хан потерпел окончательное поражение, о чем сообщается в 64-й главе НЛ «О побое Кучюмове»[8]. Но ведь там сказано о пленении выступившим из Тары отрядом служилых людей восьми жен и трех сыновей «бусурманского» «салтана»[9], о чем следом писали и многие сибирские книжники (98, 142, 190, 191. Примеч. 20 – 23; 259, 316, 370)[10], не замечая, что это свидетельство противоречит воспроизведенному ими рассказу Есипова о поражении, вынудившем Кучума спасаться в калмыцких «улусах».

Откуда же дьяку, входившему в окружение трех кряду тобольских владык, стало известно, что при нападении русских «близ поля» (которое следует отнести к 1598 г.[11]) хан потерял двух жен и сына?

По признанию Есипова, о Сибири и ее «взятии» он рассказал, пользуясь «писанием» какого-то своего предшественника, татарским «летописцем», да и «от достоверных муж испытах» (42, 72; ср. 47). В. И. Сергееву думалось, что о судьбе Кучума после гибели Ермака автор ЕЛ знал со слов очевидцев[12]. Это мнение подтверждает челобитная конного казака Г. Иванова, уверявшего (видимо, в конце 1622 г.), будто хана на Оби «погромили, и его убили (что, впрочем, опровергается другими источниками. – Я. С.), и жены его и дети взяли»[13]. Возможно, об окончательном поражении, которое потерпел от «русского полка» Кучум, Есипов писал (как и о смерти непокорного сибирского «царя», пленении в основанном накануне Тобольске Сейдяка, «Салтана» и Карачи[14]), следуя устному преданию.

[1]Таково авторское название Основной редакции Есиповской летописи (далее – ЕЛ). См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. С. 72. Ср.: С. 42. Следом ссылки на это издание приводятся в тексте.

[2]Памятники литературы Древней Руси: XVII век (далее – ПЛДР). М., 1989. Кн. 2. С. 567 – 568. Мнение, что повествуя об этом, С. У. Ремезов сократил какой-то рассказ (Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1960. Вып. 1. С. 144. Ср.: С. 255 – 256), не подкреплено аргументацией.

[3]Это еще одно наименование ЕЛ.

[4]Описание Сибирского Царства: Соч. Г. Ф. Миллером. М., 1998. Кн. 1. С. 177, 210, 220. Е. И. Дергачева-Скоп, следовательно, ошибается, полагая, что скорее всего названный царевич, позднее крещенный под именем Андрея Кучумовича, оказался в неволе в 1595/96 г. (Дергачева-Скоп Е. И. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000. С. 51 – 52). Не исключено, что это случилось в конце 1580-х гг. (Солодкин Я. Г. Погодинский летописец о переходе сибирских царевичей на русскую службу// Иноземцы в России в XV – XVII веках: Сб. мат-лов конф. 2002 – 2004 гг. М., 2006. С. 518).

[5]Сперанский М. Н. Повесть о городах Таре и Тюмени// Тр. Комиссии по древнерусской литературе АН. Л., 1932. Т. 1. С. 22, 25.

[6]Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984, С. 64.

[7]Ромодановская Е. К. Материалы по стилистике сибирской литературы первой половины XVII в.// Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971. С. 11. Ср.: Она же. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 106.

[8]Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 246 – 247. Напомним, что в «гистории» Есипова сказано не о тобольских воеводах, а русских «воях» (без указания их «начальных людей»), разгромивших «царя Кучюма».

Е. И. Дергачева-Скоп заблуждается, утверждая, будто о разгроме Кучума на Оби сказано и в Погодинском летописце (Дергачева-Скоп Е. И. Генеалогия ... С. 53) – самой, пожалуй, любопытной переработке ЕЛ.

[9]ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 51. Документально известно о пленении в 1598 г. пяти или шести царевичей, восьми дочерей и восьми либо десяти жен Кучума. См., напр.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею имп. АН. СПб., 1841. Т. 2. С. 3 – 5, 9, 17, 18, 20 – 22; Сб. имп. Рус. Ист. Общества. СПб., 1883. Т. 38. С. 297, 379; Белокуров С. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 341; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2. С. 51; Рос. гос. архив древних актов. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 157 об.

[10]Ср.: Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод ... С. 54. По версии С. У. Ремезова, во время этого похода 1598 г. «сибирцы» во главе с князем И. Мосальским захватили в плен трех сыновей, двух дочерей и шестерых жен Кучума (ПЛДР. Кн. 2. С. 567). Примечательно, что в тобольской Книге записной, где повторены сведения НЛ об очутившихся в неволе родственниках Кучума, та же экспедиция (но 1600/01 г.) приурочена к тарскому воеводству И. Мосальского.

[11]См.: Трепавлов В. В. Татарские ханства Сибири XV – XVI веков// Преподавание истории в школе. 2002. № 4. С. 15.

[12]Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания// Вопросы истории. 1970. № 12. С. 50 – 51. На использование сибирскими летописцами воспоминаний служилых людей в историографии указывалось неоднократно. См., напр.: Там же. С. 59, 60; Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 93; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 35 – 36, 54, 154, 225; Никитин Н. И. Соратники Ермака после «Сибирского взятья»// Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 52. Ср.: С. 65; Преображенский А. А. «Веков связующая нить ...»: Преемственность военно-

патриотических традиций русского народа (XIII – начало XIX в.). М., 2002. С. 82. Ср.: Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец ... С. 251.

[13]Описание ... Кн. 1. С. 245. Взгляд, что в 1598 г. Кучум был взят в плен (Степанченко В. И. Освоение казаками Сибири// Науч. вест. Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2002. Вып. 11: Обдория: История, культура, современность. С. 67), – явное недоразумение.

В челобитной К. Д. Бабашина утверждается, что Аблегира (Аблегаира) русские «погромили» на реке Тоболе, между Тобольском и Тюменью, и «привели» к Москве еще при Иване IV. См.: Никитин Н. И. Соратники Ермака ... С. 78.

[14]См.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 29; Ромодановская Е. К. Избр. труды ... С. 125, 278 – 280, и др.

Ю.В. Салтыкова

О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ «ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ» С.У. РЕМЕЗОВА

«История Сибирская» С.У. Ремезова (далее – ИС) с самого начала изучения определялась как совершенно особое явление. Но до сих пор в полной мере не решен вопрос о жанровой природе этого произведения.

Из всего многообразия составляющих жанр «Истории» на первый план выдвигаются жанрово-конструктивные стили, т.е. стили, формирующие жанр. К ним, прежде всего, относятся стили летописный и фольклорный, воинской повести и жития.

Безусловно, летописный стиль в ИС – один из основных. Об этом свидетельствует и погодный принцип изложения событий (правда, не всегда выдерживаемый автором), и стремление Ремезова, подобно древнерусскому летописцу, рассказывая о прошлом, закрепить какой-то важный этап настоящего[1]. Создавая ИС, тобольский сын боярский преследовал цель не только изложить подробности присоединения Сибири к России, но и связать день вчерашний с сегодняшним, показать некую историческую перспективу данного события, его последствия, видимые в авторское время. Но для достижения этой цели Ремезов пользуется иными, чем древнерусский летописец, приемами. Течение рассказа в его «Истории» не прямолинейное, не выпрямленное автором, а замысловатое. Текст, повествующий о прошлом, перебивается рассказами о менее далеком прошлом.

ИС была открыта вскоре после смерти С.У. Ремезова Г.Ф. Миллером, который приобрел ее в ходе Второй Камчатской экспедиции. Летопись послужила фактической, а отчасти и концептуальной основой

первых глав «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. На ремезовское сочинение Миллер как бы нанизывал разнообразный летописный и документальный материал. Г.Ф. Миллер высоко оценил труд Ремезова, написав, что это – летопись, но «особенная, которую необходимо отметить отдельно»[2]. Таким образом, ремезовская «История» оценивается Г.Ф. Миллером как наиболее полный источник, рассказывающий о походе Ермака в Сибирь. Против такого подхода не возражают В.Н. Татищев и М.В. Ломоносов[3], рецензировавшие труд ученого, читавшие его Предисловие, а в приложении – текст Ремезова.

Несомненно, характеристика ИС, данная Г.Ф. Миллером, имеет акценты времени. В отличие от «обыкновенных» летописей, основанных на «гадательных показаниях», на вымысле, ученый выдвигает на первый план историческую сущность (прежде всего – подлинность) Ремезовской летописи. Это ее основное достоинство прощает недостатки, которые, с точки зрения Г.Ф. Миллера, легко устранимы. Несоответствие «штиля», «неестественный ход событий» в повествовании «...моим истории расположении исправлен...», – пишет ученый. Устраивает его и провиденциалистская точка зрения С.У. Ремезова на события, и его мысль о необходимости собственных заслуг перед государством, за которые «жалуют и снабдевают».

Важно заметить, что культура нового времени не поняла художественной природы «Истории», но глазами «отца сибирской истории» увидела в ее тексте «именно достоверное историческое сочинение», «которому сочинитель пред другими больше верит и оной для полности хвалит».

Однако не все ученые разделяют мнение Г.Ф.Миллера. Многие из них отдавали предпочтение то Строгановской, то Есиповской летописи, называя ремезовский труд «собранием легенд, лишенных критического взгляда...». Н.М. Карамзин был в числе тех, кто отказал ИС в достоверности: «...Сочинитель пользовался, как думаю, народными преданиями, догадывался, вымышлял...»[4].

В 1908 г. В.С. Иконников в «Опыте русской историографии», обратившись к ремезовскому сочинению, отметил яркую фольклорную основу этого произведения. Он писал: «Тобольская летопись – летопись только по форме; по содержанию – это народное сибирское сказание, исполненное чудес и всяких невероятностей...».

Как отмечает Е.И. Дергачева-Скоп, известную сложность в жанровую характеристику ИС внес сам автор[5]. С.У. Ремезов называет свое произведение «Историей», объясняя при этом, что он «бытие о едино-

душных казаках вкратце глаголал». Так, уже в этой фразе «бытие вкратце» отсылает нас к повествовательной литературе типа историй о взятиях. Жанр ИС был своеобразно понят и одним из современников С.У. Ремезова. На рукописи почерком начала XVIII в., вероятно, рукой П.Ф. Мировича, записано: «Житие Ермаково как Сибирь взал...». Он воспринял это произведение исключительно как жизнеописание, повествование о христианском подвиге Ермака, и связал его с нормативным для такого сюжета жанром жития. Такие неожиданные повороты в жанровой характеристике произведения свидетельствуют, с одной стороны, о разрушении привычной структуры литературных жанров в конце XVII в., с другой, как это ни парадоксально, – о сохранении традиций в восприятии жанра произведения.

Закрепляя за Ермаком право быть общерусским героем, Ремезов обращается к традиционному набору житийных этикетов. Они играют важную роль в стилистической системе ИС, так как в XVII в. не были выработаны принципиально новые приемы изображения человека. Но в характеристике атамана – предводителя «воровских казаков» – такие этикеты оказываются лишенными своего внутреннего назначения.

Как и в любом житии, в «Истории...» есть предисловие, описание посмертных чудес, «послежитийные» статьи, рассказывающие о значении дела, совершенного Ермаком и его дружиной. Но достаточно вникнуть в содержание этих частей, как станет ясно, что они имеют мало общего с традиционной агиографией.

Как известно, основная часть жития обычно начиналась указанием на рождение святого от благочестивых родителей; иногда достаточно было сказать, что святой произошел из княжеского рода. Однако в «Житии Ермакове» ничего не говорится ни о божественном, ни о княжеском происхождении Ермака. О его прошлом лишь известно, что он грабил «бусы-корабли по Хвалынскому морю и на Волге», а иногда «и царскую казну шарпал». В разбойном прошлом ничего необычного для героя нет. Сам факт, что Ермак – «пресловущий вор», – видимо, не препятствие для автора в использовании традиций жития при рассказе о первом русском «наместнике сибирском».

Подчеркивая «силу, спех и храбрость» Ермака, данные ему, «яко Самсону исполинство», Ремезов следует этикету княжеских житий. Но, не желая отойти от реалий «воровской» жизни Ермака, автор «обнажает» прием, и в результате прием оказывается несостоятельным в новой системе, он воспринимается как фольклорный, чему способствует и миниатюрное изображение Ермака, развивающего с детства

«спех» стрельбой из лука, силу – мечом, храбрость – борьбой со сверстниками. Такого Ермака легко сравнить с героями русских былин – Ильей Муромцем, Добрыней, Дунаем. Этот прием может быть объяснен новым отношением к теме человеческого характера, «отразившим общее накопление опытного знания и отход от теологической точки зрения на человека, начавшийся в XVI в. и усиленно развивающийся в XVII»[6].

В рамках традиционной агиографической литературы авторы заставляли своего героя «воздерживаться от наваждений дьявола ради служения Богу», вести аскетическую подвижническую жизнь. Так, Ермак отказывается от предлагаемой ему в подарок дочери Саргачика, отсылает ее и другим запрещает прикасаться к ней. Но это не признак святости героя, это та моральная чистота, которая присуща положительным героям русского фольклора. Она отличает и всю дружину Ермака: «Блуд и нечистота у них в великом запрещении»; провинившихся топили в реке или «обмывши, держали три дня на чепи», – это выражение норм народной нравственности, своего рода проявление «положительности» в произведениях фольклора. Для подтверждения такой мысли достаточно обратиться к одному из мотивов в песнях о Ермаке («не тронули казаки душу красну девицу дочь турскова мурзы») или к сказкам о верности и невинности («Оклеветанная купеческая дочь», «Терпеливая жена» и др.).

Ремезов, стремясь возвести Ермака в ранг святого, однако, не исключает из «жития» его прошлого, которое так не вяжется с правилами церковной нравственности. Здесь Ермак – «вор» и герой, «идеал» и человек. Характер в летописно-историческом повествовании становится сложнее, многограннее. «Еще многое в литературе XVII в., – отмечал Д.С. Лихачев, – в приемах составления характеристик действующих лиц восходит к житийной литературе, к Хронографу, но многое уже видится по-иному. Еще форма остается старой, но глаз уже воспринимает острее и наблюдательнее прежнего»[7].

Ремезов идеализирует героя с совершенно определенных позиций. Он подчеркивает единомыслие Ермака и дружины, храбрость его, равноправие предводителя с рядовыми казаками в бою и единовластие «в миру». Тем самым, не придавая абсолютного значения власти Ермака-полководца, писатель заостряет внимание на Ермаке-правителе. Его авторитет держится не за счет военной власти, а личным примером, высокой нравственностью. Автор ИС дает очень яркий словесный портрет героя, какого прежде не встречалось ни в одной житий-

ной схеме. Самый красноречивый эпитет из всех, которым Ремезов наделяет Ермака, – «человечен». Кроме словесного, Ремезов дает миниатюрный портрет Ермака, в котором рисует его среди воинов на поле боя, радостно встречающим товарищей, прибывших с вестью из Москвы. В жесте, позе Ермака – правителя, воина, человека – чувствуется влияние того же словесного портрета: разумен, мудр, мужественен.

Ремезов не отказывается совсем от житийных формул. Еще и в XVII в. в большинстве случаев «житие не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии...»[8], и ситуативные этикеты жития продолжают играть свою роль даже в произведениях нежитийного характера. Это особенно заметно в рассказах о чудесах на могиле Ермака. Изображение чудес на могиле святого несет в житиях большую идейную нагрузку, выполняя определенные стилистические функции. Это непременный атрибут заключительной части такого произведения. Таких рассказов в «Истории Сибирской» несколько, ими завершается главная часть «жития Ермакова». Но интересная деталь – здесь рассказывается о чудесах, свершавшихся по отношению ко вчерашним врагам Ермака – сибирским иноверцам, язычникам. Это, несомненно, агиографический прием, направленный на создание образа воина-христианина, даже и после своей смерти способствующего распространению «света евангельского».

В целом же в изображении С.У. Ремезова Ермак – и правитель Сибири, и прилежный христианин, и идеальный воин-защитник. Поэтому ИС можно отчасти воспринимать и как воинскую повесть, и как житие. Сам выбор героя и темы не противоречит этому представлению.

Богатую пищу для размышлений дают исследователям жанры *источников*, использованных С.У.Ремезовым в своем произведении. Давно выявлена связь ИС с Есиповской летописью (далее – ЕЛ), а также со сказаниями и легендами. Произведения, используемые Ремезовым, относятся к различным жанрам: казачья «устная летопись», ЕЛ, Кунгурский летописец, Синопсис, Жития Андрея Боголюбского и Якова Нисевийского, синодики «ермаковым казакам». Эти источники С.У.Ремезов подвергал различным степеням обработки. Отрывки из Житий, выдержки из патристики, Синопсиса не обрабатываются или почти не обрабатываются автором, так как играют роль иллюстрации в произведении. В то же время Е.Л., Синодик, казачьи летописцы и др., служащие основой ИС, значительно изменяются в соответствии с

совершенно определенной задачей – написать «славу» Ермаку, – государственному герою, мудрому правителю своего «казачьего войска и страны Сибирской», человеку.

С.У. Ремезов подбирает факты из источников, не учитывая жанровой природы последних. Отбор фактов, стилистических формул и т.д. для вновь создаваемой структуры организуется темой произведения, которая тесно связана в сознании писателя с системой средневековых литературных представлений, определяемых литературным этикетом[9]. Для того, чтобы показать «бытие казаков», рассказать «историю сибирскую» от «первоначальных во стране князей», обратить внимание на государственное значение присоединения Сибири к России, Ремезов неизбежно в силу средневековой традиции обращается к летописной форме. Сохраняя целый ряд особенностей летописного жанра, автор одновременно и, пожалуй, несколько более последовательно использует стили жанра исторической повести и особенно те приемы, которые связаны с изображением человека как государственного героя, своеобразного «движителя» событий. Не менее традиционно воспроизведение стиля воинской повести для изображения героя-воина и событий, связанных с битвами против «агарян», чудесной помощью воинам «свыше».

Добавим, что иллюстрации ИС включают отдельные элементы миниатюр житийных, исторических и воинских повестей, но границы их порой оказываются нечеткими, размытыми до такой степени, что может сложиться впечатление «стихийного» иллюстрирования, не имеющего этикетной жанровой логики. В действительности же они следуют законам жанра литературного произведения, во второй половине XVII в. также теряющего каноническую четкость жанровых границ, но всегда связанного со своим протографом.

Изучение ИС продемонстрирует сложность ее жанровой природы, вобравшей в себя характерные и яркие приметы произведений летописных, житийных, воинской повести, стилистические приемы хронографических, географических сочинений и.т.д. Появившееся на грани двух столетий, этапных для истории и литературы, это произведение несет на себе печать нового отношения к жизни, к историческим событиям и личности человека. Писатель по-своему использует старые стилистические характеристики. Многие черты возвращают ИС к летописной традиции. Однако новые нормы в речевой практике, иная структура фольклорного материала в ремезовском сочинении, своеобразные задачи, стоящие перед автором, говорят о невозможности вме-

стить это произведение целиком в рамки одного, традиционного жанра, даже такого широкого, как летописный. Некоторые исследователи высказывают точку зрения, что Ермак изображен С.У. Ремезовым как герой «агиографически просветленный» в рамках исторического повествования воинского характера[10]. И такая *воинская историческая повесть* непременно должна нести на себе печать «агиографической стилизации», оставаясь при этом «не житием».

[1]Лихачев Д.С.Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С.51.
[2]Миллер Г.Ф.История Сибири. М.; Л., 1937. Т.1. С. 189.
[3]Андреев А.И. Труды Г.Ф.Миллера о Сибири//Миллер Г.Ф.История Сибири. Т.1. С. 86 – 87, 94.
[4]Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1843. Кн. 3. Т.9. Примеч. 644.
[5]Дергачева-Скоп Е.И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С.У.Ремезова//Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971. С. 49 – 50.
[6]Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С.24.
[7]Там же. С. 26.
[8]Ключевский В.О. Курс русской истории. М.; Пг., 1923. Ч.2. С.314 –315.
[9]Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С.40 – 67, 84 – 109.
[10]Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Житие Ермаково, как Сибирь взял…» (Одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.)//Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв. Новосибирск, 2005. С.152.

О.П. Цысь

ПЕРВОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ИЗ ИСТОРИИ БЕРЕЗОВСКОЙ ВТОРОКЛАССНОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ШКОЛЫ)

На Севере Западной Сибири всегда актуальным оставался вопрос комплектования педагогических кадров для сельских и городских школ. В равной степени это относится к началу XX в. – времени, когда система начальных учебных заведений в крае стала быстро развиваться. О сложности ситуации говорит фрагмент из доклада директора народных училищ Тобольской губернии Н. Курочкина: «Тобольская губерния, хотя старейшая, многолюднейшая и обширнейшая из всех губерний и областей Сибири … принуждена ежегодную убыль учителей и учительниц (до 50 чел.) пополнять, по большей части, малоподготовленными и малообразованными кандидатками из женских прогимназий или случайными людьми»[1].

В полной мере это высказывание можно было отнести и к Тобольскому Северу. Выходцы из южных районов губернии не всегда могли прижиться и обустроиться в суровом краю. Решению этой проблемы могло бы способствовать создание собственного учебного заведения, из стен которого выходили бы квалифицированные учителя – уроженцы обского севера. В качестве места для создания данной школы был выбран г. Березов.

Как сообщалось в «Прибавлениях к Церковным ведомостям», «второклассные школы открываются духовным ведомством с 1896 г. – со времени ассигнования на них, согласно Высочайше утвержденному 5 июня 1895 года мнению Государственного Совета, казенных средств в размере 1629,000 руб. ежегодно. В первые три года (1896-1898) было открыто 225 школ; к концу первого пятилетия (1896-1900) их было 349, через пять лет (1901-1905) – 421; к истекшему 1907 году второклассных школ состояло 427»[2].

В 1902 г. выходит Высочайшее повеление «Об утверждении положения о церковных школах ведомства Православного Исповедания». По «Положению о церковных школах ведомства Православного Исповедания» церковные школы подразделялись на: «1) начальные, предназначаемые для начального обучения детей и взрослых, и 2) учительские – для подготовления учителей в начальные школы. К первым относятся школы: грамоты, церковно-приходские и воскресные; ко вторым – второклассные и церковно-учительские»[3].

В разделе, посвященном второклассным школам, говорилось:

«34. Второклассные школы имеют целью подготовлять учителей и учительниц для школ грамоты…

36. Во второклассные школы принимаются окончившие курс в начальных учебных заведениях и имеющие от 13 до 17 лет от роду. В женские второклассные школы разрешается принимать и получивших домашнее образование. Поступающим в школы производится проверочное испытание.

37. Курс учения во второклассных школах продолжается три года.

38. Во второклассных школах преподаются следующие предметы: 1) Закон Божий; 2) церковная история, общая и русская; 3) церковное пение; 4) русский язык; 5) церковно-славянский язык; 6) отечественная история; 7) география, в связи со сведениями о явлениях природы; 8) арифметика; 9) геометрическое черчение и рисование; 10) дидактика; 11) начальные практические сведения по гигиене; 12) чистописание, и 13) рукоделие (в женских школах) …

40. При второклассных школах состоят одноклассные церковно-приходские школы для практической подготовки воспитанников к преподаванию.

41. Заведывание каждою второклассною школою возлагается на священника, по назначению епархиального училищного совета.

42. Учители и учительницы второклассных школ избираются из лиц, окончивших курс в церковно-учительских школах или в средних и высших учебных заведениях, и назначаются на службу епархиальным училищным советом.

43. Выпускные испытания ученикам и ученицам второклассных школ производятся советом школы. При производстве сих испытаний в совете председательствует назначаемый епархиальным училищным советом наблюдатель (епархиальный или уездный) или член епархиального училищного совета, либо уездного его отделения.

44. Успешно окончившим курс второклассных школ выдаются советами оных (ст. 43) свидетельства на звание учителя или учительницы школ грамоты.

45. Окончившие курс второклассных школ и с успехом обучавшие не менее двух лет в церковных школах имеют право на получение звания учителя или учительницы церковно-приходской школы по сокращенному испытанию, производимому на основании правил, устанавливаемых Святейшим Синодом»[4]. «Положением» предусмотрено содержание учащихся, приезжающих из других мест в общежитии.

Созданию Березовской второклассной учительской школы предшествовала длительная история, связанная с поиском средств, предназначенных для финансирования строительства здания школы.

Среди немногочисленных зданий дореволюционной постройки, сохранившихся в поселке Березово до настоящего времени, стоит отметить школу-церковь начала XX столетия. Краевед Т. Захарова, опираясь на воспоминания Д. Добровольского, Н.И. Силиной утверждает, что каменное здание церкви-школы для девочек в городе стали возводить в 1895 г., завершили строительство в 1902 г. Деньги были пожертвованы супругами Буториными.

Жительницей г. Березова Анной Козьминой Буториной, вдовой отставного есаула Березовской уездной казачьей команды, в июле 1885 г. было составлено духовное завещание, по которому была ассигнована «значительная сумма на построение кладбищенской церкви». В нем содержится пожелание об использовании оставленного ей и ее супругом А.М. Буториным денежного капитала, а так же движимого и не-

движимого имущества на строительство в г. Березове кладбищенской церкви во имя святого благоверного князя Александра Невского[5]. В дальнейшем, как свидетельствует переписка между чиновниками консистории и священнослужителями Березова, оставленным капиталом покойной распоряжалась Тобольская духовная консистория, она следила, как производится продажа имущества, как вырученные деньги переводятся в билеты Государственного банка, для «приращения процентов». Из рапорта благочинного от 7 декабря 1888 г. следует, что сумма, оставленная А.К. Буториной, составила 50 тысяч рублей[6].

Через четыре года жители Березова заволновались (что стало с капиталом, где он хранится, когда будет строиться новый храм?), просили благочинного дать разъяснения по этому делу. Требовали горожане в этом вопросе гласности и открытости, чтобы власти совещались по поводу строительства не только с духовенством, но и жителями[7]. В 1891 г. по распоряжению тобольского епархиального начальства был образован строительный комитет из прихожан, церковных старост, городских священников[8]. Строительство затянулось на многие годы, завершившись лишь в начале XX в.

«В г. Березове есть два довольно поместительных каменных храма и с высочайшего соизволения имеет быть выстроена церковь, школа с приютом для девочек-остячек, на какую постройку уже имеется свыше 65 тысяч рублей...», – отмечалось в Указе Св. Синода от 20 декабря 1901 г.[9]

К 1906 г. основные строительные и организационные работы были завершены. Открытие градо-Березовской второклассной учительской женской школы отмечали весьма торжественно. В честь такого знаменательного события была отслужена литургия, состоялся крестный ход в здание школы, где был зачитан акт об открытии. При школе имелась домовая церковь, которая с 1909 г. была приписана к Воскресенскому собору г. Березова.

Всего же к 1912 г. в Тобольской епархии было организовано пять второклассных школ (3 мужские и 2 женские). Из 173 обучающихся в этих школах детей, девочек получало образование 60 человек, в том числе 40 учениц с. Введенского Курганского уезда и 20 учащихся в градо-Березовской второклассной женской школе. В целом же некоторое представление о педагогическом составе и числе учащихся школы можно составить на основании ниже приведенной таблицы: (см.: Приложение).

Вопреки широко распространенному мнению о том, что в дооктябрьское время в школах учились преимущественно дети русских жителей, национальный состав учениц был вполне пестрым. Среди учащихся градо-Березовской второклассной учительской женской школы в 1913-1914 гг. доля детей русских насчитывала 79,4% (27 чел.), а дети «инородцев» (зырян, самоедов, остяков) составляли – 20,5% (7 чел.)[10]. В 1916 году из 37 учениц русских было 31, остяков – 2, самоедов – 2, зырян – 1, евреев – 1[11].

С 19 июля 12 августа 1910г. Тобольский архиерей Евсевий (Гроздов) совершил инспекционную поездку по приходам Березовского уезда. В путевом журнале излагаются общие наблюдения епископа за состоянием духовно-учебных заведений Березова. В частности он осматривал здание школы и церкви при ней, кладбище и кладбищенскую часовню.

Инспекционная поездка архиерея была предназначена не только для ознакомления с положением дел на местах, но и для выявления недостатков в работе различных подведомственных церкви учреждений. Замечания были сделаны по внешнему и внутреннему убранству школы: «При осмотре школьной церкви особенно странным показалось то, что в иконостасе и царских вратах нет многих икон»[12]. В школьной ограде нет порядка, «всюду бросается в глаза оставшийся от постройки разный хлам, оставшийся от постройки кирпич и лес ничем не прикрыты и поэтому со временем могут совершенно утратить всякую ценность»[13].

При градо-Березовской второклассной учительской женской школе существовало общежитие, в котором в 1913-14 учебном году проживало 13, а в 1916 г. – 12 девочек. В общежитии устанавливался определенный обязательный для всех распорядок дня. В 7 утра следовал подъем, утренний чай, в 8 ч. 45 мин. – общая утренняя молитва. Затем с 9 до 14 часов проводились уроки с перерывом на завтрак. После уроков учащиеся обедали, с 15 до 16 часов вновь занимались. Остаток дня распределялся следующим образом: 16 ч. 30 мин. – вечерний чай, с 17 до 20 часов – приготовление уроков, 20 ч. 40 мин. – ужин, 21 ч. 30 мин. – вечерняя молитва, с 22 часов – сон[14].

Подготовка педагогов должна была опираться не только на багаж теоретических знаний, но и на богатый практический опыт. Для этой цели педагогами сначала давались «типичные» уроки, т.е. своего рода примерные, служащие образцом для будущих учителей. Затем учащиеся готовили конспекты собственных, «практических» уроков. По-

следние проводились при обязательном присутствии педагога и других учеников. После занятия следовал его разбор. Замеченные недостатки подробно анализировались при активном участии всех заинтересованных сторон.

В частности, в 1913-14 учебном году воспитанниками школы было проведено 120 «практических уроков», из которых 110 отмечены как «хорошие» и лишь 10 как «плохие»[15].

Учебный год начинался в различные числа сентября и заканчивался в конце апреля – начале июня. Так, в 1913-14 учебном году занятия проводились с 12 сентября по 1 июня, в 1915-16 учебном году соответственно с 5 сентября по 30 апреля.

Своего рода «полигонами» для отработки педагогических навыков служили так называемые «Образцовые школы», в обязательном порядке создававшиеся при второклассных учительских. Образцовая школа располагалась в том же здании, что и градо-Березовская второклассная учительская[16]. Она была смешанной, т.е. включала и мальчиков, и девочек.

Расходы на школу были по тем временам весьма значительны. Так, на 1916 г. на содержание здания, оплату учителям было потрачено 4897 руб.[17] Детям из малообеспеченных семей выплачивалась стипендия в размере 100 руб. в год.

Таким образом, в начале XX в. на Севере Западной Сибири закладываются основы подготовки и воспроизводства педагогических кадров для начальных учебных заведений края. Выпускники градо-Березовской второклассной учительской женской школы в значительной степени решили проблему наполняемости начальной школы края учительским персоналом.

Приложение

Год	Педагоги	Количество учащихся	Источник
1908	Заведующий школой и законоучитель священник Иосиф Попов, учителя Зоя Лепехина, Ольга Павлова, Лидия Дворникова	10	Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1908 г. Тобольск, 1908.
1910-11	Заведующий школой и законоучитель, 3 учительницы, 1 учительница рукоделия	20 (из них 3 закончило школу)	Школьный листок при ТЕВ. 1912 № 10. С. 78-79.
1913	Заведующий – вакансия, учителя: Еликапида Антониевна Протопопова, Вера Евгеньевна Преображенская и Мария Ефремов-	25	Справочная книга Тобольской епархии на 1913 год. Тобольск, 1913. С.

	на Елисеева		17.
1913-14	Заведующий школой и законоучитель, 3 учительницы, 1 учительница рукоделия	28 (из них 6 закончило школу)	Школьный листок при ТЕВ. 1915 № 3. с. (фото)
1914-15	Заведующие школой (священники): в начале 1914 г. – А. Кузаков, с 13 нояб. 1914 г. – А. Бутковский., в 1915 г. - А. Шевелев	34 (в том числе 14 – младшее отделение, 11 – среднее, 9 – старшее)	Школьный листок при ТЕВ. 1916. № 1. С. 4.
1916	Заведующий школой и законоучитель – А. Шевелев, учителя – Еликанида Антониевна Протопопова, Елена Александровна Новицкая, Ираида Федоровна Мещерякова, Екатерина Александровна Тарасова	37 (в том числе 13 – младшее отделение, 16 – среднее, 8 – старшее)	ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 188. Л. 3об, 5.

Примечания

[1]Курочкин Н. Сведения о состоянии и нуждах начального народного образования в Тобольской губернии в 1904 г. с планом последовательного развития средств начального образования губернии до полного достижения общедоступности его. Тобольск, 1904. С. 11.

[2]Прибавления к Церковным ведомостям. 1908. № 3. 19 января. С. 121-122.

[3]Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1902, № 15-16, 14 апреля. С. 79-87.

[4]Там же.

[5]Духовное завещание А.К. Буториной // Православные приходы Березовского края в XIX - начале XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России). Тюмень, 2004. Вып. 5. С. 119.

[6]Указ Тобольской духовной консистории И. Сургутскову о доставке в консисторию сведений ...// Православные приходы Березовского края в XIX - начале XX века ... Вып. 5. С. 178.

[7]Рапорт протоиерея М. Путилова благочинному И. Сургутсткову с просьбой объяснить Березовскому духовенству и прихожанам причины промедления с постройкой кладбищенской церкви в г.Березове // Православные приходы Березовского края в XIX - начале XX века ... Вып. 5. С. 176-180.

[8]Отношение Березовской городской управы протоиерею Путинцеву...о постройке кладбищенской церкви // Православные приходы Березовского края в XIX - начале XX века ... Вып. 5. С. 179-177.

[9]Указ Святейшего Синода епископу Тобольскому и сибирскому Антонию об использовании капитала, завещанного Березовским купцом Ф.Н.Карповым в соответствии с волей завещателя // Православные приходы Березовского края в XIX - начале XX века ... Вып. 5. С. 227.

[10]Ведомость о церковных школах Тобольской епархии за 1914 гражданский год // Тобольские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1915. №4 С. 82-83.

[11]ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1.Д.188. Л. 4-7.

[12]Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшаго Евсевия, Епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церквей Тобольского и Березовского уездов // ТЕВ. 1910. № 21. С. 495.

[13]Там же. С. 496.

[14]Школьный листок при ТЕВ. 1915. № 4. С. 45.

[15]Там же. С. 39.

[16]Справочная книга Тобольской епархии на 1913 год. Тобольск, 1913. С. 17.

[17]ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1.Д. 188. Л. 3об.

В.В. Цысь

ЭВАКУАЦИЯ ТОБОЛЬСКА В АВГУСТЕ – СЕНТЯБРЕ 1919 г.

Среди сибирских городов Тобольску, безусловно, принадлежит «пальма первенства» по числу смен политических режимов. Переход древней сибирской столицы в руки одной из противоборствующих сторон сопровождался не только изменениями в системе государственного управления, но часто и серьезной дезорганизацией хозяйственной жизни, вывозом или уничтожением значительных материальных ценностей, эвакуацией большого числа людей, тесно связанных с прежней властью и опасавшихся за свою судьбу. В этом отношении ущерб, нанесенный городу, мог быть сопоставим с потерями в ходе боевых действий. Наибольшими масштабами отличалась эвакуация Тобольска в августе – сентябре 1919 г. в ходе отступления частей армии Всероссийского правительства А.В. Колчака.

В первой половине 1919 г. Тобольск был далеким тылом. Его жители (преимущественно чиновничество, интеллигенция, мелкие предприниматели) в массе своей сторонились политических бурь, в целом сохраняя лояльность Верховному Правителю. Десятки представителей местной учащейся молодежи отправились добровольцами в белую армию. Регулярно проводились вечера, спектакли, концерты, сборы с которых шли на нужды защитников Родины от надвигающейся «большевистской опасности». Казалось, немногое изменилось в размеренной жизни провинциального города.

Однако постепенно война все явственнее напоминала о себе. В июле - августе 1919 г. Тобольск заполняется беженцами. Газеты пестрят объявлениями о найме квартир. В учебных заведениях, различных казенных зданиях размещаются госпитали, вывезенные вместе с отступающей Сибирской армией, сотрудники и члены семей государственных учреждений Пермской и Тобольской губерний: Туринска, Чердыни, Осы, Соликамска, Тюмени. Усиленное продвижение воинских и

гражданских подвод в сочетании с проливными дождями привели в негодность мостовые. Растут цены на продукты первой необходимости. Почтовая связь с Курганом, Ялуторовском, Ишимом прекращается, с Омском, Тарой – поддерживается нерегулярно. Отправка телеграмм становится крайне затруднительной из-за перегруженности линий военными сообщениями.

Командование до последнего момента пыталось скрыть от населения катастрофическое положение на фронте. В газетах сначала исчезли сводки о положении дел в Западной армии, которая первая начала отступление. Затем, когда стала отходить уже и Сибирская армия, сводки с фронта некоторое время вообще не публиковались. Когда же скрывать очевидное было уже бесполезно, появились глубокомысленные рассуждения о мудром замысле военного руководства: «Наши армии с боем планомерно отходят на Восток, не принимая по соображениям стратегии и тактики генерального боя, завлекая большевиков в Сибирские трущобы и истощая постепенно их живую силу при одновременном накапливании резервов у себя в тылу»[1]. Командир оборонявшей Тобольск 7-й дивизии полковник А.В. Бордзиловский при встречах с губернским начальством неоднократно заявлял, что успехи противника «временные», городу ничего не угрожает, вскоре следует ожидать перелома и т.п. Как отмечал помощник управляющего Тобольской губернии К.Ф. Копачелли, «утаивание информации о положении на фронте... ведет только к потере казенных и частных богатств»[2]. Лишь падение Тюмени заставило перейти к более энергичным действиям при подготовке к эвакуации губернского центра.

С 11 по 22 августа работала «Межведомственная комиссия для разрешения вопросов, связанных с разгрузкой Тобольска от беженских элементов и эвакуированных в Тобольск учреждений», включавшая 25 представителей различных ведомств. Списки предполагаемых к эвакуации людей и грузов членами комиссии передавались в отдел призрения губернского правления, оттуда – уполномоченному водпути штабс-капитану Н.И. Волжанину, который распределял места на пароходах и баржах, назначал время и место погрузки.

23 августа начальник Тобольского гарнизона, уполномоченный командующего армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия полковник Я.Н. Перчук получил телеграмму от командующего 1-й армией с приказом о начале «разгрузки» города. На следующий день созывается экстренное совещание представителей всех ведомств, окончательно утверждается план эвакуации, ранее раз-

работанный «Межведомственной комиссией». 25 августа полковник Я.Н. Перчук издает секретный приказ № 17 об эвакуации. Вывозимые из Тобольска люди и имущество были разбиты на 5 очередей. К первой очереди отнесли «православные святыни» - раку святителя Иоанна (Максимовича), две наиболее чтимые иконы – Абалакской Божией Матери и Тобольской Божией Матери, различные финансовые учреждения – отделения банков, казенную палату и др. Всего же в списки включили 224 служащих, 659 членов их семей, 5809 пуд. грузов (в том числе 68 служащих, 116 членов семей, 900 пуд. грузов Тобольского губернского управления; 34 служащих, 90 членов семей, 550 пуд. грузов городской милиции, 2 служащих, 3500 пуд. грузов губернской типографии и т.д.)[3].

27 августа с 8 часов утра вереницы подвод потянулись к пристани на берегу Иртыша. К 3 часам дня губернское управление было свернуто. При посадке особая комиссия проверяла документы, а после ее окончания – распределяла места непосредственно на пароходах и баржах. Управляющий губернией В.Н. Пигнатти (в это время находившийся в отпуске по болезни), его заместитель К.Ф. Копачелли, штабс-капитан Н.И. Волжанин, др. представители высшей гражданской и военной администрации, а также «православные святыни» разместились на пароходе «Иван Корнилов». Правда, как выяснилось позднее, епархиальный архиерей, епископ Иринарх (Синеоков-Андреевский), решивший остаться вместе со своей паствой в Тобольске, приказал тайно извлечь из раки и спрятать мощи святителя Иоанна. Таким образом, рака, погруженная на пароход, была пустой.

В 6 часов утра 29 августа от Тобольской пристани отошел караван судов в составе пароходов «Иван Корнилов», «Ростислав», «Смелый», «Надежда», «Казанец»; барж «Алтайская», «Дружба», «Чусовая», «Вах», «Роксана», № 4, № 119, дебаркадера № 146. Замыкал колонну пароход «Дмитрий», на котором разместился вооруженный отряд из 100 человек под командованием штабс-капитана Николаевского. Город перешел под власть военного командования. В распоряжении полковника А.В. Бордзиловского оставались еще значительные силы – 3 боевых и до 20 небоевых пароходов и 26 барж (в том числе незаконченные переоборудованием транспорты для находившихся в Тобольских тюрьмах пленных красноармейцев и заключенных).

По пути следования вниз по Иртышу среди пассажиров, размещавшихся в сырых трюмах пароходов, были отмечены случаи тифа, желудочные, простудные заболевания. Аптека губернского земства,

располагавшаяся на пароходе «Иван Корнилов», бесплатно отпускала при необходимости лекарства. Больные тифом помещались на специальную баржу, буксировавшуюся пароходом Красного Креста «Казанец».

На подходе к селу Демьянскому «Дмитрий» был обстрелян из шомпольных ружей, не причинивших, впрочем, никакого вреда судну. Как сообщил начальник местной милиции, в Уватской и Юровской волостях вспыхнуло восстание, телеграфная линия, соединявшая Демьянское с Тобольском, оказалась прерванной. Отряду штабс-капитана Николаевского пришлось задержаться в селе. Ему была поставлена задача подавить антиправительственное выступление и восстановить нарушенную связь с губернским центром.

Следует отметить, что состав каравана регулярно увеличивался за счет встречавшихся пароходов – «Иван Игнатов», «Барнаулец», «Богатырь», «Арсений», «Нор-Зайсан» и др. В с. Самарово произошла перегруппировка транспортных средств. Части из вновь присоединившихся судов было дано указание следовать в Тобольск для оказания помощи отступающей армии, другие же продолжили движение на восток.

Эвакуация из Тобольска производилась и после выезда большей части гражданских учреждений 29 августа. В последний раз в городе получили почту 1 сентября (омские газеты за 26 августа). В ночь на 2 сентября полковник А.В. Бордзиловский назначил «уполномоченным командующего армией в Тобольском, Сургутском и Березовском уездах» полковника С.Н. Мамеева. Штаб городского гарнизона переименовывается в «штаб уполномоченного». Утром 2 сентября С.Н. Мамеев отправляется со своими подчиненными в с. Самарово – «центральный пункт трех уездов». Вечером этого же дня город покидает полковник Я.Н. Перчук с еще остававшимися в Тобольске милиционерами и некоторыми служащими губернских учреждений.

С 3 сентября выздоровевший В.Н. Пигнатти вступил в управление губернией (точнее оставшейся под контролем белых ее северной части), приняв дела у своего заместителя К.Ф. Копачелли. 4 сентября эвакуировавшиеся из Тобольска караван прибыл в Сургут. Именно этот северный город был избран в качестве конечного пункта эвакуации, места временного размещения губернских учреждений. В этот же день в Тобольск вступили подразделения 51-й дивизии Красной Армии.

Хотелось бы высказать несколько замечаний относительно неоднократно описывавшихся в советской историографии расстрелов отсту-

пающими белыми по пути следования из Тобольска на восток пленных красноармейцев и советских работников[4]. Т.к. практически все гражданские учреждения были эвакуированы, в том числе и служащие тюремной инспекции, задача охраны и вывоза заключенных должна была лечь на плечи военных, оборонявших Тобольск. Озлобленные солдаты и офицеры терпящей неудачи армии могли прибегнуть к самосудным расправам над пленными красноармейцами и сторонниками советской власти. Невозможно представить, чтобы подобные приказы могли исходить от представителей местной интеллигенции (а В.Н. Пигнатти, К.Ф. Копачелли и др., безусловно, таковыми являлись). Убийство пленных и заключенных во время этапирования хорошо известны из истории ГУЛАГа и 2-й мировой войны, да и красные нередко точно так же поступали с попавшими в их руки белыми. Чего стоит, например, эпизод расстрела заподозренных в сочувствии к восставшим крестьянам заложников, приводимый в воспоминаниях начальника Обдорской радиостанции, члена ревкома И.П. Волкова: «Я поставил семейку бандитов в затылок, на шаг друг от друга, и Сарапу одной пулей пронзил всех троих. Диким криком восторга приветствовала расстрел группа наших людей. Две женщины бросились обухом добивать еще шевелящихся врагов»[5]. Конечно же, речь не идет об оправдании преступлений, но с нашей точки зрения следует попытаться объяснить и понять логику и мотивы действий сторон в кровопролитном гражданском противоборстве. В Гражданской войне, которая, как известно, очень часто оказывается более ожесточенной, чем война межгосударственная, у каждого своя правда, за которую он готов не щадить ни себя, ни тем более врага. Без труда можно объяснить, почему ты сражаешься с представителями другого народа, с иным языком, культурой, образом жизни, мышлением. Но как понять, почему по другую сторону баррикад оказался твой сосед, родственник, почему он покушается на то, что кажется тебе дорогим и святым? Иначе как предательством это нельзя объяснить. А к предателям всегда были беспощадны. Не случайно, что в межгосударственных конфликтах наиболее суровое отношение было к перебежчикам, добровольно перешедшим в стан врага.

О своеобразных «нечаянных встречах» близких по крови, но противоположных по убеждениям людей во время боев за Тобольск позднее вспоминал первый красный комендант города И.В. Смехов:

Красноармеец Брюханов, узнав в наступающей цепи белых своего дядю, крикнул:

- Дядя, за что воюешь, за свое кулацкое добро или кочаковскую плеть?

Дядя узнал племянника и крикнул в ответ:

- Дезертир! Не сдох еще с голоду в Совдепии, придешь домой голоштанник, не миновать тебе петли, пока не поздно переходи, быть может отстою.

В другом случае в разных окопах оказались старший и младший братья – татары по национальности:

- Эй большевик, айда к нам. Секи башка не будем, если не идешь, худо будет – петля будет болтаться! – кричит первый.

- Нет браток, - отвечает второй, - к вам не идем... Скоро, скоро Колчак секим башка, тавай, тавай беги к нам, вместе будем драться за Советскую власть![6]

Другой фактор, который мог способствовать проведению бессудных расправ с пленными – ошибки ряда чиновников, допущенные при подготовке и проведении «разгрузки».

Тобольский тюремный инспектор А.Н. Мирный, эвакуировавшийся вместе со своими подчиненными и другими служащими губернских учреждений, по замечанию К.Ф. Копачелли, человек «крайне неуравновешенный, излишне суетливый, неосторожный в словах, сам подвержен панике вносил беспокойство в среду тюремного ведомства».[7] Ранее он задерживал отправку тюрем из Тобольска в Томск под предлогом переоборудования судов для транспортировки людей. В городе, находившемся под военным командованием, оставались еще заключенные в тюрьмах и на баржах. Таким образом, окончательная эвакуация должна была проводиться военными, со стороны которых и допускались жестокие расправы над беззащитными людьми...

В ходе Петропавловской операции белым 27 сентября удалось вновь занять древнюю сибирскую столицу. Однако, израсходовав большую часть резервов и так и не сумев перехватить стратегическую инициативу, войска Верховного Правителя спустя месяц вторично оставили Тобольск. Октябрьская эвакуация, по-видимому, отличалась уже меньшей организованностью, сопровождалась значительными разрушениями. При отступлении были сожжены пристань и портовые сооружения, пивоваренный, кожевенный, консервный заводы; выломаны деревянные плахи, которыми мостили улицы Тобольска; в бывшем губернаторском доме, отданном под госпиталь, оставлены непогребенными тела умерших больных и раненых. С окончанием навигации в Сургуте, Березове, Самарово и др. местах Севера Западной Си-

бири оказались брошенными вмерзшие в лед пароходы и баржи, на которых осталось более 1 млн. пудов хлеба, большое количество мануфактуры, оборудование эвакуированных уральских заводов и мн. др.

От понесенного ущерба город в целом оправился к лету 1920 г. Часть вывезенных из Тобольска исторических ценностей (напр., некоторые старопечатные издания и рукописи) осела в Томске. Рака святителя Иоанна (Максимовича) оказалась в Иркутске. Позднее ее удалось вернуть в Тобольск. Следы же иконы Абалакской Божией Матери затерялись, обнаружившись сравнительно недавно в Австралии. Поразному сложилась судьба активных участников и организаторов обороны и эвакуации Тобольска в 1919 г. А.В. Бордзиловский продолжал борьбу с большевиками вплоть до окончательного поражения белого движения на Дальнем Востоке. Затем он жил в эмиграции в Китае и США. В.Н. Пигнатти был арестован и расстрелян в 1920 г.

Примечания

[1]Тобольские епархиальные ведомости. 1919. 22 июля (4 августа). С.309.

[2]Государственный архив Российской Федерации. Ф.148. Оп.4. Д.126. Л.3.

[3]Там же. Л.13 об.

[4]См. напр.: Рощевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С.287 и др.

[5]Цит. по: Петрушин А.А. На задворках гражданской войны. Тюмень, 2004. Кн.2. С.185-186.

[6]Воспоминания И.В.Смехова (рукопись) // Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Отдел рукописей и редкой книги. № 15.

[7]ГАРФ. Ф.148, Оп.4. Д.126. Л.15об.

Л.Д. Кашина

БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОГО СЕЛА
(из истории села Покур Нижневартовского района)

Старинное село Покур, основанное обскими остяками, расположено на высоком берегу протоки Покур. По сути, Покурская протока - старица Оби. Ещё лет 60 – 70 назад название и села, и протоки в русском переложении звучало как Фокур. По словам старожилов, по имени остяка, основавшего поселение. Есть и другая версия названия.

В списке населённых мест за 1868 - 1869 гг. в Покурских юртах числится 13 жителей, из них 7 мужского пола. Расстояние до окружного города 153 версты, до квартального участка 20 вёрст.[1]

Первые русские семьи появились в Покурских юртах с развитием пароходства в 70-80-е гг. X1X в. С открытием здесь пароходной пристани возникла потребность в дровах, в так называемом швырке, от сжигания которого суда работали. Число пароходов на Оби и Иртыше быстро росло, и в 1904 г. их было уже 107.[2] Основными занятиями остяков в те годы были рыбный промысел и охота. Обской рыбой бойко торговали перекупщики на рынках Тобольска, Томска, Кунгура, на Ирбитской, Шадринской, Пинежской и других знаменитых ярмарках Сибири и Урала. Замороженная рыба с Оби поставлялась также в Москву и Санкт-Петербург. Часть дохода местным жителям приносила охота. Кроме того, остяки заготавливали и сдавали орех, пух, перо, дикоросы.

Как и сотни небольших сибирских поселений, до революции Покур оставался в стороне от крупных исторических событий. Лишь в конце X1X – начале XX вв. знаменитый лесничий А.А. Дунин-Горкавич, побывавший с экспедицией в Сургутском и Ларьякском районах, в числе прочих населённых пунктов отметил и Покур. Так же, как в Майонских юртах и Ватинском выселке, его внимание привлекли плодородные чащевые кедровники, окружавшие эти поселения.

Учёный лесовод, желая приохотить местное население к земледелию, раздавал в наших краях элитные семена огородных и зерновых культур. В 1909 г. А.А. Дунин – Горкавич стал официально заведовать агрономическим делом в Берёзовском и Сургутском уездах.[3] В состав последнего входили в те годы Покурские юрты.

По сведениям 1912 г., в юртах Покурских на 17 дворов уже насчитывалось 84 жителя.[4] При этом дореволюционный учёт дворов нельзя понимать в буквальном смысле, поскольку он чаще всего не соответствовал реальной действительности. Дворы никто не считал. Количество душ мужского пола (женщины в расчёт не принимались) в населённом пункте делилось на четыре, где цифра 4 – усреднённое число мужчин в составе среднестатистической семьи того времени. Итогом являлось условное число дворов. Поэтому в подворных списках часто встречаются дробные цифры.

На средства, собранные жителями Покура и окрестных селений, в Покуре в начале XX в. была построена церковь Святой Богородицы. Освятил торжественное открытие нового храма священник **И. Селихов**, по воспоминаниям его сына, направленный в Покур из Тобольска.

Революция 1917 года Покура, как и многих сибирских селений, не коснулась. Нет секрета в том, что сибирские мужики, жившие зажиточно, являлись противниками всякого раздела имущества и советскую власть признавать не хотели. Но дальнейшая история села неразрывно связана с теми кровавыми историческими событиями, что происходили порой и за тысячи километров от Сибири. Первый след в его истории оставила Гражданская война. В конце мая 1918 г. вспыхнул мятеж белочехов. Обской Север, именуемый также Низовским краем, оказался во власти адмирала А.В. Колчака. В июле Сургутский Совет был распущен. По воспоминаниям старожилов, к крутояру Покура пришвартовались суда с частями Колчака. Расстрелянных красноармейцев, которых везли с собой на баржах, похоронили тут же, на берегу возле церкви. По иронии судьбы братская могила тех, кто выступал против религии, долгие годы находилась рядом с храмом, с которого, впрочем, уже в 1918 г. ретивые атеисты сбили крест. Позднее, в 30-е гг. на месте захоронения был поставлен памятник, но не жертвам Гражданской войны, а её героям. В 70-е гг., когда берег стало подмывать, останки погребённых перенесли в другое место.

Эта война и в Покур принесла раскол, и здесь «брат пошёл против брата». Так, один из Крюковых, Макар Григорьевич, примкнувший к белым, после поражения Колчака бежал во Владивосток. Там женился на японке. Другой Крюков, Илья Иванович, оставил в архиве Нижневартовска воспоминания о событиях, связанных с крестьянским восстанием против советской власти, участником которых он был на стороне красных. В 1920 г. после изгнания белых в Покуре был создан сельсовет в составе Локосовской волости Сургутского района. Летом того же года здесь была создана комсомольская организация.

В 30-е гг. численность жителей Покура заметно увеличилась за счёт репрессированных. Семей двадцать спецпереселенцев (среди них Вотяковы, Могильниковы, Клоповы, Мыльниковы, Хайдуковы, Альковы, Ивачёвы, Сорокины, Десятовы, Берсенёвы) основали Новый Покур. Большую часть из них, в том числе Вотяковых, Берсенёвых привезли в Покур сразу же, некоторые семьи были переселены сюда позже из других спецпереселенческих поселений. За старой частью села осталось название Старый Покур, причём не только в обиходе поселян, но и в топонимике. Ещё и в 1958 г. на карте «Маршрутного описания водных путей Иртышского бассейна» значилось два Покура.[5] В 1932 г. в Новом Покуре была организована рыболовецкая артель «Вторая пятилетка». При рыбоучастке имелся свой засольный

пункт, ледник, бондарная мастерская. У причала швартовались плашкоут и изотерма (судно для мороженой рыбы). Одного только мохтика за сезон добывали по 70-80 тонн. Ссыльные жили в основном в бараках, но и свои дома им строить не запрещалось. По воспоминаниям старожила Вотякова Фёдора Антоновича, до войны в Покуре народу жило много: и привозных (так он называет ссыльных), и вербованных.[6] На самые тяжёлые работы ставили репрессированных, «колонков», как их иногда называли. Мало кто из ссыльных избежал участи работать на лесоповале или на рыбной ловле. На лесозаготовки в основном направляли на соседние речки: Покурский Ёган, Куль-Ёган, Кирьяс, Лобановский Ёган. Зимой на лошадях свозили брёвна в урьи, увязывали их в плоты. Летом плоты сбивали в матку с полверсты длиною и до тридцати плотогонов сплавляли её до Салехарда. Оттуда лес гнали на 501-ю и 503-ю стройки ГУЛАГа.

В Старом Покуре процветал семеноводческий колхоз «Авангард». Его первым председателем был Рыбалкин Иван, проработавший один год. Следующий председатель Журавлёв Иван Васильевич возглавлял колхоз 13 лет. До войны в сибирском селе распахали не одну сотню гектаров земли под зерновые и огородные культуры. На холме мельница высилась. Подаренные знаменитым лесничим семена дали свои результаты. Ездили покурцы в Москву на ВДНХ, с калигой (брюквой) - овощевод Шиленкова Анна Максимовна, с полевыми культурами – полевод Сорокин Владимир Ильич. Параллельно развивали животноводство. Работала маслобойня. Ловили рыбу для своих нужд.

С увеличением населения в 1930 г. в селе открылась начальная школа, домик этот и поныне сохранился на улице Центральной. В середине войны в эту школу по распределению приехала Рогачева Анна Николаевна, репрессированная с родителями в соседний Погорельск, - ныне старейшая учительница Покура.

Очередной прирост населения Покура произошёл за счёт депортированных в годы войны нескольких семей калмыков, финнов Корхонен, а также поволжских немцев Браун, Даувальтер, Фельдберг, сосланных в село в 1942 г. И если в пятистенных бараках обычно жили по две семьи, то бессловесных калмыков заселяли по четыре. Жили в военные годы в Покуре и спасённые от голодной смерти блокадники Ленинграда. Ссыльные изо всех поселений сельсовета ездили отмечаться в Покурскую спецкомендатуру. Комендантом до 1953 г., по воспоминаниям бывшей жительницы Покура Змановской Надежды (ныне Гусевой), работал Баранов Иван.

В годы Великой Отечественной войны в селе был сборный пункт, отсюда пароходом мобилизованных везли дальше. Ныне в Покуре установлен монумент. На трёх бетонных плитах высечены имена 113 павших призывников Покурского сельсовета. Во время войны при колхозе была создана МТС, первой женщиной трактористкой стала Хайдукова Прасковья. Церковь, бывшую то складом, то зернохранилищем, пристроили под изготовление рыбной муки и крупы. В 50-е гг. и калмыки, и блокадники разъехались. Труженики-немцы с финнами прижились на чужой земле, некоторые породнились между собой. После войны появились в Покуре и депортированные с Западной Украины.

В начале 50-х гг. на покурской скважине, отрабатывая преддипломную практику, побывал Фарман Курбанович Салманов. Отсюда начинались поиски среднеприобской нефти. Ныне на месте буровой Р-1, рядом с новой школой, построенной недавно взамен сгоревшей деревянной десятилетки, стоит заглушка первой буровой скважины.

В 1961 г. в селе был организован совхоз «Авангард», объединивший рыболовецкую артель с колхозом, а Старый Покур с Новым Покуром и пятидворкой. Счетоводом колхоза работал Клопов Иван Алексеевич. При восьмилетней школе находился платный интернат для приезжих, в основном, русских детей. За школой, на окраине села высилась водокачка, сгоревшая в 1962 г. В другом конце села дебаркадер встречал пароходы, другие речные суда. При больнице открылось хирургическое отделение. В просторном клубе, ещё в 50-е гг. преобразованном из церкви, кипела культурная жизнь.

Но уже в июне 1976 г. Покур по неясным мотивам вошёл в состав Нижневартовского района.

Ещё лет пять назад село, как и прежде, окружённое с трёх сторон кедрачом, поражало своей первозданностью. И поныне во дворе Вотякова сохранилась гражда – огромный деревянный навес над подворьем, в небо из труб тянется дым, у домов - сельхозинвентарь, иногда - запряжённая лошадь... Но яркие краски строительных изысков сельских «новых русских» диссонансом ворвались в архитектуру Покура, разрушив старинный облик ныне вымирающего, а некогда многолюдного красивого сибирского села с его неповторимой историей.

[1]Список населённых мест по сведениям 1868-1869 годов // Тобольская губерния. Статистический сборник. СПб. 1871.

[2]История ХМАО с древности до наших дней. Екатеринбург. 2000. С. 321.
[3]Там же. С. 317.
[4]Там же. С. 317.
[5]Маршрутное описание водных путей Иртышского бассейна// Лоцманская карта. Омск. 1958. С. 26.
[6]Шлябин Д.Д. Покурские старики – дети спецпереселенцев// Местное время. 2000. 3. дек. С. 5.

В.Б. Рондырев-Ильинский, Е.В. Джек

ИСТОРИЯ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ ОГПС-5: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

И пусть останется в веках
Тот миг, когда сквозь дым угарный,
Ребенка на больших руках
Выносит бережно пожарный.
Л. Ошанин

Отечественная пожарная служба имеет необычайно богатую историю. Пожары на Руси всегда были страшным бедствием, они причиняли неизмеримый материальный ущерб государству, в огне ежегодно погибали тысячи людей. С ростом городов, развитием ремесла и торговли убытки от пожаров становились все весомее. Все острее ощущалась потребность в создании общегосударственной системы мер, направленных на предупреждение и тушение пожаров. 30 апреля 1649 г. появился «Наказ о градском благочинии», который устанавливал ответственность должностных лиц за выполнение правил пожарной безопасности (с 1999 г. 30 апреля отмечается какпрофессиональный праздник пожарных - День пожарной охраны).С незапамятных времен отмечено, что в пожарной охране служат люди, обладающие качествами настоящих мужчин. Самоотверженность, гуманность, отвага и готовность в любую минуту прийти на помощь - непреходящие ценности и традиции пожарной охраны. Нельзя не отдать должного людям, сделавшим борьбу с огнем делом своей жизни, людям, которые каждый день проходят по кромке риска. И пока на земле будут существовать пожары, пожарные будут готовы мчаться по первому зову на помощь и не будет конца их героической самоотверженности.

Главная задача Отряда Государственной противопожарной службы № 5 - охрана города Нижневартовска от пожаров, спасение попавших

в огненную западню жителей, сохранение материальных ценностей и объектов народного хозяйства. История создания и развития ОГПС-5 неразрывно связана с освоением богатейших месторождений Севера Тюменской области. Она уходит в начало 90-х годов прошлого столетия, когда в целях усиления противопожарной защиты объектов города Нижневартовска 01 июля 1993 года, в связи с ходатайством Нижневартовского Совета народных депутатов, приказом начальника УВД Тюменской области от 14 июля 1993 года № 814 был создан Отряд противопожарной охраны № 5 ПАСС УВД Ханты-Мансийского автономного округа. В состав отряда вошли 42, 65, 90 части пожарной охраны. Штатная численность составляла 280 единиц. Нижневартовским пожарным были вверены жизни, здоровье и благополучие тысяч горожан. В разные годы пятый Отряд возглавляли: Немкин Борис Сергеевич (1993-1994), Иванов Сергей Николаевич (1994-1996), Капитонов Юрий Иванович (и.о. 1996-1997). С 1 августа 1997 года начальник Отряда - полковник внутренней службы Мотыгуллин Рафаиль Нурхаметович.

За эти годы коллективом отряда проделан большой объем работы по усилению мер пожарной безопасности на объектах и предприятиях города Нижневартовска, укреплению материально-технической базы подразделений Отряда, повышению социальной и материальной защищенности сотрудников, стабилизации кадровой политики. Статистика свидетельствует, что с 1997 года в Нижневартовске наметилась устойчивая тенденция к снижению количества пожаров и сокращению социально-экономических последствий от них. Так, за указанный период число пожаров сократилось с 850 до 400 в год. За сухими данными статистики стоит ежедневный тяжелый и самоотверженный труд сотрудников пожарной охраны. Риск, опасность, стихия огня – это не экзотика, а суровые будни пожарных.

С целью совершенствования управленческой деятельности и повышения боеготовности подразделений учрежден аппарат Отряда, в состав которого входят:

- отделение организации службы и пожаротушения (ОСиПТ), руководитель - майор внутренней службы Рондырев-Ильинский Владимир Борисович;
- группа кадров – на протяжении 10 лет её возглавляет подполковник внутренней службы Зайцев Сергей Алексеевич;
- финансовая часть, начальник - Ахметшина Альбина Мухаметовна;

• группа обслуживания, начальник – Селиванов Геннадий Георгиевич.

Боевая работа пожарных связана с крайне тяжелыми физическими и моральными нагрузками. В трескучий мороз и в летний зной, в задымленном подвале и на головокружительной высоте бойцу надо сохранить силы, чтобы победить огонь, дым и панику. Каждый пожар сложен и требует предельного напряжения сил. На пожаре, как на войне, даже терминология та же: штаб, боевые действия, разведка, бойцы и в конце - ликвидация пожара. Действуя по законам мужества, пожарные в случае необходимости решительно вступают в бой за жизни людей. Ключевые слова, определяющие смысл и суть работы огнеборцев - «Спасти. Сохранить. Защитить».

Так уж повелось, что основное бремя по тушению пожаров и проведению аварийно-спасательных работ лежит на пожарных частях, а их в ОГПС-5 – три, и каждая со своей боевой историей и традициями.

Пожарная часть № 42 осуществляет защиту большей части города - от улицы Нефтяников до переулка Обской в старой части города. Подразделение создано приказом начальника УВД Тюменского облисполкома № 081 от 07 июня 1983 года с утвержденным штатом 60 человек в качестве самостоятельной военизированной пожарной части. Первым начальником части был майор внутренней службы Матюшенко Александр Павлович. За время существования ПЧ-42 начальниками части также были Гонохов Владимир Александрович, Мякишев Алексей Николаевич, Немкин Борис Сергеевич, Вдовин Анатолий Михайлович, Джек Владимир Петрович. В настоящее время ПЧ-42 возглавляет подполковник внутренней службы Кастерин Владимир Александрович. В июне 2008 года ПЧ-42 исполнилось 25 лет.

Пожарная часть № 65 образована приказом УВД Тюменской области № 0127 от 24 июля 1985 года. Первоначально она была создана на базе и подчинена СВПЧ-42. Штатная численность части на момент образования – 42 человека, в настоящее время - 81. Зона обслуживания ПЧ-65 включала в себя старую часть города Нижневартовска. Первый начальник ПЧ-65 – Капитонов Юрий Иванович. В разное время ПЧ-65 возглавляли Фесик Александр Иванович, Рахматуллаев Нариман Эгамбергенович, Скороботкин Валерий Васильевич. В настоящее время пожарной частью руководит подполковник внутренней службы Хромелюк Борис Тимофеевич.

Пожарная часть № 90 была образована 03 июля 1991 года приказом начальника УВД Тюменского облисполкома № 037 от 11 июля 1991

года на базе существующей пожарной части № 5 по охране промышленной части города. Штатная численность – 101 человек. Первый начальник ПВПЧ-90 – Хумышев Сергей Федорович. На этом посту его сменил Тимошенко Александр Николаевич, который руководил частью до декабря 2003 года. В настоящее время ПЧ-90 возглавляет подполковник внутренней службы Ибрагимов Гаяз Касимович.

Бурный рост Нижневартовска в 1980-е годы сопровождался появлением новых объектов промышленности, торговли и связи, автотранспортных предприятий и станций технического обслуживания. Особой гордостью нижневартовцев стали «высотки» - бело-голубые 16-ти этажные жилые здания.

В целях повышения боеготовности, совершенствования профессионального мастерства, навыков тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ личного состава дежурных караулов ОГПС-5, начальником отделения ОСиПТ майором внутренней службы Рондыревым-Ильинским В.Б. совместно с подчиненными сотрудниками были разработаны положения соревнований и конкурсов профессиональной направленности. Результаты проведения данных мероприятий не заставили себя долго ждать. С 1998 года пожарные ОГПС-5, выступающие на различных профессиональных соревнованиях, ставят перед собой только высокие задачи – быть в числе лучших. Так, сборная команда отряда является многократным победителем и призером первенства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по пожарно-строевой подготовке. В 2007 году на конкурсе профессионального мастерства на звание «Лучший по профессии» среди личного состава дежурных караулов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры первое место завоевала сержант внутренней службы Рондырева-Ильинская Е.В., а пожарный ПЧ-65 ОГПС-5 Красильников Д.А. занял почетное второе место.

За плечами пожарных ОГПС-5 тысячи потушенных пожаров и сотни спасенных людей. В среднем в течение года пожарные выезжают 7 тысяч раз, из них на пожары около 500 раз. За проявленное мужество и героизм, проявленные при исполнении служебного долга в период тушения пожаров и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, более 50 сотрудников награждены правительственными и ведомственными наградами. Таким образом, ежедневные теоретические занятия и практическая отработка навыков позволяют более профессионально и оперативно выполнять поставленные задачи в период боевых действий.

Свое мастерство сотрудники ОГПС-5 демонстрируют не только в работе, но и на сцене. Так, 22 апреля 2005 года в смотре-конкурсе коллективов художественной самодеятельности МЧС России по Приволжско-Уральскому региональному центру, посвященном 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, коллектив ОГПС-5 завоевал второе место.

Коллектив ОГПС-5 является постоянным участником всех значимых городских, районных и окружных мероприятий: парады, посвященные Дню Победы, юбилейные даты или профессиональные праздники и конкурсы.

Как во всяком сложившемся коллективе с богатой историей, в Отряде на протяжении уже многих лет существуют славные традиции. Конечно, это профессиональный праздник День пожарной охраны России, День Спасателя, День защитника Отечества, Международный женский день, День первоклассника. Также доброй традицией в ОГПС-5 стало ежегодное чествование ветеранов пожарной охраны.

Сегодня Отряд государственной противопожарной службы № 5 - это мощная оперативная структура, обладающая квалифицированными кадрами и современной техникой. Штатная численность личного состава составляет 298 единиц, из них 62 сотрудника имеют высшее и среднее специальное образование гражданских учебных заведений, 25 сотрудников окончили высшие и средние специальные учебные заведения ГПС МЧС России. Средний возраст сотрудников Отряда -около 30 лет.

На вооружении противопожарной службы города Нижневартовска имеется 23 пожарных автомобиля, из них 18 автоцистерн, которые доставляют к месту пожара боевой расчет и подают огнетушащие средства в очаг загорания. Для проведения спасательных работ и тушения огня на высоте используются 3 автолестницы, 2 из которых способны спасать людей из зданий повышенной этажности, 1 коленчатый подъемник, 1 пожарный автомобиль первой помощи.

За 15 лет существования ОГПС-5 прошел славный трудовой путь, успешно впитав опыт пожарных частей-предшественников, ставших для него устойчивой и надежной основой. Продолжая вековые традиции защиты народного достояния от пожаров, сотрудники отряда надежно стоят на страже безопасности жителей Нижневартовска, проявляя при этом достойные подражания образцы героизма и профессионализма.

Л.Л. Телегина

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ Г. НИЖНЕВАРТОВСКА

Сегодня в нашей стране стало реальной возможностью получение духовного образования. В Тобольско – Тюменской Епархии при постоянно действующих храмах существуют 102 Воскресные школы, которые ставят перед собой задачи сформировать у детей духовно – нравственные ценности, патриотические чувства, основанные на традициях православной культуры.

В нашем городе Нижневартовске Воскресная школа была создана в 1991 году по благословению настоятеля храма о.Георгия Безнутрова.. Сначала она существовала при храме Иоанна Предтечи в Старом Вартовске. Первым преподавателем в Воскресной школе Нижневартовска была Нина Петровна Гераськина, которая вела занятия по Закону Божьему. Затем в преподавательский коллектив влились педагоги А.Д. Литвинова, В.И. Чернышова, Н.А. Судаленко, А.Н. Приходько, Л.А. Шаймарданова, Н.В. Васильченко, М.Ю. Шестакова, Л.Л. Телегина, И.В. Белошенко.

В настоящее время детей Воскресной школы при храме Рождества Христова обучают 10 преподавателей, из которых 5 человек имеют высшую квалификационную категорию, 4 человека – 1 категорию, 1 человек – 2 категорию. Все преподаватели Воскресной школы проходят профессиональную подготовку на семинарах для учителей «Основы православной культуры» в г.Тобольске, на курсах повышения квалификации учителей в г.Ханты – Мансийске в ИПК и РРО ХМАО-Югры по теме «Воспитание на традициях православия» (май, 2006 г.), а также на курсах профессиональной подготовки по теме: «Православные ценности и современная система образования» в г. Нижневартовске, организованные БУ ДПО «Институт развития образования» ХМАО – Югры совместно с ТДС (март, 2008 г.).

В Воскресной школе преподаются Закон Божий, церковное пение, ведутся кружки: живопись (основы иконописи), рукоделие, хор. Занятия проводятся по программам, рекомендованным Координационным советом по взаимодействию Министерства образования РФ и Московской Патриархии Русской Православной Церкви. (Сборник «Православная культура: Концепции, учебные программы, библиография».

Под ред. Иеромонаха Киприана (Ященко). – М.: Издательский дом «Покров», 2003 г.).

В 2007 - 2008 учебном году в Нижневартовской Воскресной школе обучалось 110 учащихся. Занятия в Воскресной школе проходят по возрастным группам: младшие – до 10 лет, старшие – с 11 лет. Занятия проводятся еженедельно по воскресным дням с 12:00 до 15:00 часов. Вначале у детей проходит урок по Закону Божьему, который ведут преподаватели: Альбина Николаевна Приходько (1-й класс), Анна Дмитриевна Литвинова (2-й класс), Лариса Леонидовна Телегина (3-й класс), Надежда Александровна Судаленко (4-й класс), Людмила Анатольевна Шаймарданова (5-й класс). Затем начинается кружковая работа: рукоделие (преподаватель Ирина Владимировна Белошенко), живопись (преподаватель Нина Васильевна Васильченко), хор (преподаватель Светлана Сергеевна Навалихина). Песнопениями занимаются все учащиеся Воскресной школы, так как разучивание песен проводится по классам преподавателем Татьяной Валерьевной Акимовой.

Занятия в Воскресной школе проводятся в помещении православной гимназии (3-х этажное здание типового детского сада, на 1-м и 2-м этажах). Здание арендуется у администрации города. Материально – техническая база соответствует требованиям, предъявляемым к учреждениям данного типа.

В Воскресной школе г. Нижневартовска за время ее существования сложилось немало добрых традиций.

Хор Нижневартовской Воскресной школы под руководством Светланы Сергеевны Навалихиной ежегодно принимает участие в епархиальном конкурсе – фестивале детских хоровых коллективов «Духовная песнь православной Сибири», является лауреатом конкурса, неоднократно награжден Епархиальной Грамотой.

Традиционно учебный год начинается молебном с благословением на новый учебный год. Учащиеся Воскресной школы участвуют в Богослужениях, несут послушания в храме.

Уделяется внимание и трудовому воспитанию детей в Воскресной школе. Так, каждую осень дети принимают активное участие в уборке картофеля в приходском подсобном хозяйстве. По окончании трудов дружно разводят костер, на котором запекают свежевыкопанную картошку. Помимо этого, дети общаются с животными, бережно ухаживая за ними.

Учащиеся Воскресной школы вместе со своими педагогами участвуют в паломнических поездках по святым местам: побывали у чудо-

творной иконы Божией Матери Чимеевской, у Симеона Верхотурского, на Всероссийских Днях славянской письменности и культуры в г. Ханты – Мансийске, присутствовали на освящении Храмового комплекса в честь Воскресения Христова, совершили паломническую поездку по Золотому кольцу, регулярно посещают духовную столицу Сибири – г.Тобольск на Святительские дни. В г. Тобольске учащиеся Нижневартовской Воскресной школы ставили спектакль, посвященный 300-летию духовного образования в Сибири (июнь, 2005 г.). В г. Ханты – Мансийске показывали спектакль, посвященный священномученику Гермогену, епископу Тобольскому и святителю Филофею Лещинскому – основателю первой духовной школы в Сибири (май, 2006 г.).

Традиционно дети Воскресной школы участвуют в праздничных концертах для жителей города, посвященных Великим праздникам Рождества Христова и Пасхи. На сцене Дворца искусств жителей города поздравляют глава города Б.С. Хохряков, Председатель городской Думы В.П. Тихонов, Настоятель Храма Рождества Христова протоиерей Георгий. А затем дети участвуют в спектаклях, рассказывающих о Библейских событиях Рождества Господа нашего Иисуса Христа, об истории рождественской елки, поют рождественские колядки, рассказывают о Воскресении Христовом, откуда пошла традиция красить яйца на Пасху и печь куличи. Праздничные декорации и костюмы детей, стихи и песнопения не оставляют равнодушными никого из присутствующих в зале. Подготовить такие грандиозные праздничные концерты для жителей города батюшка благословляет И.Г. Патрушева, а также режиссера театра – студии «Антракт» Дворца искусств Ж.Р. Шамсутдинову.

Праздничные концерты для жителей города имеют тематическую направленность. Так, в 2006 г. Пасхальный концерт содержал в себе повествование о святых равноапостольных Кирилле и Мефодии, учителях словенских, которые перевели богословские книги на наш родной язык, создали славянскую письменность. Пасхальный концерт 2007 года - в Год русского языка - рассказывал об истории книгопечатания на Руси, об изобретении диаконом Иваном Федоровым печатного станка, значении Великих книг Евангелия, Псалтири для человечества, о рождении на далекой Северной земле русского языка, слова. Рождественский концерт 2008 года был посвящен Году семьи, и праздник Рождества раскрывал связь с традиционными семейными ценностями. Пасхальный концерт 2008 года был посвящен юбилейной

дате – 100-летию освящения первого храма в юртах Вартовских и 20-летию возрожденной православной общины в нашем городе. Для людей, мало знакомых с историей православия в нашем Отечестве, на нашей Сибирской земле, такие праздничные театрализованные постановки учащихся Воскресной школы совместно с православной гимназией являются своеобразным экскурсом в историю. Благодаря этому они открывают для себя много нового и интересного, расширяют свой кругозор в области истории России, которая тесно переплетена с деятельностью православной церкви и ее подвижников.

В ежегодных творческих конкурсах, посвященных праздникам Рождества Христова и Пасхи участвуют много детей Воскресной школы. Они получают призовые места в номинациях: «Живопись», «Декоративно – прикладное искусство», «Графика». Принимали участие в фестивале Воскресных школ «Пасха Красная», который в 2005 году проходил в Нижневартовске. В рамках этого фестиваля учащиеся, помимо участия в праздничном богослужении в храме Рождества Христова и крестном ходе, побывали в социально – гуманитарном колледже, университете, детском приюте «Аистенок», где представляли свою праздничную программу. Вообще, посещение детского дома «Аистенок», Дома престарелых, детей из приюта «Арго», школ города и поздравления с праздником Рождества Христова и Пасхой стало уже традиционным. В детской центральной библиотеке «Читай – город» учащиеся Воскресной школы ставили спектакль «Как князь Владимир веру выбирал».

Учащиеся Воскресной школы выступают на городском радиоцентре «Эфир», на окружном радио ТРК «Югория» в передаче «Сибирь православная», рассказывают жителям нашего города, района, округа о православных праздниках Рождестве Христовом, Пасхе, Троице, о постах, об учебе в Воскресной школе.

Учебный год в Воскресной школе заканчивается экзаменами, которые ребята сдают, в основном, на «хорошо» и «отлично», получают свидетельства об окончании Воскресной школы.

Учащиеся Воскресной школы принимают участие в «Славянском ходе», в летнее время дети отдыхают в православных лагерях.

По окончании Воскресной школы многие ребята продолжают обучение в духовных учебных заведениях или поступают на теологические факультеты светских ВУЗов. Так, Мария Евсюкова, Юлия Григорова, Татьяна Зарова получают духовное образование в ТДС, в Тюменском духовном училище продолжили обучение выпускники Ниж-

невартовской Воскресной школы Никита Алексеенко, Василий Робчук, Ярослав Сергеев. Факультет теологии Сургутского государственного университета окончили Елена Комарова, Снежана Малярчук. На факультете теологии Екатеринбургского гос. Университета получила образование Татьяна Мохнатова. Воспитанница Воскресной школы Алина Борисенко закончила Московский Свято – Тихоновский гуманитарный университет. Сейчас она обучается в аспирантуре, пишет диссертацию на тему: «Распространение христианства в Эфиопии в IV – VI веках».

Полученные знания и духовный опыт помогают молодым людям работать и учиться, быть достойными сыновьями и дочерьми своего православного Отечества.

ЧАСТЬ IV
ЭКОЛОГИЯ. ПРИРОДА

С.Е. Коркин, Н.В. Луговая

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ОВРАЖНОЙ ЭРОЗИИ
(на примере Нижневартовского региона)

Территория Нижневартовского региона - это территория интенсивного хозяйственного использования, намечается резкое уменьшение защитной функции естественной растительности и эрозионной стойкости грунта. Совместное влияние антропогенного фактора и благоприятных природных условий для развития эрозионных процессов создаёт предпосылки для возникновения новых и увеличения интенсивности роста уже имеющихся оврагов.

Решение этой проблемы возможно только при помощи всестороннего анализа современных процессов оврагоообразования, для их возможного приостановления и уменьшения активизации в зависимости от региональных особенностей влияния природных и антропогенных факторов.

Цель работы заключается в изучении особенностей формирования овражной эрозии под влиянием природных факторов, рассмотрение и применение дистанционных методов в исследовании оврагообразования в пределах Нижневартовского региона.

Изучение овражной эрозии целесообразно в связи с тем, что овраги вызывают разрушение построек, трубопроводов, дорог, а также заставляют людей переселяться. Процессы овражной эрозии усиливаются из-за благоприятных природных условий и условий, создаваемых человеком. По нашему мнению, очень важно в настоящее время более подробно и целенаправленно изучать территорию, на которой могут проявиться процессы оврагообразования и территории, на которых пока не наблюдается развитие овражной эрозии, но существует вероятность проявления, из-за техногенного вмешательства. Для осуществления борьбы с овражной эрозией необходимо проводить работы, дающие данные о скорости роста и основных причинах возникновения оврагов.

К числу важнейших физико-географических факторов, способствующих активному оврагообразованию на территории Нижневартов-

ского района, относятся: 1) сравнительно интенсивное на большей части территории снеготаяние весной, что способствует активной деятельности временных потоков; 2) относительно большое количество осадков в теплый период на значительной части территории. К геологическим факторам, определяющим скорость развития оврагов, относятся: состав пород, слагающих данный регион, условия их залегания и современное состояние; водопрочность и водопроницаемость.

В настоящее время полевые наблюдения проводятся на территории Нижневартовского региона, ключевым участком является протока Мега. Всего было выявлено шесть участков с овражной эрозией естественного происхождения и один участок с пятью оврагами антропогенного происхождения. Формирование и развитие данных оврагов происходит под влиянием деятельности человека, а именно на месте прокладки газопровода. Для исследования величины линейного прироста оврагов был выбран общепринятый традиционный метод – метод реперов. Наблюдения за состояниями оврагов проводились ежегодно. Объектом детального исследования являлись верховья оврагов, как наиболее динамичная их часть, принимающая на себя основной объем стока с водосбора.

Для изучения линейного роста было установлено 5 реперов. Наблюдение за исследуемыми оврагами производились в течение трех сезонов (№ 1 – осень 2005, № 2 - весна 2006, № 3 - осень 2006, № 4 - весна 2007 гг.). В 2004 году на ключевом участке отмечалось образование и развитие промоин. Позже, после установленных реперов, мы выяснили, что линейный прирост осуществляется только у одного оврага №5. Рост оврага в основном приурочен к концу лета и осени, т.к. в этот период было обильное выпадение ливневых дождей. Все остальные показатели по оврагам остались на прежних отметках. По шкале опасностей оврагов, овраг N 5 имеет степень опасную, т.к. средний линейный прирост составляет 3-8 метра.

На территории протоки Мега проводятся самоорганизованные противоэрозионные мероприятия. Было обнаружено три вида работ: 1. Отсыпка территорий песком. Данное мероприятие было осуществлено на ключевом участке. Но такой способ защиты, по нашему мнению, малоэффективен, в связи с тем, что вновь отсыпка производится легко размываемым материалом. Неэффективность данного способа доказывается тем, что выравнивание территории было произведено в конце осени 2006 года, и уже весной 2007 года наблюдалось образование промоин, которые являются начальной стадией образования оврагов

Рис. 1. Отсыпка территории песком

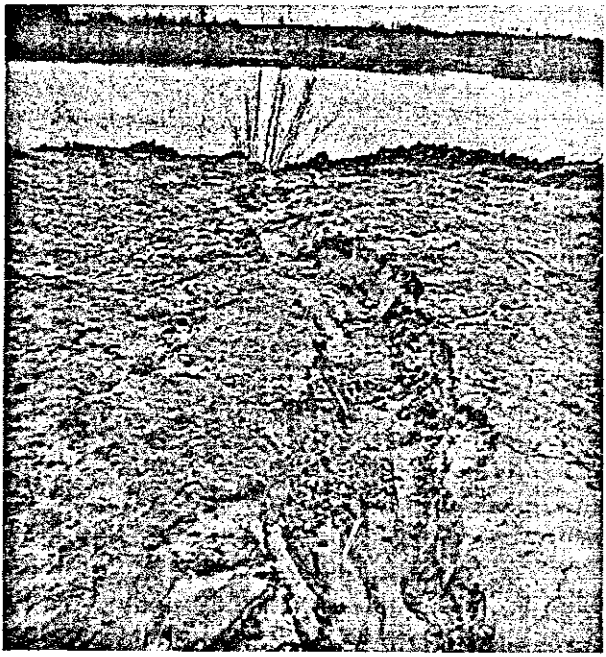

Рис. 2. Промоина после противоэрозионного мероприятия(вид сверху)

(см. рис. 1, 2). 2. Укрепление склонов шинами с железными прутами, бревнами и иным железным материалом.

Данный метод также является менее эффективным, так как происходит смыв наложенного материала водными потоками. 3. Укрепительные работы, в качестве посадки тальника. Что является наиболее эффективным методом, среди применяемых, борьбы с овражной эрозией. Так как растительность быстро разрастается и обеспечивает не только прекращение роста оврагов, но и их новообразование.

Кроме исследований, проводимых на ключевом участке, изучение процесса овражной эрозии осуществлялось с помощью дистанционных методов, а именно сопоставлением топографической карты и космоснимка. С помощью данного метода было осуществлено районирование Нижневартовского региона по современной реализации оврагообразования (см. рис. 3).

Рис. 3. Схема участков с умеренной и высокой опасностью оврагообразования

Условные обозначения:

Густота (км/км^2)

0-01

0,11-0,5

0,51-1

1,01-1,2

более 1,21

Плотность (ед/км^2)

1-3 \\ 4-6

Более 7

В результате чего было выделено три группы районов:

Первая группа – районы с очень низким показателем оврагов (0-0,1 км/ км^2, 0,1-0,3 ед/км^2). К ним относятся территории, характеризующиеся практическим отсутствием оврагоопасных водосборов – овраг, как эрозионная форма, здесь не типичен, опасность дальнейшего развития процесса небольшая. Таковы отдельные участки: в устье реки Ампута, на участке слияния Ампуты и Тэтльтяха.

Вторая группа – районы, в пределах которых сохраняется опасность дальнейшего развития оврагов, как новых, так и за счет удлинения современных оврагов (0,11-1 км/км^2, 0,1-0,3 ед/км^2). К данной группе относится большая часть территории, необходимо отметить также, что процессу овражной эрозии в северной и южных частях района подвержены поймы рек, например таких рек, как: Ампута с ее притоками, Тромъеган и др. – в северной части и Ермаковский Еган, Кульеган и др. – в южной части. Для центральной части района характерно развитие процесса, как для поймы рек, так и для водоразделов, но преимущественное развитие принадлежит поймам рек. К данной группе относятся реки Мугланьеган, Егартурий, притоки левого и правого берегов Агана и др.

Третья группа – районы с высокой прогнозной овражностью. Они приурочены преимущественно к местам с хорошей размываемостью пород. К данному району относятся р. Коляльки, Варенъеган, притоки правого берега реки Малого Асесъегана, среднее течение Большого Асесъегана; притоки левого берега р. Вах и др.

Таким образом, процессу овражной эрозии подвержено более половины территории Нижневартовского региона, но большинство оврагов не приносят большой опасности, если дальнейшее развитие не будет спровоцировано антропогенным вмешательством. При выборе систем противоэрозионных мероприятий важно знать соотношение между современной и прогнозной густотой и плотностью овражной сети, то есть реализованной и нереализованной частью потенциала. Именно поэтому, для принятия каких-либо решений, необходимо составление прогнозной карты развития овражной эрозии.

В результате проведенных исследований мы пришли к заключению, что в настоящее время проблема развития овражной эрозии актуальна, из-за постепенного увеличения количества, как одиночных

оврагов, так и целых овражных сетей, которые значительно усложняют процесс дальнейшего заселения территории и разработки нефтяных и газовых месторождений.

Б.А. Середовских

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КАРТЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СРЕДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ В СВЯЗИ С ЛАНДШАФТНО-КЛИМАТИЧЕСКИМИ ПЕРЕСТРОЙКАМИ

Процесс формирования этнокультурной карты севера Западной Сибири протекал наиболее интенсивно в среднем голоцене (8,0-2,5 т.л.н.). Начиная с эпохи раннего неолита, практически на всей территории Западно-Сибирской равнины возникали и развивались различные варианты племенных и межплеменных археологических культур. Этническое разнообразие при различии хозяйственных систем и форм материальной культуры в разных ландшафтных зонах Западной Сибири способствовало созданию оригинальных локальных культур. В течение среднего голоцена наблюдается поочередное расширение ареала то одной, то другой культурно-исторической общности, причем эти расширения носили «взрывной», экспансивный характер и распространялись на большую площадь, иногда во много раз превышающую ареал исходной культуры. Следует отметить, что на территории Западной Сибири «силовые линии» освоения менялись на диаметрально противоположные, как в направлении «север — юг», так и в направлении «запад — восток». На наш взгляд, в оценке особенностей этнокультурного и социально-экономического развития различных частей Западной Сибири на разных временных этапах необходимо учитывать нестабильность и изменчивость географической среды в связи с периодическими изменениями климатических условий.

Климатические условия на протяжении среднего голоцена не были стабильными, в нем выделяются два периода: атлантический и суббореальный [1]. На территории Западной Сибири максимальное потепление приходится на позднеатлантическую термогигротическую фазу (АТ-3), так называемый «климатический оптимум голоцена». Для суббореала (5,0 – 2,5 т.л.н.) были характерны наиболее сложные, скоротечные и контрастные изменения природной обстановки. Вначале фиксируется период глобального похолодания продолжительностью более 500 лет. Раннесуббореальное похолодание (SB-1) сопровожда-

лось вначале усилением криогигротических условий (холодно-влажный интервал), а в конце стадии - криоксеротических условий (холодно-сухой интервал). Средний этап суббореала (SB-2) (4,1 – 3,8 т.л.н.) соответствовал экстремуму термоксеротической фазы голоцена, это был период интенсивной аридизации и потепления климата. В конце суббореала (3,8 – 3,5 т.л.н.) климат стал более влажным. Максимальное потепление в суббореале происходило около 3,5 - 3,4 т.л.н. и уступало по амплитудам климатическому оптимуму позднего атлантикума. В последней трети суббореала (SB-3) вновь проявилась тенденция к похолоданию и избыточному увлажнению (термогигротическая фаза)[2] .

С историко-географических позиций среднеголоценовый период в Западной Сибири синхронизируется с последним этапом эпохи камня – неолитом (8,0 - 5 ,0 т.л.н.), приходящимся на атлантикум, и бронзовым веком (4,5 - 2,7 т.л.н.) с промежуточным периодом от камня к бронзе – энеолитом (ок. 5,0 - 4,5 т.л.н.), совпадающими по времени с суббореалом [3]. Следует отметить, что для разных частей Западной Сибири характерна некоторая гетерохронность в наступлении и завершении сроков указанных исторических эпох, а также в их продолжительности. Причины гетерохронности увязываются с воздействием как природно-климатических факторов (большая экстремальность условий среды проживания в северной части региона, бедность каменным и рудным сырьем), так и социально-экономических.

Начало эпохи неолита отмечается на территории севера Западной Сибири около 7,0 т.л.н. и приходится на вторую фазу атлантического периода (АТ-2). Это время характеризуется прогрессирующим потеплением и ростом увлажненности, что способствовало освоению более обширных, по сравнению с предыдущим временем, пространств северной части Западно-Сибирской равнины. Как в свое время установил В.Н. Чернецов[4], сложение урало-сибирской этнокультурной общности началось с эпохи мезолита, когда протоуральцы (предки современных представителей уральской языковой семьи) продвинулись из Приаралья и восточного Прикаспия в среднее Зауралье и Западную Сибирь, где смешались с аборигенами – потомками позднепалеолитического населения. Позднее было установлено, что в мезолите-неолите имели место не менее трех притоков прикаспийского населения, которое осело в предтаежном и южнотаежном Зауралье (носители кошкинской, сосновоостровской и боборыкинской неолитических культур)[5]. Что касается Западной Сибири, то считается, что

здесь переход от мезолита к неолиту произошел на местной основе под влиянием южных этносоциальных сообществ – носителей так называемой кельтеминарской культуры, осуществивших дальнюю миграцию из Приаралья в наиболее аридный период климата в конце атлантикума (ок.6,0 т.л.н.)[6]. Видимо, сокращение растительных ресурсов в степной и лесостепной зонах Западной Сибири и Северного Казахстана вызвало массовый отход промысловых животных на север, вслед за ними началось и перемещение людей. Возможность продвижения групп южного населения на север лесной зоны обеспечивалась благоприятными изменениями в климате атлантического периода, особенно в термическом максимуме атлантикума, когда широколиственные породы в составе хвойных лесов продвинулись вплоть до 61-63°с.ш. Высохшие таежные болота позволили мигрантам продвинуться по долинам Тобола и Иртыша вплоть до Средней и Нижней Оби (поселение Чес-Тый - Яг, бассейн Северной Сосьвы).

Вопрос этнической идентификации носителей кельтеминарской культуры остается дискуссионным. Одни исследователи считают, что развитие степных и лесостепных культур на сопредельных для Западной Сибири территориях отражает процесс становления конкретных групп протоиндоевропейцев [7], другие относят их, наряду с прочими носителями сходных традиций (в частности накольчатой керамики) к конгломерату протоугроиранцев [8]. По мнению В.С. Стоколоса[9] можно говорить о синхронности развития и длительности взаимодействия в период уральского (протофинно-угро-самодийского единства) на территории Западной Сибири двух групп древних культур: южной (протоиндоевропейской) – в степной зоне и северной (протофинно-угро-самодийской) – в предтаежной и таежной зоне. Согласно М.Ф. Косареву[10] с раннего неолита в таежных и предтаежных районах урало-западносибирского региона сосуществовали три разные культурные (этнические) линии преемственности орнаментирования керамики, играющие роль своеобразных индикаторов этнической идентификации носителей данных культур: гребенчатая, гребенчато-ямочная (Г-Я) и ямочно-гребенчатая (Я-Г). Данные культурные традиции были характерны для разноплеменного населения протофинно-угро-самодийской общности, находившейся уже в начале стадии дивергенции. Кроме того, в южной части региона всюду выступают в качестве автохтонных комплексы материальной культуры с отступающее-накольчатой (О-Н) орнаментальной традицией. По имеющимся археологическим данным эти культуры сложились ранее предыдущих и от-

ражают процесс передвижения южных групп протобореального (протокетского – по М.Ф. Косареву[11], либо переднеазиатского – по А.М. Малолетко[12]) происхождения на ранних этапах заселения Западной Сибири.

Позднее, в начале суббореала этнокультурная ситуация в урало-западносибирском макрорегионе существенно изменилась. В конце неолита – энеолите (ок.5,0 - 4,5 т.л.н.) лесная полоса Западной Сибири с прилегающими территориями лесной зоны Урала и Восточной Европы входила в культурно-историческую область (КИО) культур гребенчатой традиции, которую традиционно связывают с ранними этапами этногенеза народов финно-угорской языковой группы. По мнению М.Ф. Косарева[13], фиксируемое археологическими данными расчленение единого уральско-западносибирского гребенчатого массива на две культурно-исторические области (приуральскую и зауральскую) отражает распад финно-угорской языковой общности на две – финно-пермскую и угорскую. Мы поддерживаем точку зрения П. Вереш[14], согласно которой начало распада финно-угорской общности связано со значительными изменениями климата в раннем суббореале, повлекшими за собой резкое ослабление контактов родственных групп населения по обе стороны Уральского хребта. Как отмечает Л.Л. Косинская[15], восточноуральская КИО включала ряд северных культурных вариантов Нижнего и Среднего Приобья (сумпаньинский, сатыгинский, быстринский и др.), памятники козловской, кошкинской, сосновоостровской культур Среднего Зауралья, а также, по-видимому, культурные группы степи и лесостепи Южного Зауралья и Северного Казахстана (ботайская, суртандинская и др.). Таким образом, ареал так называемого угорского «гребенчатого неолита» протягивался широкой полосой, примыкающей к Уральскому хребту, от степей Северного Казахстана до низовий Оби[16]. Восточнее этой зоны, в предтаежной полосе междуречья Иртыша и Оби распространялся ареал носителей гребенчато-ямочной традиции с иной этнической идентификацией. В.А. Зах[17] склонен рассматривать носителей Г-Я орнаментальной традиции как прасамодийскую ветвь, выделившуюся в энеолите из общего праугросамодийского массива. В.И. Молодин[18] связывает процесс формирования этой общности с притоком в эпоху развитого неолита групп населения из сопредельных территорий Восточной Европы. В конце атлантикума – начале суббореала население с Г-Я керамикой продвигается в северном направлении до бассейна Конды и в восточном – до бассейна Ваха. В энеолите этот

процесс еще более усилился и привел к образованию огромной Г-Я культурной общности на всей лесотаежной зоне Западной Сибири. Н.А. Хотинский отмечает в это время общую подвижку населения на север и связывает это с изменением палеоклимата[19]. Этот процесс привел к распаду единой общности автохтонного населения с О-Н традицией, проживающего в предтаежной зоне Западной Сибири с раннего неолита на два ареала – западный (Тюменское Притоболье) и восточный (Верхнее Приобье). Западная часть этой общности уже в энеолите утратила многие традиционные черты в результате коэволюционных процессов, связанных с натиском с запада праугорских групп населения, и в начале бронзового века прекратила свое существование, будучи ассимилирована ими. Восточная (верхнеобская) часть ареала развивалась более традиционно, на протяжении довольно продолжительного периода – с позднего неолита до эпохи развитого бронзового века здесь последовательно сменяли друг друга этносоциальные сообщества, сохраняющие общие черты О-Н традиции, образовав к середине 2-го тыс. до н.э. богатую и колоритную самусьскую культуру. В XIV- XIII вв. до н.э. население самусьской культуры расширило свой ареал далеко на запад, вплоть до лесостепного Приишимья, отодвинув ареал прасамодийского населения с Г-Я традицией вглубь таежной зоны[20]. Пик развития миграционных процессов приходится на середину II тыс. до н. э. – период наивысшей аридизации климата в регионе. В это время, по данным состава споро – пыльцевых спектров, в лесостепи сокращается площадь лесов, понижается уровень грунтовых вод, что приводит к повторению незатопляемости речных пойм [21]. Скорее всего, возможность освоения пойм и более комфортные условия для проживания появились в этот период и в таежной зоне, что способствовало более активному заселению севера Западной Сибири. К концу II тыс. до н.э. носители Г-Я традиции осваивают северные районы вплоть до побережья Северного Ледовитого океана, повторно заселяя тундры, опустевшие в ходе суббореальных похолоданий[22]. Этот этнокультурный сдвиг привел к ассимиляции прасамодийским населением представителей гребенчатой (праугорской) культуры и к установлению на севере таежной зоны, а также в пограничье тайги и тундры обширного Г-Я ареала, который господствовал здесь на протяжении более двух тысячелетий, положив начало формированию своеобразных Г-Я культур (барсовская, тазовская, атлымская, кулайская и др.).

Третий временной интервал суббореала(SB-3), имевший тенденцию к уменьшению сухости климата, связан с наступлением так называемой «андроновской эпохи» в южной части Западно-Сибирской равнины. Около XIII вв. до н.э. в пределы лесостепной территории, занятой ранее самусьским населением, мигрировали новые этносоциальные группы населения, характеризующиеся как «андроновцы», т.е. носители андроновской культурной традиции. Представляется, что миграционные потоки были разновременными и самостоятельными и проходили по степному коридору Евразии в Зауралье и южную часть Западной Сибири вплоть до Алтая и Минусинской котловины. В результате в период расцвета эпохи бронзы сформировалась обширная андроновская КИО, состоящая из нескольких разновременных, территориально разобщенных, но родственных культур (федоровская, алакульская, черкаскульская и др.). Возможно, продвижение в Западную Сибирь андроновцев не сопровождалось активными военными столкновениями с местным населением[23], тем не менее, основная масса носителей самусьской культурной традиции ушла на север в глубинные районы Западной Сибири вплоть до низовьев Енисея. Очевидно, в ходе миграций самусьское население в основном ассимилировалось в среде преимущественно древнесамодийского населения. По крайней мере, следы данной культуры выделяются как этнические компоненты в составе лишь двух современных этносов – кетов низовьев Енисея и нганасан Таймыра[24]. Сменив в предтаежной и южнотаежной части Обь-Иртышья самусьцев, андроновское (федоровское) население вступило в активные контакты с жившими севернее прасамодийскими группами носителей Г-Я традиции. В результате коэволюционных процессов в условиях достаточно длительного совместного проживания на общей территории в таежной зоне сложилась новая культурно-историческая общность – «андроноидная», сочетающая местные и пришлые элементы культуры. Если учесть, что большинство исследователей связывают носителей федоровской культуры с уграми, то сложение андроноидной общности в этническом аспекте следует воспринимать как процесс взаимодействия, смешения и коэволюции угорских и самодийских этносоциальных групп.

Таким образом, к концу среднего голоцена на территории Западной Сибири окончательно оформились два крупных этнокультурных массива: на севере – древнесамодийский, в южной части – древнеугорский, на основе которых впоследствии сформировались все современ-

ные коренные народы севера Западной Сибири (ханты, манси, ненцы, селькупы).

Список литературы

1. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии.- М.: Наука, 1977.-197с.
2. Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным.- М.: Наука, 1974. 256с.
3. Древний город на Оби: История Сургута. Научно-художественное издание. Екатеринбург: изд-во «Тезис», 1994. 336с.
4. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып.35. С.7-71.
5. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991.С.12-13.
6. Мартынов А.И. Археология СССР. Учеб.пособие для студ. пед. ин-тов.- М.: Высш. школа, 1982. 271с.
7. Меркерт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV-III тыс.до н.э. в циркумполярной зоне// Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С.7-3
8. Халиков А.Х. Преемственность в развитии археологических культур Волго-Камья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С.18-29.
9. Стоколос В.С. Вопросы этногенеза Северного Приуралья // Древности Ямала. Вып.1. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. С.6-24.
10. Косарев М.Ф. Некоторые общие закономерности и региональные особенности социально-экономического развития Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С.314.
11. Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири: // Археология: Неолит Северной Евразии. М.,1996, С.34-45.
12. Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т.2: Кеты.- Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2002. 286с.
13. Косарев М.Ф. Некоторые общие закономерности и региональные особенности социально-экономического развития Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С.315.
14. Вереш П. Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа// Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С.113-119.
15. Косинская Л.Л. О некоторых проблемах неолитоведения Урала и Западной Сибири// Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. (9-14 сентября 2002., г. Ханты - Мансийск). Екатеринбург, «Академкнига», 2002. С.172-178.
16. Старков В.Ф. Хронология неолита лесного Зауралья// КСИА. Вып.153. 1980. С.90-92.
17. Зах В.А. К вопросу о сложении обских угров (по данным археологии) // Обские Угры. Материалы II Сиб. Симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1999. С.25-28.
18. Молодин В.И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья// Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С.9.
19. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии.- М.: Наука, 1977. 197с.
20. Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири по археологическим материалам // Алтай в эпоху камня и раннего металла, Барнаул, 1985. С.315.

21. Смирнов Н.Г. , Кузьмина Е.А. Динамика экосистем Южного Зауралья в голоцене // Археология Урала и Западной Сибири: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. С. 23-34.
22. Стоколос В.С. Вопросы этногенеза Северного Приуралья // Древности Ямала. Вып.I. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. С. 6-24.
23. Косарев М.Ф. Некоторые общие закономерности и региональные особенности социально-экономического развития Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 278.
24. Народы России: энциклопедия/ Гл. ред. В.А. Тишков – М: Большая Российская энциклопедия, 1994. 479с.

Г.К. Ходжаева

ВОЗДЕЙСТВИЕ АВТОТРАНСПОРТА И ШУМА НА ОКРУЖАЮЩУЮ ПРИРОДНУЮ СРЕДУ В ХМАО-ЮГРЕ И НИЖНЕВАРТОВСКОМ РАЙОНЕ

Воздействие на окружающую среду транспортных объектов происходит на всех этапах их жизненных циклов, начиная от добычи сырья, его переработки (получения материалов), изготовления, использования (эксплуатации), поддержания работоспособности и заканчивая утилизацией конструкций машин, сооружений и захоронением отходов. На каждом из этих этапов происходит отчуждение земель, потребление материалов, энергозатраты, загрязнение воздуха, воды, почвы вредными и токсичными веществами, отходами, виброакустическое и электромагнитное излучение [3].

На долю крупных городов и промышленных центров приходится основная масса выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников.

Кроме стационарных источников, в крупных городах в загрязнении атмосферного воздуха все большее значение приобретают выбросы от автотранспорта, на долю которого в некоторых случаях приходится до 80 % всего их объема. Загрязнение атмосферы подвижными источниками автотранспорта происходит в большей степени отработанными газами через выпускную систему автомобильного двигателя, а также, в меньшей степени, картерными газами через систему вентиляции картера двигателя и углеводородными испарениями бензина из системы питания двигателя (бака, карбюратора, фильтров, трубопроводов) при заправке и в процессе эксплуатации.

Автомобильный транспорт относится к основным источникам загрязнения окружающей среды и в Ханты - Мансийском автономном

округе – Югре. Выбросы в атмосферу при его эксплуатации в 2002 году составили 743,4 тыс. т. (таблица 1).

Высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха обусловлен содержанием в нем большого количества вредных веществ: окиси углерода, диоксида азота, оксида азота, формальдегида, концентрация которого превышает ПДК во всех городах Югры.

Таблица 1

Выбросы от автотранспорта по ХМАО за 1996-2002 гг., тыс. т/год
(Информ. бюллетень, Ханты-Мансийск, 2003)

Ингредиенты	Год							Изменения за 7 лет
	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	
Окись углерода	598	601	581	571	583	613,9	641,8	+43,8
Окись азота	38	39	50	50	39	41,1	43	+ 5
Углеводороды	49	51	37	39	52	54,7	56,5	+ 7,5
Прочие	3	2	2	2	2	2,1	2,2	- 0,8
Всего	688	693	671	661	676	711,8	743,5	+ 55,5

Для того чтобы проанализировать, из каких источников попадают в воздух города Нижневартовска разные компоненты загрязнений, были проведены отборы проб в выбросах котельных. Результаты этих отборов проб представлены в таблице 2*.

Таблица 2

Газовый состав (мг/м^3) выбросов

Газы	Самотлорское месторождение		Нижневартовские котельные		Автотранспорт	
	шлейф нефтяной	шлейф газовый	№1	№2	карбюраторный	дизельный
Аммиак	1,9	0,2	1,2	0,1	0,22	<
Ацетилен	<	<	<	3	12,44	13,55
Ацетон	<	<	<	3,2	0,54	1,34
Бензин	31	2,2	2,4	<	3,62	18,11

Бензол	1,8	1,2	1,2	0,5	1,13	5,49
Ксилол	9.6	10,8	<	5,4	1,84	4,24
CO	3,2	3,9	3,1	2,4	19,82	14,82
SO_2	1,8	1,6	0,9	0,4	0,77	1,22
NO_2	0,08	0,2	1	<	0,29	2,58
NO	1,2	1,3	2,2	2,2	4,34	8,53

Примечание

Материал взят с сайта http//:www.ecooil/far.ru/Air/Belan.htm

В обзоре «Итоги социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа-Югры за 2006 год», подготовленном Департаментом экономической политики автономного округа в феврале 2007г., в 2006 году состояние атмосферного воздуха удовлетворительное. В абсолютном большинстве случаев параметры атмосферного воздуха не превышали значений предельно допустимых концентраций (ПДК).

При сгорании литра горючего в воздух попадает 200-400 мг свинца. В течение года автомобиль выбрасывает около килограмма этого металла. Считают, что явные признаки свинцового отравления – анемия, постоянные головные боли, мышечная боль – появляются при его содержании в крови в концентрации 0,80 частей на 1 млн. У представителей некоторых профессий – механиков гаражей, работников заправочных станций средний уровень содержания свинца в крови до 0,34-0,40 [5].

При систематическом или периодическом поступлении в организм сравнительно небольших количеств токсичных веществ, происходит хроническое отравление.

Признаками хронического отравления являются нарушение нормального поведения, привычек, а также нейропсихические отклонения: быстрое утомление или чувство постоянной усталости, сонливость или, наоборот, бессонница, апатия, ослабление внимания, рассеянность, забывчивость, сильные колебания настроения.

При хроническом отравлении одни и те же вещества у разных людей могут вызывать различные поражения почек, кроветворных органов, нервной системы, печени [7].

Опережающим фактором в загрязнении атмосферного воздуха является формальдегид. Комплексный показатель загрязнения атмосферы за последние годы снижается (рис.1.), однако имеется тенденция к росту концентрации формальдегида, что связано, прежде всего, с ежегодным увеличением количества автотранспорта [5].

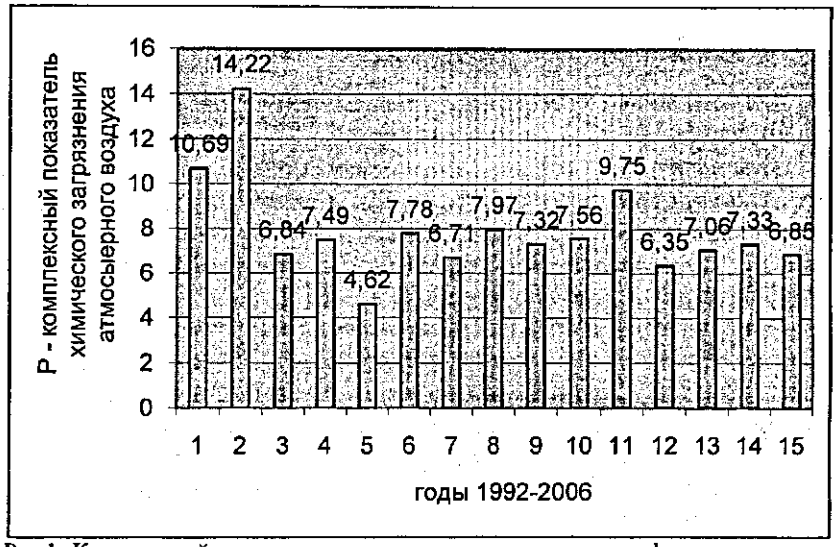

Рис.1. Комплексный показатель химического загрязнения атмосферного воздуха за 1992-2006 годы в Нижневартовском районе

В развитых странах мира применение этилированного бензина уже полностью прекращено, и проблема загрязнения окружающей среды соединениями свинца при работе транспорта оказалась решенной.

В России с 2000 г. также введен запрет на его использование. Однако за долгие годы произошло значительное накопление свинца в почве вблизи автотрасс за счет осаждения на почву отработавших газов [4].

Усиление экологической напряженности во многих городах и регионах России связано с шумовым воздействием автомобильного транспорта. Шумовое неудобство создают также открытые автостоянки, расположенные в районах жилой застройки [4].

Человек всегда жил в мире звуков и шума. Звуком называют такие механические колебания внешней среды, которые воспринимаются слуховым аппаратом человека (от 20 до 20000 колебаний в секунду). Колебания большей частоты (более 20000 Гц) называют ультразвуком, меньшей – (менее 20 Гц) инфразвуком. Инфразвуковые и ультразвуковые колебания органами слуха человека не воспринимаются.

Шум – это сочетание звуков различной частоты и интенсивности. С физиологической точки зрения шумом называют любой нежелатель-

ный звук, оказывающий вредное воздействие на организм человека [2].

Для всех живых организмов, в том числе и человека, звук является одним из воздействий окружающей среды.

Шум в городской среде и жилых зданиях создается транспортными средствами, промышленным оборудованием, санитарно-техническими установками и устройствами. На городских магистралях и в прилегающих к ним зонах уровни звука могут достигать 90 дБА и более. В районе аэропортов уровни звука еще выше [1].

Для определения опасных уровней шума его воздействие оценивается в децибелах (дБ) специальным прибором. Шум характеризуется также высотой тона (частотой), а высокочастотные шумы кажутся более громкими и раздражающими слух, чем низкочастотные такой же силы. Воздействие шума, как правило высокочастотных звуков, к которым люди более чувствительны, оценивается по шкале децибел А (дБА), в единицах дБА.

Влияние шума становится опасным примерно при 75 дБА, болезненным – при 120 дБА и смертельным – при 180 дБА [7].

Каждый человек воспринимает шум по-разному. Многое зависит от возраста, темперамента, состояния здоровья, окружающих условий.

Длительное шумовое воздействие рассматривается как один из факторов, вызывающих повышенную заболеваемость. С действием шума связаны рост нервных, сердечно-сосудистых заболеваний, развитие язвенной болезни и тугоухости у городского населения, а также у рабочих некоторых профессий, связанных с воздействием шума. Шум оказывает вредное воздействие на центральную нервную систему, вызывая переутомление и истощение клеток коры головного мозга. Понижается внимание, нарушается координация движений, ухудшается работоспособность [4]. Вредное шумовое влияние транспорта сопровождает человека всю его жизнь и усиливается под действием вибрации, загазованности и других видов воздействия.

Литература

1. Борьба с шумом на производстве: Справочник/ Е.Я. Юдин, Л.А. Борисов, И.В. Горенштейн и др.; Под ред. Е.Я. Юдина. - М.: Машиностроение, 1985.

2. Гринин А.С., Новиков В.Н. Безопасность жизнедеятельности: Учебное пособие/ А.С. Гринин, В.Н. Новиков. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 288с.

3. Луканин В.Н., Промышленно-транспортная экология: Учеб. для вузов/ В.Н. Луканин, Ю.В. Трофименко; Под ред. В.Н. Луканина. – М.: Высш.шк., 2003. – 273с.

4. Павлова Е.И. Экология транспорта: Учебник для вузов/ Е.И. Павлова. – М.: Высш.шк., 2006. – 344 с.

5. Состояние окружающей среды и природных ресурсов в г. Нижневартовске и Нижневартовском районе в 2006 году: Обзор. Седьмой выпуск. Нижневартовск: Изд. дом «Югорский», 2008.

6. Территории традиционного природопользования Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в период 1992-2004 гг. Информационный обзор. – Екатеринбург: ООО «Издательский дом «АКВА-ПРЕСС», 2005 г. – 170 с.

7. Экология России. Хрестоматия. /сост. В.Н. Кузнецов. – М.: АО «МДС», 1995. - 320 с.

ЧАСТЬ V
СОЦИОЛОГИЯ. МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

Е.Н. Икингрин, Н.А. Никулина

ЧТЕНИЕ И ОТНОШЕНИЕ К УЧЕБЕ ДЕТЕЙ В МАЛЫХ СЕВЕРНЫХ ГОРОДАХ

В настоящее время мы наблюдаем острую обеспокоенность общественности и профессионального сообщества уровнем читательской компетентности россиян, как взрослых, так и детей. Ведь высокий уровень читательской компетентности позволяет понимать и верно оценивать окружающую действительность, успешнее ориентироваться в ней, принимать эффективные решения на всех уровнях – отдельного человека, организации, города, региона, целой страны, всего мира. Информационная культура становится одним из наиболее значимых стратегических ресурсов, оказывающих решающее воздействие на изменения всех сторон жизнедеятельности общества.

Россия подошла к критическому пределу пренебрежения чтением. Мы переживаем системный кризис читательской (и писательской) культуры. Доля систематически читающей молодежи у нас снизилась с 48% (1991 г.) до 28% (2005 г). Если в 1991 г. 79% жителей нашей страны читали хотя бы одну книгу в год, то в 2005 г. эта цифра составила 63%. В 1991 г. 61% россиян ежедневно читали газеты, в 2005 г. - только 24%. Для журналов аналогичные цифры составляют 16% и 7% соответственно. В 1970-е годы регулярно читали детям в 80% семей, сегодня - только в 7%. Выбор профессиональной и художественной литературы для чтения говорит о падении вкуса даже в интеллектуальной среде [1].

Реализация Национальной программы поддержки и развития чтения в России диктуется острой жизненной необходимостью. В программе предусмотрен комплекс мер, направленных на повышение уровня знаний, создание новых условий и информационной среды, стимулирующих рост культурного и интеллектуального потенциала страны. Впервые в истории страны феномен чтения рассматривается комплексно, на широком фоне проблем, с которыми Россия, как переходное общество, сталкивается в процессе осуществления масштабных реформ, глобализации, формирования информационного общества [2].

Дети - наше будущее, и поэтому Программа, прежде всего, направлена на поддержку и развитие детского чтения. Для того, чтобы узнать, как реализуется Программа на местах по инициативе Государственной библиотеки Югры на средства окружной целевой программы «Культура Югры, 2006-2008 гг.» Централизованной библиотечной системой г. Мегиона в городах Мегионе и Лангепасе было проведено социологическое исследование «Детское чтение в малых северных городах Югры» (научный руководитель Е.Н. Икингрин). В опросе приняли участие дети с 8 до 14 лет, родители, воспитатели детских дошкольных учреждений, учителя, работники школьных и детских библиотек.

Одной из задач исследования было изучение влияния детского чтения на учебную деятельность детей. Для этого респондентам задавались вопросы не только по детскому чтению, но и касающиеся их учебной деятельности.

В таблице 1 приведены ответы малышей и подростков на вопрос «Как Вы занимаетесь?»

Таблица №1

Отношение к процессу обучения малышей и подростков, % от числа ответивших

Варианты ответа	Малыши(8-11 лет)	Подростки (12-14 лет)
с удовольствием	78,0	57,1
по необходимости	22,0	42,9
Итого ответивших:	100,0	100,0

Малыши учатся с большим удовольствием, и это было всегда. Но очень тревожно, что почти половина подростков (43%) учится по необходимости. Это может привести к тому, что и работать они будут, «отбывая повинность», что для постиндустриального общества, в котором они будут жить, неприемлемо.

Среднее число предметов, которые нравятся малышам, составляет 2,5, подросткам – 2,7. На первом месте среди предметов, которые нравятся подросткам - физкультура (36% ответивших), малышам - математика (44%), на третьем месте, что радует, русский язык.

Литература и чтение нравятся каждому четвертому малышу (27%) и подростку (25%). У 6% респондентов подросткового возраста возникло желание исключить из школьной программы литературу, у 13% - русский язык, иностранный язык и ИЗО – у 19%, математику – у 18%.

Среди подростков-учащихся любят русский язык 36% опрошенных, литературу – 32%, что в два раза больше, чем среди учащихся по необходимости (соответственно 18% и 14%). Хотя русский язык подросткам нравится больше, чем литература, оценки по русскому языку у опрошенных подростков ниже, чем по литературе (3,7 балла против 4,1балла).

Практически половина опрошенных подростков (49%) считают, что уроки литературы помогают приобретать навыки грамотного владения речью, одна треть (29%) - помогают развивать творческие способности, 17% - помогают развивать литературный вкус; 5% считают, что уроки литературы ничего не дают.

В периоды бурных и кардинальных изменений статичные знания не успевают за стремительными переменами окружающей среды, не позволяют личности приспособиться к ней и продвинуться по служебной лестнице. Распространившаяся в последние годы концепция непрерывного образования заставляет детские и школьные библиотеки повышать внимание к информационной грамотности, развитию читательской компетентности. Результаты нашего исследования свидетельствуют о связи между читательской компетенцией и отношением к учебе. Более половины опрошенных подростков (51%) умеют пользоваться книжным фондом библистеки. Среди обучающихся с удовольствием таковых 57%, по необходимости – 43%. Трудности в нахождении нужной информации возникают у 24% учащихся по необходимости, и у 15% учащихся с удовольствием. Обучались работе с библиотечными каталогами на базе школьной библиотеки 22% опрошенных подростков, 11% обучались на базе детской библиотеки, 11% получили эти знания самостоятельно, 55% не проходили обучение.

Нас, как исследователей детского чтения, безусловно, волновал вопрос о перспективах детского чтения и библиотек. На вопрос: "Как вы считаете, какое будущее у библиотек?" ответило 58% опрошенных подростков. Из них 32% – «библиотек в будущем не будет», 33% - «библиотеки будут, но значимость их для чтения, (для населения) снизится», 28% - «значимость библиотек в будущем значительно повысится» и 7% - «будут электронные носители». «Значимость библиотек в будущем значительно повысится», - считают 33% респондентов из числа учащихся с удовольствием и 22% - учащихся по необходимости. По мнению 44% респондентов из числа подростков, занимающихся по необходимости, библиотек в будущем не будет. Такого мнения придерживаются 24% тех, кто учится с удовольствием.

Предварительные результаты исследования свидетельствуют о неоднозначности развития такого феномена, как детское чтение. Ясно одно - нечитающий подросток не может стать полноценным членом человеческого сообщества, стать компетентным работником.

Литература

1. http://www.fapmc.ru/news/info/item2003.html
2. Итоговый документ /резолюция/ Всероссийской конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: первые итоги, проблемы и перспективы» была принята участниками конференции 20 ноября 2007 года в г. Москве, Президент Отель

Т.В. Лазарева, Ю.А. Максимова, И.А. Коновалова

«АКЦЕНТ» ЗОВЕТ В ДОРОГУ
(картинка в пазлах)

Да вам пора работать с молодежью!...
В. Вишневский

У меня нет сомнения в том, что вы хотя бы один раз в жизни собирали пазлы*. Знаете, что для меня самое интересное в пазлах? Маленькие кусочки нужно подобрать так, чтобы совпали не только впадинки и выемки, но и рисунок. Все части пазла плотно прилегают друг к другу. Каждый кусочек, таким образом, становится уникальным и в то же время является частью картины, которая без него не будет полной. Жизнь информационного центра «Акцент», о котором мы с большим удовольствием вам расскажем, очень похожа на картину, составленную из своеобразных пазлов, очень тесно связанных друг с другом по «форме» и «цвету».

Мы предлагаем вам вместе с нами собрать картинку «Городской молодежный информационно-аналитический центр «Акцент». Итак,...

ПАЗЛ №1. ДВЕРИ

Вернее, очень много разных дверей. Потому что центр «Акцент» имеет не совсем обычный статус.

* пазл – это такая мозаика, а мозаика – это такой пазл

Благодаря этому, у нас есть много дверей, через которые можно войти к нам, через которые мы выходим к подросткам и молодежи, а также дверей в управленческих структурах, которые курируют, проверяют и поддерживают нашу деятельность. Центр организован не как самостоятельная юридическая единица, не при информационном учреждении, а при учреждении культуры клубного типа – дворце культуры «Октябрь» г. Нижневартовска. Это создает определенные трудности в вопросах финансирования и кадровой политики центра (подчинение двум управлениям: культуры и по работе с общественными организациями и молодежными проектами; отсутствие самостоятельности вопреки статусу «городской», отсутствие собственных штатных единиц), но и дает определенные преимущества в организации деятельности. Центр оказался на стыке интересов: информационного, общественного, культурного, управленческого. Он совмещает в своей деятельности функции библиотеки и учебного центра по IT-технологиям; юридической клиники и лаборатории по созданию молодежных сайтов; центра социологических исследований в молодежной среде и центра открытого доступа к информации и т.д. и т.п. В то же время, мы очень похожи на школьную библиотеку характером деятельности и тем, что мы находимся при: школьная библиотека при школе, а мы при дворце культуры. Все эти факторы определяют наличие, как правило, нестандартного подхода в решении поставленных перед нашим центром задач:

1. создание единого информационного пространства для молодежи Нижневартовска; создание Нижневартовского контента для единого информационного молодежного пространства округа;
2. участие в формировании и реализации национальной молодежной информационной политики;
3. обеспечение открытого доступа к информации;
4. изучение состояния, интересов и потребностей молодежи;
5. сбор, обработка, обеспечение доступности и распространение информации, представляющей интерес для молодежи и структур, работающих с молодежью, в том числе посредством развития сайтов («Молодежь города N», Инетрнет-газеты юных журналистов «Свежий ветер», «Жизнь вне зависимости»);
6. оказание молодежи бесплатной консультативной поддержки по вопросам прав;

7. обучение способам поиска и систематизации информации и работе с информационными продуктами, имеющимися в центре «Акцент;

8. привлечение молодежи к формированию информационных ресурсов и творческой деятельности в области информационных технологий, в том числе посредством работы клубов юных журналистов и информационных технологий;

9. обобщение опыта работы с молодежью российских учреждений и организаций;

10. обеспечение высокого уровня представительства ГМИАЦ в Интернет и среди информационного сообщества.

Эти задачи нам приходится решать усилиями 1 руководителя, 1 методиста (особая благодарность ДК «Октябрь», пожертвовавшему своими штатами ради центра) и 1 программиста. Согласитесь, если пытаться реально выполнять все перечисленные задачи на хорошем уровне, 3-х сотрудников явно будет маловато. Но мы все это делаем, и делаем хорошо и успешно!

Как? Для того мы и пишем статью, чтобы открыть двери на дороги, по которым могут идти не только крупные центры, но и практически любая школьная библиотека, если в ней есть хотя бы 1 компьютер и 1 сотрудник. Если вы сами еще не вышли в эти двери, то мы вас сразу предупреждаем: то, что окажется за ними, покажется вам очень простым и вы воскликнете: «Ведь это очень просто, как же я раньше об этом не подумал (а)!» или: «О чем-то похожем я уже размышлял (а)!»

Основной принцип работы центра заключается в следующем. **Вводная:** подростки и молодежь – категории населения, для которых наиболее авторитетно мнение по разным вопросам своих сверстников. **Выводы:**

1) информационные ресурсы для подростков и молодежи должны разрабатывать подростки и молодые люди;

2) обучать подростков и молодежь деятельности по сбору, обработке и распространению информации должны их сверстники.

Результат: вы не только создаете заведомо интересный для молодежи продукт, но и снимаете с себя огромную часть работы. Правда, при этом добавляется работа по мотивированию молодежи на активную деятельность, но это не такие глобальные трудозатраты как в случае, если бы вы все делали сами.

Это решение позволило нам сделать многое за очень небольшой промежуток времени (создание центра было продекларировано в июле

2005 года, начало работы датируется мартом 2006); всерьез и успешно реализовывать все перечисленные выше задачи.

Кстати, еще одна наша дверь, еще один принцип заключается в том, что изначально «Акцент» постоянно готов развернуться в сторону любой информационной структуры, работающей для молодежи и подростков для продуктивного сотрудничества. Последние слова подчеркнуты потому, что часто сотрудничество между учреждениями бывает ради самого сотрудничества, при этом не рождается практически ничего нового или полезного. Мы – за конструктивное сотрудничество, при котором действительно решаются какие-либо проблемы в области информации для подростков и молодежи.

Ну, теперь вы, наверное, думаете: «Да, хорошо, а все-таки что конкретно вы сделали?»

Ответ на этот вопрос – в следующих пазлах.

ПАЗЛ №2. «ДОРОЖНЫЙ ЗНАК»

Прежде, чем вы захотите привлечь молодежь к серьезной работе, нужно научить ее эту серьезную работу выполнять. И центр «Акцент» учит. Разными способами: на занятиях в клубах, на семинарах и тренингах. Все ребята из клубов юных журналистов и информационных технологий в первый год обучения занимались на семинаре по созданию дайджестов, учились отбирать и систематизировать информацию, свертывать и разворачивать тексты. А в ноябре 2007 года в ДК «Октябрь» города Нижневартовска прошел тренинг-семинар на тему: «Как написать хороший проект для молодежи». Его проводил Городской молодежный информационно-аналитический центр «Акцент» (руководитель – Лазарева Татьяна Викторовна, одна из ведущих тренинга); организатором выступил комитет по молодежной политике Югры. Тренинг-семинар проходил с соблюдением всех канонов этого жанра.

Итак, перейдем непосредственно к этому увлекательному и интересному мероприятию: на нем участники в соответствии с программой поделились своими представлениями о том, зачем вообще нужна и что это такое – проектная деятельность. Потом участники разделились на проектные группы, в которых родились проектные идеи, а именно:

1) Молодежный центр нетрадиционных видов спорта (пропаганда здорового образа жизни через нетрадиционные виды спорта: паркур, скейтбординг и альпинизм);

2) Организация в селе Шеркалы Октябрьского района летней лагерной смены для юных журналистов Югры (с соответствующей творческой программой);

3) Фестиваль «Русская Сибирь» (традиционные культура и быт русских, населяющих Западную Сибирь);

4) Цикл передач «Радуга» (формирование нравственности молодежи города Нижневартовска на основе пропаганды культуры национальных традиций); 5) Городской конкурс школьных ди-джеев (создание условий для самовыражения и самореализации школьных ди-джеев из числа старшеклассников, решение проблемы отсутствия в общеобразовательных заведениях звукорежиссеров);

6) Фестиваль русской культуры (возрождение русской культуры на уровне города Нижневартовска);

7) Создание общественной организации "Связь поколений" (с целью передачи семейных традиций от старших младшим).

Участники тренинга научились формировать все составляющие обычного проекта: обоснование; задача; мероприятия в рамках проекта; перспективы развития; отчет по результатам реализации.

На этом тренинге активно работала Матвиенок Вероника Владимировна (председатель Общественной организации «Молодая семья»). Это человек, за плечами которого не один тренинг и не один семинар (в том числе и такие, организатором или ведущим которых была она сама) и огромный опыт работы с молодежью! Исходя из этого, можно смело сказать, что Вероника Владимировна может выступить экспертом данного тренинг–семинара.

По ее мнению, на тренинг-семинаре работали высококвалифицированные, сильные и опытные тренеры, которые грамотно и развернуто преподносили материал аудитории. Давалась мощная и объемная информация, которая к тому же была очень «живой» и достаточно интересно подана. Еще одна отличительная черта: большой объем информации о том, как отчитаться о проекте. Обычно, на других тренингах, этому уделяется мало внимания. А здесь все как раз совсем наоборот. Что само по себе тянет на очень большой и весомый «Плюс» в графе за качественный и ответственный подход к данному тренинг–семинару. Было примечательно то, что аудитория была разной в плане возрастной категории (молодежь и люди более старшего возраста),

что не свойственно аналогичным мероприятиям, где обычно аудитория одного возраста. Но, не смотря на это (или благодаря этому?), работа была эффективной. Важно, что молодежь, присутствующая на тренинг–семинаре, поняла, что прежде чем в жизни вообще что-либо проектировать, нужно понять, насколько это будет востребовано и нужно в дальнейшем людям.

Одна из ведущих данного тренинг-семинара, Манаева Роза Федаевна (заместитель председателя комитета по молодежной политике Нижневартовского района), отметила, что полезность данного мероприятия для участников заключалась в том, чтобы молодежь уяснила для себя, что без такого важного фактора в жизни, как «планирование» невозможно грамотно и правильно проложить свой путь по дороге жизни. Это все равно, что ехать по шоссе без «дорожных знаков». Планирование служит своего рода такими знаками, которые помогают нам в жизни правильно не только намечать свои цели в жизни, но и знать, как к ним можно быстро и точно дойти, добраться.

Что касается самих участников, то Роза Федаевна отметила корректное поведение участников тренинг-семинара по отношению друг к другу: никто не хвалился своими знаниями, была ровная обстановка, блестящая активность участников в обсуждении каждого проекта, включенности не только в проект своей группы, но и в «соседские» идеи. В тоже время была возможность более опытным участникам команд делиться с «новичками» своими знаниями. Несмотря на тот факт, что все были оппонентами друг для друга, никто не «жадничал» своим опытом. Создавалось ощущение, что заботы о сохранении авторских прав тренинг «Как написать хороший проект для молодежи» миновали.

В заключение данного «пазла» лично от себя я хочу сказать одно - в жизни очень важно правильно суметь разглядеть и правильно последовать своему внутреннему «Дорожному знаку», который у каждого свой, на огромном пути под названием «ЖИЗНЬ»!

P.S. О проектах, разработанных городским молодежным информационно-аналитическим центром «Акцент» вы можете узнать подробно от разработчиков, отправив запрос по адресу: info@dvorec.org . Мы бы хотели только отметить, что реализация наших проектов, в основном, дело самих молодых людей, которые занимаются в клубах, летних площадках при центре.

Перечень проектов:

- **«Молодые для молодых: отвечаю за все сам»** (распространение на территории округа правовых ресурсов, разработанных клубом информационных технологий «КИТ», в том числе, юридической версии сказки «Красная шапочка»; повышение правовой культуры подростков и молодежи округа посредством игровых правовых электронных ресурсов);
- **Разработка и продвижение окружной Интернет-газеты юных журналистов «Свежий ветер»;**
- **Юридическая клиника «Альтернатива-М»** (повышение правовой культуры подростков и молодежи; обеспечение доступа к правовой помощи малоимущих категорий населения; приобретение студентами юридических факультетов профессиональных навыков и навыков осмысления правовых норм через помощь малоимущим и социально незащищенным категориям населения. Реализуется силами старшекурсников юридического факультета ЮУрГУ);
- **Проблемы формирования устойчивого самосохранительного поведения молодежи** (проведение и публикация результатов социсследований репродуктивного и самосохранительного поведения молодежи);
- **Лето в Интернете** (организация активного отдыха детей в возрасте от 10 до 14 лет через обеспечение доступа к информационным и познавательным ресурсам Интернет и проведение 14-18 июля Интернет-турнира «Паутинка» среди летних детских лагерей и площадок г. Нижневартовска на базе центра «Акцент»);
- **Программа комплексного летнего медиалагеря дневного пребывания «Югорский следопыт»** (организация активного отдыха детей через исследовательскую деятельность в области краеведения с использованием современных медиатехнологий в условиях летнего лагеря);
- **Университет «Новый старт»** (для жителей Нижневартовска пожилого возраста). В рамках проекта – непосредственное участие молодежи в обучении пожилых людей основам ПК и Интернета;
- **Молодежное ТНК-ВР- информбюро** (поддержка деятельности клубов центра, создание дайджестов для молодежи);
- **Создание сайта «Жизнь вне зависимости»** (виртуальное общение).

Приложение

Программа тренинг-семинара «Как написать хороший проект для молодежи»

время	тема	тренер
	8 ноября	
10.00-10.05	Вводная – формат тренинга	Лазарева Татьяна Викторовна, руководитель ГМИАЦ «Акцент» при ДК «Октябрь» г. Нижневартовска
10.05-10.15	Зачем проект нужен? (Мини-опрос в письменном виде)	Манаева Роза Федаевна, зам. председателя Комитета по молодежной политике Нижневартовского района
10.15-10.35	Состояния рынка предложения	Манаева
10.35-10.50	Состояние рынка сбыта	Манаева
10.50-11.00	Проект-пересечение интересов: рынок предложения (грантодатели, общество, правительство); рынок сбыта (целевая аудитория: молодежь), ваша организация	Лазарева
11.00-11.10	Замысел и гипотеза проекта. Выбор проектной темы, идеи	Лазарева
11.10-11.25	Проектная команда: мотивация, атмосфера, разделение полномочий (на стадиях разработки проекта и реализации)	Манаева
11.25-11.30	Перерыв	
11.30-12.00	Работа в проектных группах: разработка идеи с учетом интересов рынков и организации	Манаева, Лазарева
12.00-13.00	Защита проектной идеи (каждая группа представляет идею в течение 3 минут + 2 минуты на обсуждение)	Манаева, Лазарева
13.00-14.00	Перерыв на обед	
14.00-14.40	Технология проектной деятельности; основные составляющие проектной заявки	Лазарева
14.40-14.55	Презентация проекта (в том числе оформление)	Манаева
14.55-18.00	Работа в группах: подготовка	Манаева, Лазарева
	9 ноября	
9.00-11.25	Защита проектов каждой группы (10 минут + 10 минут на обсуждение)	Манаева, Лазарева
11.25-11.40	Реализация проекта, отчет по про-	Лазарева

	екту	
11.40-12.00	перерыв	
12.00-12.30	Итоги тренинга (общая дискуссия)	аудитория
12.30-13.00	Итоги тренинга (тренеры). Вручение всем участникам небольших подарков на память.	Манаева, Лазарева

ПАЗЛ №3. «РЫБАКИ И РЫБКИ»

Стремясь избежать повторения в каждом предложении одного ключевого слова этой статьи, я буду употреблять всевозможные синонимы, местоимения, намеки и ссылки. Чтобы не путать вас, дорогой читатель, употреблю его в самом начале. Представляю вашему вниманию: Информация. Предмет исследований, материал, цель и главный фактор существования ГМИАЦ «Акцент». Часто мы не можем самостоятельно разобраться в том, что именно в этом потоке информации нам нужно и нужно ли вообще, не знаем где найти подтверждение тому или иному факту, а иногда просто обидно (особенно молодому поколению), что поток этой жизни проходит мимо. Поэтому один из первых проектов инфоцентра - «Организация свободного доступа к информационным ресурсам для молодежи». В рамках этого проекта обеспечен бесплатный доступ к сети Интернет, юридическим базам данных, базам данных по молодежной информационной политике и культуре; ежегодно проводятся web-турниры для ребят разных возрастных категорий, а также организовано обучение основам работы в Интернет, как для детей, молодежи, так и для старшего поколения. Выпущены печатные издания тиражом до 500 экземпляров каждое, призванные обобщить, систематизировать и сделать доступными данные о культурной, молодежной, правовой жизни округа, России и разной дальности зарубежья.

Как же собрать, обработать и доставить информацию прямо по адресу? Это дело не для одного человека и даже не для одной организации. В данный момент не существует в общем доступе глобальной базы данных, с которой могли бы работать все без исключения, а если б и была, едва ли простой смертный сумел бы выловить из нее то, что ему нужно. Для удобства работы и пользования человечество изобрело узкоспециализированные издания, кратко обобщающие материал по определенной теме. Созданием таких справочников, сборников, дайджестов может заниматься организация, имеющая связи с прочими центрами, информбюро и состоящая из умеющих работать с данными

людей не важно какого возраста. Такая организация подобна рыбаку, который вылавливает из моря рыбу. Конечно, ему нужна надежная лодка, чтоб не потонуть, он должен знать рыбные места, не то все его старания пропадут даром, и конечно необходимы всякие сети, удочки, крючки, наживки, чтобы ту самую рыбу поймать, и чем больше, тем лучше. Конечно, для работников библиотек эта задача – нетрудная. В нашем центре также она выполняется стандартными способами, кроме одного – к участию в создании информационных изданий очень активно привлекается молодежь. Причем, на всех этапах – от выбора темы до переплета.

Любое информативное издание сперва требует сбора материала. Материал может быть разным, в зависимости от предназначения издания: сводки, статистика, отчеты о деятельности разных организаций, результаты собственных исследований. К примеру, электронное издание «Красная Шапочка» содержит в себе не только общеизвестную сказку, но и юридические комментарии к ней. Не просто было усмотреть в незамысловатом сюжете правонарушения, найти к ним соответствующие статьи, в том числе и Уголовного кодекса, и вынести в конце повествования приговор почти всем героям сказки. А мораль такова: незнание законов не освобождает от ответственности. Этот ресурс предназначен для детских и юношеских организаций, в том числе школ и служит правовому и юридическому воспитанию детей и подростков в непринужденной форме. На том же диске содержится дайджест об азартных играх, обобщивший всю о них информацию, включая негативные последствия для чрезмерно активных игроков и их наказания. Там же можно найти дайджест «Правовые ресурсы Интернет».

Издание серьезного содержания, наподобие Интернет-дайджеста по работе с молодежью учреждений и организаций России, может быть адресовано, например, комитету по молодежной политике и содержать важные материалы для специалистов. Если вас интересует, какие ныне действующие фонды и организации могут помочь молодежи в реализации проектов – на этот случай также подготовлен дайджест «Фонды и гранты для молодежи». Если вдруг вы захотите создать подобный проект, можете не напрягаться, предложите выполнить его детям, уверена, они не откажутся и сделают все не хуже взрослых, как вы можете убедиться, посетив наши сайты Молодежь города Н (www.m.n-vartovsk.ru), Интеренет-газету «Свежий Ветер» (www.ugra-

sv.ru), сайт клуба КИТ (www.kit-nv.ru), официальный сайт ДК «Октябрь» (www.dvorec.org). Все они сделаны и обновляются молодежью.

Материалы для изданий могут быть предоставлены организациями по распоряжению Главы города, если предприятие является частным, с ним заключается договор о предоставлении необходимых данных. Центр также обращается за помощью к иным молодежным учреждениям города. Иногда привлекается материал исследований, проводимых работниками и юными подопечными «Акцента». Замечу, что привлечение к сбору материала и его дальнейшей обработке молодежи делает этот самый материал понятным и интересным молодому поколению. Вся информация, в особенности добытая из глубин всемирной сети, проходит тщательную проверку на достоверность, потому инфоцентр может ручаться за точность и правдивость предоставленных данных. Когда весь материал собран, встает вопрос о его обработке. Позвольте снова провести параллель с рыбаком. В сеть попадается много разного мусора, рачков, дохлой рыбы или даже ядовитой. Конечно, на стол это все не подашь, надо выбросить лишнее, не затронув необходимого. Этим совместно занимаются воспитанники клубов «Свежий Ветер» и Информационных Технологий под чутким руководством Татьяны Викторовны Лазаревой. В зависимости от специфики издания предстоит либо обобщить все в единую таблицу, либо, используя эти данные, вкратце рассказать о деятельности организаций. Это сродни кулинарной обработке. Иногда произведенные нами материалы мы переплетаем сами при помощи ламинатора и брошюровщика – в этом случае на конвейере стоят все – кто-то раскладывает страницы, кто-то ламинирует обложки, кто-то переплетает. Можно увидеть этот процесс на фото. Иногда (если дали денежки добрые дяди и тети) наши издания печатаются в типографии. К таким, в том числе, относятся: «Молодой Нижневартовск: сборник информационных материалов», «Учреждения культуры г. Нижневартовска – молодежи: репертуарный план на текущий год и информация о проведенных для молодежи в прошлом году мероприятиях», материалы социологических исследований по репродуктивному поведению молодежи и информационным потребностям ее же. Когда же дайджест, или отчет, или сборник, или буклеты наконец укомплектованы, отданы в печать, напечатаны и собраны в стопку на столе руководителя, начинается распространение этих кладезей полезной информации. Отметим, что все издания, выпускаемые ГМИАЦ «Акцент» предоставляются совершенно бесплатно детским и юношеским организациям, му-

ниципальным и школьным библиотекам и просто всем желающим. Конечно, главным адресатом для нас является молодое поколение, а как доставить информацию молодежи? Этому святому делу служат рекламные стойки, наполненные нашими изданиями и стоящие в фойе Дворца Культуры «Октябрь». После каждого молодежного мероприятия их приходится наполнять заново. Будь они на стендах, люди побоялись бы к ним прикасаться, а когда человек видит стойку, вроде тех, что распространяют бесплатные газеты, ему сразу хочется взять что-нибудь, что для него интересно.

Не все, конечно, рыбаку стараться, нужно и молодое поколение обучить управлять лодкой и пустить по волнам мирового океана. Потому важной составляющей в реализации проекта информационной доступности является свободный доступ к электронным ресурсам. ГМИАЦ «Акцент» организует свободный доступ к Интернету молодежи в возрасте с 14 до 30 лет. Летом 2008 года начал работу проект «Лето в Интернет»: с понедельника по пятницу с 10 до 12 часов утра ребята от 10 до 14 лет могут бесплатно посидеть в сети и посетить электронные ресурсы, исключая сайты эротического содержания, игровые, коммерческие, опубликованные не прошедшими регистрацию в Министерстве юстиции РФ организациями. Помимо того проводится обучение навыкам работы в сети. Каждое такое «занятие» в Интернете ограничено 1 часом, что совсем не противоречит нормам этого возраста. Кроме того, трафик на каждом отдельном компьютере ограничен 10 Мб за 1 сеанс, что не позволяет юным хакерам использовать нашу доброту в коварных целях. К тому же ГМИАЦ проводит бесплатные юридические консультации с привлечением студентов юрфака и ресурсов базы данных «Консультант плюс». Юность консультантов никак не сказывается на качестве самой консультации, напротив, молодые юристы чаще своих взрослых коллег заинтересованы в решении чужих проблем и имеют время и желание не только проконсультировать, но и выслушать человека, у которого «наболело». Это называется «Юридическая клиника». Такую клинику по вопросам прав и обязанностей детей и родителей, семейному праву, можно организовать и при школьной библиотеке. Уверяем вас, что для этого вам придется всего-навсего заключить договор с вузом, составить вместе с куратором ВУЗа график работы студентов и расписание работы в клинике, довести эту информацию до учителей, родителей и школьников. Да, еще поставить стол и 2 стула. Работать, причем с удовольствием, будут студенты.

В заключение задам вам вопрос на засыпку: что общего у хакеров, журналистов, юристов, программистов и ГМИАЦ «Акцент»? Нет, первые две категории не входят в состав третьей (наши программисты не занимаются противозаконной деятельностью, а журналисты пока только юные). Не поверите, но они борются за одно и то же, а именно ЗА СВОБОДУ ИНФОРМАЦИИ. Не хотелось бы заканчивать пафосно, но нет свободной страны без гражданского общества, и нет гражданского общества без свободной информации. Может наш вклад в эту борьбу не так велик, как хотелось бы, но без малого не бывает и большего. Если вам не сложно, пожелайте нам удачи, в море она всегда пригодится!

ЧАСТЬ VI
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.А. Мазин

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ОБСКО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Базовой основой становления профессиональной литературы обских угров (1930-60-е годы) была образная система устного народного творчества. Появление профессиональной литературы у хантов и манси связано с решением ряда проблем. Прежде всего, создавались условия для развития цивилизованных средств внутриэтнической и внешней культурной коммуникации. Среди этих средств особое значение имеют развитая национальная письменность и высокий уровень грамотности, куда, безусловно, включается хорошее знание языка межнационального общения (для малочисленных народов России – русского).

Еще планировалось обеспечить родным печатным словом все поселения хантов и манси, когда Уральский комитет Севера при содействии Уральского управления связи принял решение о необходимости радиовещания на языках северных народов. Были подобраны десять молодых людей, способных вести выпуски Уральской северной радиогазеты. И в мае 1929 года в эфире зазвучала речь на языках хантов, манси, ненцев, коми.

Протекционные мероприятия в сфере развития образования, да и некоторые экономико-политические события (например, формирование национального самоуправления, создание национального округа) консолидировали северные этносы, подготовили их к действенному диалогу. Особая забота о подготовке национальных кадров, мероприятия по созданию письменности связаны с общей профессионализацией представителей коренного населения российских окраин.

На раннем этапе профессионализации литературного творчества всех младописьменных народов СССР, литературная неопытность авторов компенсировалась упорством ученичества. Наставники (как правило, русские учителя, педагоги средних учебных заведений и вузов) нацеливали талантливых учеников не на компиляции, подражания, а на отображение самобытности, на раскрытие в художественных образах персональных переживаний. Стремление перволитератур

младописьменных народов к взаимоотношениям с мировым литературным процессом выявлялся в синтезе трех начал: фиксирование (освоение) художественных традиций своего народа (нередко: расчленение синкретичных форм для представления жанров устного народного творчества), заинтересованное активное усвоение опыта русской литературы и ученический интерес к шедеврам мировой литературы.

Становление и самоутверждение письменной словесности осуществлялось в русле общих тенденций, когда в Институте народов Севера аккумулировалась энергия лингвистов, занимающихся «языковым строительством». Первые хантыйские и мансийские литераторы активно участвовали в поддерживаемых государством мероприятиях создания и распространения книжной культуры.

В пятом томе академической шеститомной «Истории советской многонациональной литературы» из югорских писателей первой названо имя Матры (Матрены) Панкратьевны Вахрушевой, определена значимость ее автобиографической повести (эпического полотна) «На берегу Малой Юконды» (1949): расширены рамки мемуарного жанра и отражены переломные моменты действительности. Судьба одной из ярких представительниц мансийской филологии и сегодня кажется исключительной, наполненной случайными и закономерными для советской эпохи фактами. Родившаяся 12 апреля 1918 года в мансийской деревне у реки Конды девушка в 1938 г. закончила обучение в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище, стала одной из первых учительниц мансийского языка и русской словесности. Недостаток кадров ощущался не только в поселениях родного края, но и в столице национального округа. С первыми шагами педагогической деятельности и литературного творчества М.П. Вахрушевой познакомились учащиеся Ханты-Мансийского педучилища.

В информационно-аналитической статье И. Гудкова «Ханты-мансийские поэты», опубликованной в февральском номере 1938 г. окружной газеты «Остяко-вогульская, правда» Вахрушева впервые представлена культурному многонациональному сообществу региона как подающая надежды поэтесса. Желание познакомить мансийских детей с великой русской литературой побуждало учительницу Матрену Панкратьевну к переводческой работе. В ее переводах вошли в хрестоматии для мансийских школ произведения В.Г. Короленко и Д.Н. Мамина-Сибиряка. Благодаря большому желанию и протекционной политике государства в решении просветительских задач на территории создаваемых национальных округов Севера талантливая де-

вушка поступает учиться в Ленинградский университет на факультет народов Севера. Окончив учебу в 1946 г., которая была прервана войной, М.П. Вахрушева полностью посвятила себя научно-педагогической деятельности. Ею созданы русско-мансийский словарь, учебник русского языка для начальных классов хантыйских и мансийских школ и многие другие работы по мансийской лексикологии. Супружеский и творческий союз М.П. Вахрушевой и А.Н. Баландина в конце 1940-х – начале 1950-х годов способствовал созданию продуктивных условий самоутверждения мансийской филологии в среде младописьменных народов. Записанные ими и опубликованные произведения сочинителей мансийских сказителей, певцов предшествовали энергичному процессу профессионализации литературного творчества.

Накануне Великой Отечественной войны, в 1940 г. в Ленинградском издательстве «Учпедгиз» вышла первая книжка мансийской прозы – рассказ П.К. Чейметова «Два охотника». В двуязычном издании (перевод на русский язык был сделан В. Наумовой) впервые в оригинальной художественной форме представлены отношения к мироустройству представителей двух национальностей: русского и манси. В рассказе немало сравнительных характеристик быта прошлого и нового, конфликт развивался вокруг отношения к пришедшей в традиционный уклад коллективизации. Еще до выхода книги оригинальной прозы П.К. Чейметов зарекомендовал себя переводами на мансийский язык рассказов Максима Горького «Старуха Изергиль», «Рождение человека», изданными в 1939 году. Его переводы книг о челюскинцах, Папанине, Кирове, Дзержинском могут проецировать определенное отношение к молодому мансийскому литератору. Но в его литературных занятиях и в биографии следует видеть не отрыв от корней, от родной культуры. Пантелеймон Кириллович для утверждения своей связи с малой Родиной взял псевдоним Еврин – от названия родной речки. Судьба П.К. Чейметова сложилась по велению времени: обвинялся в кулачестве, реабилитирован по ходатайству матери, во время войны служил в морской пехоте, был контрразведчиком, позднее был призван в органы внутренних дел, а в 1945 г. в Тюмени сотрудник отдела по борьбе с бандитизмом был осужден за убийство женщины, изменившей ему. К сожалению, первый мансийской прозаик П.К. Чейметов (Еврин) не создал повести или романа по сюжету личной жизни. Было бы это произведение о сложной судьбе мансий-

ского рыбака, призванного эпохой преобразований быть первым среди равных.

Для участия в северо-азиатском семинаре в 1930 году был приглашен П. Е. Хатанзеев. Он еще до революции был обучен русской грамоте в инородческом пансионе Шемановского в Обдорске (Салехарде), во второклассной учительской школе не был востребован, и к периоду советизации Севера служил помощником приказчика. Лишь в 1921 году двадцатисемилетний активист реализовал свои педагогические способности, став организатором одной из первых национальных школ. Перед поездкой в город на Неве будущий переводчик на хантыйский язык (обдорского диалекта) пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» учительствовал при Туземном отделении Тобольского педагогического техникума. Заметим, что на этом отделении обучался Г.Д. Лазарев, будущий первый из хантов главный редактор окружной газеты (в 1956 г.).

В 1931 году П.Е. Хатанзеев составил «Хантыйскую книгу для первоначального обучения». В следующем, 1932-м, был издан «Хантыйский букварь» Нестора К. Каргера. Им же на хантыйском языке в 1934 г. опубликована сказка «Sovre» («Зайчишка»).

Особую роль в создании основ хатыйского литературного языка сыграл немецкий филолог Вольфганг Штейниц, который с 1934 по 1937 гг. работал в Институте народов Севера. Неподдельный интерес к остяцкой (хантыйской) языковой практике сочетался у В. Штейница с желанием зафиксировать бытовавшие фольклорные произведения хантов. До приезда в СССР была защищена диссертация «Параллелизм в финно-карельской поэзии» и будущий переводчик хантыйской народной поэзии на немецкий язык в общении со студентами много времени уделял формированию поэтического чутья, ориентированию к переводческой деятельности и авторскому сочинительству. Приобщение к словотворчеству мотивировало первых выпускников Института народов Севера к созданию литературных кружков по месту работы: в школах-интернатах, клубах, техникумах, при редакциях региональных газет.

Один из первых хантыйских литераторов Д.Ф. Макушин уже в 1934 году с некоторой поспешностью констатировал близкое рождение хантыйского литературного языка. Две его статьи вышли в окружной газете «Ханты-Манчи шоп (шой) – остяко-вогульская правда», где с 1934 по 1957 г. выходили отдельные страницы на хантыйском и мансийском наречиях. В первоначальном варианте официальное рас-

пространение в качестве хантыйского литературного языка был принят среднеобской диалект. Новописьменной литературе, развивающейся с использованием латинской графики, предстояла нелегкая реформа: Президиум Совета национальностей в конце 1936 года принял решение о переводе письменностей народов Севера на графику русского языка. Причина такого перехода была вполне объективной: знание русской графики, используемой для национальных учебников, национальной периодики, фиксации литературных опытов, облегчало процесс освоения государственного русского языка. И это активизировало включенность младописьменных народов в общественную жизнь страны, способствовало развитию межкультурных связей.

С конца 1950-х официальным языком хантыйской прессы и хантыйской литературы стали считать казымский диалект. Д.Ф. Макушин для своих соплеменников перевел на родной язык «Сказку о рыбаке и рыбке». Замечу, что эта сказка А.С. Пушкина получила широкое распространение фактически на всех диалектах.

С появлением прессы на языках хантов и манси в 1957 году, где печатались не только официальные сводки событий, но записанные произведения устного народного творчества и первых профессиональных сочинителей, можно говорить о частичном завершении этапа самоутверждения автохтонов Ханты-Мансийского округа в многонациональном сообществе.

Все исследователи становления литератур народов Севера отправной точкой вызревания профессиональных художников слова считают Первую конференцию литераторов народностей Севера, проходившую с 21 по 29 марта 1961 года в Комарово Ленинградской области. Среди многих участников хантов представляли Г. Лазарев, П. Салтыков, Р. Ругин, М. Шульгин, от мансийских талантов были М. Вахрушева, Ю. Шесталов, А. Тарханов. Значимость прошедшей конференции определилась тем, что самобытные поэты и прозаики предстали в многонациональной отечественной словесности как самостоятельные субъекты, закончилась пора надзорного ученичества.

Можно было уверенно говорить о расширении форм и содержания литературного творчества представителей младописьменных народов. У некоторых литераторов народностей Севера уже вышли книги, что для того времени было явлением исключительным. В начинающейся литературной судьбе Ювана Шесталова имелось две книги: одна (на мансийском языке) вышла в Тюмени – «Макем ат» («Аромат Роди-

ны» - 1958 г.); вторая была издана в Ленинграде на русском языке – «Пойте, мои звезды!» (1959 г.).

Далее начинается этап активного вхождения литераторов из среды хантов и манси в диалог многонационального сообщества, хотя, как уже было сказано, общение субъектов на равных началах усредненности привело к полилогу, где голоса малочисленных народов были едва слышны.

Значимость индивидуального самобытного голоса в диалоге литератур доказывает творческая судьба Ювана Шесталова. Он вошел в многонациональную литературу произведениями на родном языке и на русском - языке межнационального общения. Многих восхищала и восхищает неординарная натура Ювана Николаевича. С первых публикаций мансийский поэт стал восприниматься как голос манси, как олицетворенная живая речь Югры, как воплощенная в новом человеке ценнейшая экологическая, традиционная культура. Поэтесса-переводчица (известны ее переводы классика венгерской литературы Аттилы Йожефа) Н.И. Грудинина вспоминала, как на одном из вечеров ленинградских поэтов в 1955 году восемнадцатилетний еще мало известный поэт из народа манси прочел на родном языке свое стихотворение «Гроза». Всех присутствующих покорила звукопись поэтической миниатюры, и вскоре русские поэты вступили в соревнование за лучший перевод. Но никто не смог предложить текста, адекватного оригиналу по выразительности звуковых метафор. Первый профессиональный мансийский поэт, по мнению Н.И. Грудининой, «ввел в арсенал поэзии новую для русской поэзии систему мансийских образов, к которой переводчикам предстояло еще долго привыкать» [1, 166].

Было совершенно очевидно, что у мансийского народа появился не просто «рисовальщик» архаических картин. В 1962 году Ю.Н. Шесталов становится членом Союза писателей СССР. В многонациональной литературе России обозначился художник слова, впитавший соки народного творчества и возвращающий ему благородные плоды изящной словесности. Шесталов не просто сочинял лирические тексты (личные песни) или пересказывал эпические сюжеты, он перевоплощался в героев, персонажей. Изобразительно-выразительными средствами художественной речи мансийский поэт не столько утверждает равенство своего финно-угорского племени со всеми народами, сколько самоутверждается в духе гуманитарных ценностей. Это особенно очевидно в «Языческой поэме», за создание которой Ю.Н. Шес-

талов в 1981 году был удостоен Государственной премии России им. А. М. Горького.

Шесталов в прозаических сочинениях показал нелегкий разворот мифологического сознания аборигенов Севера к просвещенному реалистическому восприятию действительности. Анализируя лирико-эпические произведения мансийского писателя «Синий ветер каслания», «Когда качало меня солнце», А.В. Пошатаев сравнивал прозаическую манеру Шесталова с творческим мастерством М.М. Пришвина. Особенно сближает лирические повествования двух писателей близость к фольклору и наличие сюжета-путешествия. [2, 134 -135].

Современный этап литературной жизни Ханты-Мансийского автономного округа получил освещение в современных средствах массовой информации (на электронных носителях, в Интернете). Изданы антологии поэзии и прозы под названием «Литература Югры» (2001г.), библиографический указатель «Писатели Югры» (2004 г.). Маститые и молодые поэты из числа автохтонов Югры представлены в объемном столичном издании «Из века в век: поэзия хантов, манси и ненцев» серии «Поэзия народов кириллической азбуки» (2006 г). Литература хантов и манси публикуется и анализируется во Франции [4].

Самобытная литературная практика Югры формирует художественное пространство многоуровневого внутриэтнического и межнационального диалога. Зрелость изящной словесности хантов и манси обозначена отдельной статьей академического словаря «Литература народов России: XX век» (2005 г), подготовленного Институтом мировой литературы им. А. М. Горького. Достижения литератур хантов и манси освещает с 1995 года альманах «Эринтур (Поющее озеро)» , выпускаемый Ханты-мансийским окружным отделением Союза писателей России. В Ханты-Мансийском автономном округе присуждается ежегодная литературная премия Губернатора. Хантыйские, мансийские писатели на равных участвуют в Международных фестивалях финно-угорского фольклора и конгрессах финно-угорских писателей.

Примечания:

1. Грудинина Н. Огонь на льду//Просвещение на крайнем Севере. Вып. 15 - Л., 1967. - С. 166 – 169.

2. Пошатаев А.В. Литературы нардов Севера (истоки, становление, развитие).- М, 1988.

3. Шесталов Ю.Н. Собр. соч. – Т. 1 - 5. – СПб. - Ханты-Мансийск, 1997 -1999.

4. literatures des peupleszte autochtones de Siberie. Introduction par Anne-Victoir Charrin //Missives – 2001 – septembre – Paris.

А.М. Кошкарева

РЕЛИКТОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ РЕЧИ

Существует теория волнового заселения Сибири русскими людьми, согласно которой сначала в XVI – первой половине XVII вв. активно заселялись и осваивались территории Западной Сибири до р. Иртыш, затем «порозжие» земли до р. Енисей (вторая половина XVII – начало XVIII в.), далее до р. Лены и еще позднее осваивался Дальний Восток. Согласно этой теории в говорах северных районов Тюменской области – как части бывшей Тобольской, а еще раньше Сибирской губернии, наблюдаются самые архаичные элементы русского языка, севернорусские по характеру, так как первыми заселяли богатые сибирские земли выходцы из Архангельской, Новгородской, Пермской и других северных территорий. Об этом свидетельствуют фамилии коренных русских жителей Вагайского, Тобольского, Уватского, Ханты-Мансийского и других районов, например, Новгородовы, Мезенцевы, Печоркины, Вологодские, Пермяковы, Пермитины и другие. В местных говорах до сих пор сохранились многие особенности древнерусского языка и более древних, дописьменных периодов развития славянского языка – индоевропейского и общеславянского в фонетике, лексике и грамматике.

Один из самых древних звуков, звук индоевропейского характера, который так и называется в лингвистической литературе «эль среднеевропейский, или полумягкий», произносится как L в немецком, английском и французском языках. В современном русском языке звук, обозначаемый буквой «эль», либо твердый, либо мягкий (сначада, но на скал'е), зубной по месту образования: при произношении звука язык прикасается к верхним зубам (твердый л) или к альвеолам, бугоркам над верхними зубами, в отличие от «эль» полумягкого, когда язык прикасается к переднему нёбу. В диалектной транскрипции этот звук изображается знаком [l], буквой l в латинской графике. Произносится в сибирских говорах в интервокальном положении, то есть между гласными: ходиlа, купиlа, паlочка. Звук «эль» среднеевропейский или полумягкий зафиксирован в д. Новосёловой Тобольского района.

Древний h «ять» и его дифтонгическое произношение, не свойственное славянской речи [ue], отмечено в д. Быковой Вагайского района в речи Надеиной Марии Корниловны, которая распевала ударные окончания существительных I и II склонения в предложном, бывшем

местном падеже, где в окончании был «ять»: по весниe, к сестриe, на столиe, в окниe. Звук [h] рано совпал в произношении с [е] этимологическим, последние замечания о различии этих звуков мы встречаем у М.В. Ломоносова, прекрасно знавшего архангельские говоры: «Слух требует в е беглости, в h тонкости»; «Ять» - более тонкий, а е – дебелый»; В. Сумароков также отметил, что «h всегда несколько в И вшибается». Буква h традиционно писалась более чем в ста корнях слов, которые заучивались наизусть и осложняли обучение грамотному письму до 1918 года, когда были отменены h, ъ, і и другие элементы архаичного письма.

Новгородское цоканье – фонетическое явление, кода звуки [ч] и [ц] сливаются в один звук [ц']. Такое произношение зафиксировано в д. Аксурка Вагайского района, следы такого цоканья – в дд. Зольниковой, Ларионовой, Македоновой, Новосёловой Тобольского района. О следах цоканья говорит произношение слов с [ц] как слов со звуком [с]: сарь, улиса, птиса, а поскольку [ч] и [ц] при цоканье совпадают в одном звуке [ц], то и слов: сяй (чай), усителка (учителка), песька (печка), опесек (опечек) и др. Явление упрощения аффрикат, что значит «слитных» звуков: ч – [т'ш']; [ц] – [тс]; при упрощении взрывной элемент [т] исчезает в произношении, от [ч] остается [ш'], от [ц] – [с]. Произношение слов: реш'ка, щёрный, щёрт и птиса, куриса, светок в том числе со следами цоканья, неразличения [ч] и [ц]: сяй, пес'ка, сарь А.М. Селищев объясняет в «Диалектическом очерке Сибири» (Иркутск, 1930 г.) влиянием финно-угорских языков ханты, манси и других, так как в этих языках нет звуков [ч] и [ц], которые на русский язык передавались с упрощением, соответственно, как [ш'] и [с]. До XX века ханты занимали территории севернее г. Тобольска, например, Уватский район был вотчиной остяцкого князька Нимьяна (отсюда современное название – Демьянск), Самарово Ханты-Мансийского района – владением князя Самара.

Обрусевших ханты, потомков от смешанных браков русские называли раньше остяками. Высокие, светловолосые, иногда с синими глазами, они говорили по-хантыйски и по-русски, передавая русские звуки [ц] и [ч] как [с] и [ш']. Это произношение заимствовано русскими поселенцами, жившими бок о бок с остяками и перенимавшими от них опыт местных промыслов рыболовства и охоты, лексику, связанную с этими видами деятельности, а также произношение аффрикат. Цоканье – явление очень древнее, оно зафиксировано в памятниках древнерусской письменности, например, в Новгородской летописи по си-

нодальному списку: «Новгродьци же останьке живыхъ послаша Гюрг# Иванковиц# посадника и Степана Твьрдиславиц#. Ины моужа о кнз#»; кн#зь жѣ мстиславъ сотвори вѣ цѣ на "рослали дворѣ; томь же по грѣхомъ нашимъ придоша "зыци незна~мі», в берестяных грамотах, открытых академиком Арциховским при раскопках в г. Новгороде в 1964 г.: «^ Бориса ко Ностасии како приде с# грамота тако пришли ми цоловѣкъ на жерепцѣ зане ми здѣсь дѣлъ много да пришли сороцицю. Сороцицѣ забыле»»»»»»».»» «»»»»»»Одной из гипотез происхождения цоканья считается влияние польского языка, в котором цоканье и сейчас является литературной нормой: цо то есть?

В фольклорных произведениях, в которых архаичные явления сохраняются дольше, зафиксировано произношение долгих шипящих, в частности щ в его изначальном, самом древнем варианте общеславянского периода как трифтонгического ш'т'ш', при котором т'ш' сливались в звук ч; такое произношение отмечено в г. Тобольске в речи Антипиной Лукерьи Сергеевны:

Ешчо в поле да на репишче,
В огороде на мекинишче,
Да ешчо чуть меня медведь не заел,
Да на ту пору солдат подоспел...

В сибирской диалектной лексике также встречаются очень редкие архаичные слов, например, слово покляпая, которое невозможно объяснить из текста былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, а оно очень естественно звучит в речи Антипиной Лукерьи Сергеевны (г. Тобольск): «Запоминайте, вот заход на болото, у покляпой березы тропинка». Покляпая, значит, береза, у которой от земли идет один ствол, а выше человеческого роста разветвляется и расходится на три ствола, также идущих кверху, причем там, где стволы расходятся, образуется как бы естественное кресло, на котором очень удобно было бы сидеть соловью – разбойнику. Старинные слова сохранились в названиях деревень, в топонимических названиях местности: д. Рогалиха (название крестьянской сохи), д. Елань (поляна в лесу).

В грамматике – это форма сложного прошедшего времени (плюсквамперфект), которая сохранилась в русских народных сказках (жили были старик со старухой) и в сибирских говорах: Когда раньше были колдуны делали (колдуны – блюдо типа вареников, где тесто из тертого сырого картофеля с грибной начинкой (Тоб.); раньше пела была, танцевала была, сейчас уж стара (Бык.). Для синтаксиса характерно деепричастие в функции сказуемого как элемент народности языка,

Эту особенность использует И.А. Крылов в баснях: Вола увидевши лягушка на лугу; зафиксирована и в говорах северных районов Тюменской области в дд. Вагайского и Тобольского районов: Мужик-от выпимши был, Куда ты не поевши-то; зафиксировано и в фольклорных произведениях: Растерявши, не знавши ответа (из песни).

Сибирские говоры – это кладезь фактов для истории языка. Особенно интересны в этом плане территории раннего заселения Сибири – северные районы Тюменской области, Обь-Иртышское междуречье.

А.М. Кошкарева

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Говоры Северных районов Тюменской области: Вагайского, Тобольского, Уватского, Ханты-Мансийского, Октябрьского, Березовского, Сургутского, Нижневартовского в языковом отношении являются вторичными по отношению к говорам «материнской основы» или первичным говорам, которыми являются говоры северных регионов европейской части России, носителями которых были первые переселенцы. Устройство слобод с чисто русским населением на берегах Иртыша относится к 30-м годам XVII столетия.

П.Н. Буцинский, исследовавший заселение семи уездов Тобольской губернии, в том числе Тобольского и Тюменского, со времени завоевания Сибири до 1645 года, пришел к такому выводу об этнографическом составе сибирского населения к половине XVII века: «...оно, помимо туземцев, представляло пеструю, разношерстную массу; оно состояло из немцев австрийских и ливонских, шведов, поляков, литовцев, латышей, мордвы, черемис, русских и даже французов; эта пестрота особенно заметна в Тобольске. Но, само собою понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало к русскому народу и преимущественно к жителям северных губерний. В списках служилых, посадских людей и крестьян чрезвычайно редко можно встретить «калужанина», «путивльца», да и то большею частию из ссыльных, а остальные насельники переведены или перешли из так называемых поморских городов: Устюга Великого, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогор, Вятки. Гулящие люди в Сибири были исключительно из этих городов, например, из 617 человек, присягавших в Верхотурье царю Алексею Михайловичу, половина была родом из

«устюжан», значительная часть «сольвычегодцев и «пинежан», а другие были «вятчане», «соликамцы», «кайгородцы», «важеняне», «вычегджане»[1]. На севернорусское происхождение первоначальных жителей Сибири указывают и сведения, находящиеся в работе П.А. Словцова, давшего в своем «Историческом обозрении Сибири» картину быта и некоторые наблюдения над языком за все время до проведения Московского тракта (1765 год) и за несколько лет после проведения его: «Сибирский говор есть говор устюжский, подражатель новгородского. Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована все устюжанами и их собратией, говорившею тем же наречием. Устюжане дали нам земледельцев, ямщиков, посадских, соорудили нам храмы и колокольни, завели ярмарки»[2].

В «Объяснительной записке к составлению Тобольской врачебной управой карт рыбных промыслов в Тобольской губернии по рекам Оби и Иртышу» (конец XVIII века) население Тобольского Севера представлялось таким образом: «От Тобольска до устья Иртыша, за исключением некоторых притоков (например, Конды) и низовьев Иртыша, живут русские и татары, по Конде и близ устья население сменяется вогулами[3] и остяками[4], далее от устьев Иртыша до границ Томской губернии вверх по Оби живут остяки, они же населяют и весь низовой бассейн Оби до Обской губы, где им на смену являются самоеды»[5].

Язык и культура первых переселенцев испытали влияние иноязычного и инодиалектного окружения. В результате в северных диалектах Западно-Сибирского региона есть специфические языковые черты, сформировавшиеся под влиянием языка коренных жителей региона, так, например, в говоре дд. Новосёловой и Зольниковой (один говор, так как совпадают все фонетические и морфологические особенности, лексика исследуемых промыслов; расстояние между двумя деревнями не превышает 15 км), кроме упрощенных аффрикат (реш'ка, стариш'ок, улиса, сарь), наблюдаются следы архаичного мягкого цоканья, свойственного новгородским говорам (уситса, пес'ка, с'орна (Чёрная – название реки). Когда-то в говоре не различались аффрикаты Ц и Ч, потом под иноязычным влиянием[6], а именно угорским[7], аффрикаты упростились. Наличие в консонантизме русских говоров по нижнему Иртышу и Оби особенностей, свойственных угорским диалектам, находит себе объяснение в этнографических условиях формирования данных говоров[8].

Благодаря смешанным бракам обрусевшие ханты вливались в русское старожильческое население Денщиковской, Самаровской и других волостей. «По Иртышу... многие ясачные остяки, – указывает Н.М. Ядринцев, – вследствие смешения с великорусскими крестьянами, первыми колонистами, совершенно обрусели и вошли в состав великорусского населения»[9]. Воздействие же обрусевших ханты и манси, которые в русской речи передавали Ч и Ц фрикативными Ш и С (С'), послужило развитию данного явления в исследуемых говорах.

Русские пользовались элементами культуры северных народов, как более приспособленных к местным условиям: одежда и обувь ямщиков, предметы промысла рыбаков и охотников. Поэтому в русском языке, особенно в сибирских диалектах, много слов из языков ханты и манси (чарым – наст, гусь – теплая зимняя одежда, саип – сеть, ахан – ловушка для рыбы, неплюй – шкура молодого олененка). Некоторые слова «обрусели», то есть вошли в русскую словообразовательную систему, изменили фонетический облик. Например, слово базиновка – вид лодки, от хант. базьян (название деревни, в которой делались на продажу большие тесовые лодки – базьяновки), слово колганка – вид лодки, устаревшее колыданка – лодка, предназначенная для ловли рыбы колыданом – примитивным сетным орудием лова.

Русский язык как язык международного и межнационального общения также сыграл большую роль, с одной стороны, в преобразовании хантыйской письменности, которая первоначально была создана на основе латинского алфавита, затем, в 1937 году, была переведена на русский алфавит, кириллицу, с добавлением букв, обозначающих специфические звуки хантыйского языка; с другой – в обогащении лексики заимствованиями из русского языка. Так, например, на страницах газеты «Ханты ясанг»[10] за 2002 год употреблены 263 слова из различных областей жизни:

• экономика: бухгалтер, бюджет, кредит, налог, процент, финансы и др.;

• политика: автономный округ, госдума, государство, губернатор, департамент, политика, правительство, президент, федерация и др.;

• наука, образование: алфавит, аттестат, диплом, кандидат, кафедра, конференция, образование, энциклопедия и др.;

• искусство, культура: выставка, дизайн, картина, концерт, культура, музей, театр, фольклор, этика и др.;

• медицина: генетика, больницайн, здравоохранение, игрек(икс)хромосом, медпункт и др.;

• специальность: киномеханик, журналистат, корреспондентат, оформитель, редактор, художника, экономист и др.

В основном это предметная лексика, лексические заимствования.

Анализ русско-хантыйского словаря А.Е. Андриановой[11] показал, что русские слова заимствовались различными способами:

• собственно-лексические заимствования – слова, не имеющие вариантов в языке ханты: автомобиль, библиотека, вождь, государство, градус, доверенность, знамя;

• заимствованные слова, имеющие два варианта: русский и хантыйский: боец – боец (тятисты хо), восстание – восстание (сёхлынг), верблюд – верблюд (макрынг вой), карман – карман (сеп);

• заимствованные слова, имеющие русские эквиваленты, в том числе синонимические: альбом – рисунокыт, амуй тетрадь; валенки – катанкайнгын; врач – доктор, лекситтыхо;

• заимствованные слова, отличающиеся словообразовательными элементами:

- айн (-яйн): библиотекайн, путёвкайн, администрацияйн, академияйн, диссертацияйн, лотереяйн, инспекцияйн, семьяйн, стипендияйн, энциклопедияйн;

- айт (-яйт, -яйтн): буквайт, наукайт, пословицайт, радиопередачайт, акцияйт, предприятияйт, заведенияйтн;

-ат (-ят): билетат, журналат, журналистат, инженерат, корреспондентат, кружокат, профсоюзат, эколог, экзаменат, писателят, электростанцият;

-ата: культурологата, юристата;

-ан; интернатан, факультетан;

-ас: служитас;

-н: институтн, номерн, педколледжн, промкомбинатн, совхозн;

-я: командировкая, медсестрая, санитаркая;

• заимствованные слова, отличающиеся фонетическими особенностями: копьё – купья, кукушка – куккук, крупа – курпа, лавка – лапка, военный – военной, вражеский – вражеской, знаменитый – знаменитой, ленивый – ленивой.

Процесс заимствования иноязычных слов является закономерным результатом языковых контактов. Долгое соседство русских и ханты, их экономические, культурные и даже семейные связи позволили чужим словам стать такими же «родными», как и исконные, взаимно обогатили лексику как русского, так и хантыйского языка.

Примечания и литература

1. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1989. С. 231.

2. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. 2-е изд. СПб., 1886. С. 78-79.

3. Финно-угорская народность манси, исконное население Западной Сибири.

4. «Финно-угорская народность ханты на Оби и Иртыше в бывшей Тобольской и Томской губернии, селькупы на Оби и притоках; кеты, палеоазиатская народность на Енисее; название части вогулов-манси, особенно на Сосьве, Лозьве, Конде. Впервые остяки в значении «ханты» в 1572 г., Иван Грозный» (См. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 3. СПб., 1996. С. 167).

5. Самоеды – старое название ненцев, энцев, нганасан, селькупов на севере Сибири.

6. Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири // Избранные труды. М., 1968. С. 344.

7. По документам государственного архива Тюменской области (Тобольский филиал, Ф.417, д.519, л.46) «население (Тобольского) уезда состоит из русских, татар, бухарцев, остяков, вогулов», которое в данной местности полностью ассимилировалось с русскими.

8. Романова М.А. Русские говоры Ханты-Мансийского региона Тюменской области (консонантизм) // Говоры Урала и Западной Сибири. Нижний Тагил, 1972. С. 28.

9. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб., 1982. С. 94.

10. Ханты Ясанг. №№ 1-3, 5, 9, 11, 18, 22-27, 29-30. 2002 г.

11. Андрианова А.Е. Русско-хантыйский словарь. Л., 1949.

С.З. Рахимбакиев

К ИЗУЧЕНИЮ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ «ИСТОРИИ СИБИРИ» Г.Ф. МИЛЛЕРА

Ономастика, представляющая собой раздел языкознания, изучает любые собственные имена (т.е. топонимию, гидронимию, антропонимию, этнонимию и т.д.). Как составная часть ономастики и специфическая область лексической системы языка, топонимы содержат многогранную и ценную лингвистическую, этнографическую, историко-географическую и другую информацию. Э.М. Мурзаев - ученый, всю свою жизнь посвятивший изучению топонимов,- писал: «Географические названия вызывают глубочайший интерес не только у ученых, в первую очередь, у языковедов, историков, географов, но и у каждого любознательного человека. Совокупность географических названий, или топонимия, народное творчество, создаваемое веками, а иногда и тысячелетиями. Искусственных книжных имен в процентном отношении очень мало».[1]

Высоко оценивал информационную сущность топонимов В.А. Никонов, который писал: «... подчас географические названия – единственное эхо умолкшего языка, исчезли народы, забыт язык, в прахе мощные сооружения, а хрупкое слово-название оказалось прочнее гранита».[2]

Одним из важнейших источников изучения тюркских топонимов является труд Г.Ф. Миллера «История Сибири».

Содержащийся там ономастический материал - это ценное наследие русского, татарского и других народов. Необходимо отметить, что в тюркском языкознании татарские географические названия, зафиксированные в «Истории Сибири» Миллера, не нашли специального и комплексного освещения.

Известно, что Сибирь была одной из территорий, где проживали десятки этносов, имеющих различные языковые барьеры. Тюркско-татарские топонимы, зафиксированные в «Истории Сибири» Миллера, формировались в сложных естественно-географических, исторических и лингводиалектных условиях. Западная Сибирь являлась местом соприкосновения, взаимопроникновения и сосуществования генетически однородных и разнородных этнических начал и этнических потоков, проникших сюда из-за Урала. История заселения края, сложные и давние контакты с разными народами, широта и разнообразная по природным условиям территория со всеми ее особенностями не могли не отразиться на характере географических названий. Особенности ландшафта, растительного и животного мира, названия давних племен и народов, имена первых поселенцев и владельцев, черты социально-экономической и культурной жизни и другие факторы стали основой для образования топонимов. В результате длительного исторического процесса здесь образовалась сложная топонимическая система в виде наслоения географических названий, нередко различного языкового происхождения.

Территория Западно-Сибирской равнины была заселена племенами саргатской археологической культуры еще в VI веке до н.э. Они имели высокоразвитую металлургию, занимались скотоводством, земледелием, рыболовством, собирательством. В социальной структуре общества выделялись богатые вожди, конные наездники, пешие лучники, простые люди. Здесь проходили международные торговые караванные пути. По этой территории прокатывались волны гуннских кочевников, одна культура сменяла другую. Население, проживавшее по берегам Туры, Тобола, Иртыша, с древнейших времен испытывало на себе пе-

рекрестное влияние мировых цивилизаций. Каждая новая культура старательно стирала следы предыдущей. У автохтонного населения постепенно менялись религия, язык, традиции, этнические имена. Ядро коренного населения сохранилось до наших дней, донеся из глубин истории географические названия различных объектов родной земли.

Исходя из этого, этимологизация топонимов и этнонимов, которые встречаются в «Истории Сибири» Миллера, представляется весьма затруднительной. Лигвистические данные ученый подкреплял историческими фактами. Он демонстрирует подход к использованию лингвистических данных, основанный на принципе сличения, сопоставления и взаимной проверки данных. Знание языка позволяло Миллеру писать топонимы на двух языках: например, русск. Епанча, тат. Япанза, русск. Абалак, тат. Ебалак, русск. Ескальба, тат. Есвальга и др. В «Истории Сибири» можно часто встретить, что один и тот же топоним произносится по-разному, например, название реки «тура» татары называли «туре», а вогулы – «тере» или «тере-я».

В исследовании Миллера большое внимание уделяется происхождению названий татарских деревень, например, Кашкара, Варвара, Майтмас произошли от имен князей, живших на этой территории, а слово «Сибирь» перешло к русским от зырян.

Используя богатейшие словарные материалы по всем без исключения сибирским языкам, собранные в ходе экспедиции, Миллер сумел сделать ряд крупнейших открытий, в частности, разделил остяков по языковому принципу на три совершенно самостоятельные группы, впервые установил родственные связи между многими народами. Например, Миллер приходит к выводу, что якуты в прошлом составляли один народ с татарами. Самоназвание якутов «соха» (во множественном числе «сохалар») совпадает с названием татарского рода Красноярского уезда.

Ни один исследователь Сибири XVIII - XIX вв. не собрал такого количества топонимических материалов, как Миллер.Только в путевых описаниях лета 1740 года, когда ученый совершил путешествие по воде от Томска до Тобольска, он приводит сведения о 1316 аборигенных гидронимах, а также сотнях аборигенных названий населенных пунктов.

Географические названия возникают не случайно, а в связи с законами развития общества, отражая своеобразие того или иного исторического периода, материальную и духовную культуру народа, жившего в этот период. Географические названия, будучи частью словарного

запаса определенного типа языка, являются важнейшим инструментом для изучения ряда вопросов истории языка, исторической географии, этногеографии и этногенеза.

Изучение топонимики может дать ценные сведения о характере хозяйствования, общественного строя и культурного развития этноса в тот период его истории, когда эти названия были созданы.

[1]Мурзаев Э.М.Очерки топонимики.М.,1974-С.322
[2]Никонов В.А.Вопросы топонимики Востока.//Топонимика Востока.-М.,1962.-С.9

С.Ф. Руднева

ОТПИСКИ И ИХ МЕСТО В СТАРОРУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ ОБДОРСКОГО КРАЯ И МАНГАЗЕИ XVII в.)

Исследование памятников русской деловой письменности имеет богатую научную традицию в России. Источники делового содержания оказали известное влияние на формирование языковых отношений в Древней Руси. Деловая письменность, как особая традиция древнерусского словесного искусства, не замыкалась на практической сфере и не была только утилитарным показателем. Наряду с административными, судебными областями языковая стихия использовала потенциал деловых текстов и в другом качестве — как исторический источник, как летопись событий прошлого: от частных документов (письмо, договор и т. п.) до общегосударственных (устав, судебник). Кроме того, деловая письменность, как система, имея с первых веков своего развития тенденцию к стандартизации форм и использованию характерных типологических средств, не оставалась обособленной и формировалась в среде культурных связей образованного общества.

Этот пласт культурной традиции, с одной стороны, может быть выделен как самостоятельный массив текстов, действующих по четко установленной схеме, с другой — он не является механическим сплавом формул, а его специальный словарь ориентируется не только на юридическую сферу, но и пополняется живыми языковыми фактами и приемами. Как раз это последнее свойство деловой письменности: обогащаться за счет народных, разговорных, в первую очередь, элементов, — и создало в истории своеобразный лингвистический прецедент.

Изучение региональных памятников в последние годы получило развитие за счет привлечения новых источников и нахождения иных плоскостей, иных уровней описания языка таких текстов. Лингвистическое изучение памятников письменной культуры, или **историческое лингвокраеведение**, - одно из самых перспективных направлений современной русистики. Лингвокраеведение объединяет ряд разноплановых аспектов изучения языка определенной территории, соединяет в единое целое теоретические и практические изыскания о прошлом и настоящем языка в регионе. Особое место в лингвокраеведении занимает изучение памятников деловой письменности. Исторически деловой письменности отводилась особая роль. Она обслуживала не только собственно делопроизводство, но и различные сферы общественной жизни. Поэтому изучение деловых документов дает нам не просто обширную информацию о быте, нравах людей определенного исторического периода, но и о состоянии языка того времени, его роли в формировании национального литературного языка.

Данная статья посвящена жанрово-стилевому **анализу официально-деловой письменности XVII века на примере деловых документов Обдорского края и Мангазеи** (территория Ямало-Ненецкого округа), опубликованных в книге «Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов» (издательство «Тезис», Екатеринбург, 2004г).

Сборник состоит из трех разделов, в нем отчетливо прослеживаются две линии: история давних обитателей края, самодийцев и северных хантов, и история первоначальной русской колонизации севера Западной Сибири. XVII в. — интереснейшая эпоха в истории Сибири, когда бесписьменная ранее история автохтонных народов обрела, благодаря русским документам, свои конкретные сюжеты и имена. В XVII в. современная территория ЯНАО в административном отношении относилась к двум уездам: Березовскому (большая часть) и Мангазейскому. Исторические документы XVII в. откладывались в приказных (воеводских) избах Березова и Мангазеи. Местный архив Березовской приказной избы «дотерпел» до приезда в город первого историка Сибири Г. Ф. Миллера (он прибыл с помощниками-копиистами в июле 1740 г.). По указаниям Миллера были сделаны копии со 140 документов, которые в настоящее время хранятся в Санкт-Петербурге. Половина из этого комплекса документов была в разное время и в разных изданиях опубликована. К сожалению, судьба местных сибирских архивов оказалась печальной. Что

случилось с березовским архивом в XVIII—XIX вв., после работы в нем Миллера, неизвестно.

Город Мангазея существовал всего 70 лет — с 1601 по 1672 г. В это время Мангазея являлась центром огромного уезда, чьи восточные размытые границы уходили далеко за Енисей. В 1672 г. Мангазея была оставлена, и воеводская администрация вместе с архивом приказной избы переехала в Туруханск (Новая Мангазея), который оставался центром Мангазейского уезда и в XVIII в. Г. Ф. Миллер прибыл в Туруханск летом 1739 г. и провел там ровно месяц. Миллер и его помощники сняли копии 146 документов. Они тоже хранятся в архиве Академии наук в Петербурге, 32 из них в разное время опубликованы. Сам мангазейский архив разделил судьбу березовского. К концу XIX в., когда впервые после Г. Ф. Миллера появились серьезные исследования по русской колонизации Сибири, мангазейского архива уже не существовало. Время и обстоятельства его гибели нам неизвестны.

Настоящий сборник содержит 73 документа делопроизводственного характера; 42 из них публикуются впервые. Впервые публикуемые документы извлечены из фонда Сибирского приказа (ф. 214) Российского государственного архива древних актов (Москва). Следует заметить, что документация, относящаяся к территории ЯНАО (это в основном переписка воевод Мангазеи и Березова с Москвой, челобитные аборигенного и русского населения), не составляет в обширном фонде Сибирского приказа какого-либо единого комплекса. В основном представлены документы сюжетные, из них: отписки-31 документ, грамоты – 11 документов, челобитные -7 документов.

Предметом изучения данной статьи являются стилеобразующие средства. К ним будем относить все языковые единицы, способные сообщить тексту стилистическую информацию, стилистическое значение, которое может быть двух типов: функциональное и экспрессивное. Учитывая особенности языкового употребления XVII века, по-видимому, следует добавить еще и этикетно-стилевое значение (установленные стандарты межличностного общения в данных условиях коммуникации).

А.Н. Качалкин так определяет жанр памяти: «документ, представляющий собой распоряжение, предписание старшего по положению лица (и учреждения) на конкретные действия своим подчиненным».[1] (с.76) Однако исследованные нами памяти показывают, что данный

вид документа является не только предписывающим по своему характеру, но и отчетным (т.е. некоторые памяти представляют собой отчеты в выполненных или невыполненных поручениях). И в этом смысле более верно определение В.И. Даля: «Деловое сообщение, предписание, записка». Чтобы сделать определение данного жанра более конкретным, надо иметь в виду, что, во-первых, это письмо, а значит, оно имеет конкретную адресованность - автора и адресата, во-вторых, это письмо официальное и, как правило, регулирует отношения по линии «старший – младший». Обычно память, адресованная от старших по статусу лиц или учреждений младшим, является предписывающей по своему характеру, памятью-распоряжением. Память, адресованная от младших лиц или учреждений старшим, является отчетной по своему характеру, памятью-отчетом. Необходимость отчетов о происшествиях и событиях способствовала выделению особой разновидности памяти, что закрепилось в отдельном реквизите - самоназвании **«Отписная память»**. Данный жанр рассмотрим более подробно. Так уже в названиях документов данного жанра обозначено описание отчетов: например, в документе №4 «1636 г., не ранее февраля 23. Отписка в Москву мангазейского воеводы Б.И.Пушкина **об убийстве самоедами гонцов, направлявшихся из Мангазеи в Обдорск** »; в документе № 9 «1644 г., не ранее июня 4 – не позднее октября 25. Отписка тобольских воевод **о грабеже самоедами хлебных запасов в Обдорске**»; в документе № 24 «1616 г., февраля 6. Отписка тобольского воеводы кн. И.С. Куракина в Москву **о возможности прохода морем от Архангельска в Обскую губу и к устью Енисея**»; в документе № 43 «1629 г., не ранее марта 2 – не позднее июля 17. Отписка архиепископа Сибирского и Тобольского Макария **об освящении Успенской церкви в Мангазее»**.

Отписные памяти композиционно делятся на две части: первая содержит обоснование отписки, причину, вторая - собственно отчет о происшествии или событиях. Поскольку дела, по которым пишутся памяти, могут быть самыми разнообразными, трудно определить, какие слова являются здесь стилеобразующими, за исключением средств, обозначающих действия субъекта текста. Например, в документе № 9 «1644 г., не ранее июня 4 – не позднее октября 25. Отписка тобольских воевод о грабеже самоедами хлебных запасов в Обдорске» отмечаем: И сын боярской де Дмитрей Черкасов остазил их на Обдори, а велел коча дожидатца из Мангазеи, и из Мангазеи де зыехал поздо, и

они де в Мангазею ехать не посмели, потому что ход стал. И они де хлебные запасы из дощаников выгрузили в онбар.

Отписные памяти содержат этикетную информацию, средствами выражения которой являются имена существительные: Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Бориска Пушкин, Пятунко Спиридонов челом бьют. По твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велено нам, холопем твоим, быть на твоей государеве службе в Мангазее (в документе №4 «1636 г., не ранее февраля 23. Отписка в Москву мангазейского воеводы Б.И.Пушкина об убийстве самоедами гонцов, направлявшихся из Мангазеи в Обдорск »). Выражаемая данными средствами экспрессия уничижения является условной, этикетной и отражает характер взаимоотношений автора и адресата.

Отписные памяти не исключают также и реальной экспрессии, например, когда автор оценивает события определенным образом: Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холоп твой Микитка Борятинской челом бьет. В нынешнем, государь, во 148-м году сентября в 9 день бил челом тебе государю..., а в Мангазее в съезжей избе мне, холопу твоему, подал челобитную дьяк Богдан Обобуров, что приехал он на твою государеву службу в Мангазею, а двора нет, жить ему негде, и чтоб ты, государь, его пожаловал, велел ему свой государев указ учинить, где ему жить. И я, холоп твой, выслушав тое ево челобитные, посылал мангазейсково сотника стрелецково Алексея Шафрана да съезжей избы подьячево Игнатья Пироговсково, да казенново целовальника Матвея Быкова и велел тово пустово двора, где жили прежние воеводы и дьяки до 145-го году, досмотреть и записать, что на том дворе хором, и мочно ли на нем не построя жить (в 27 день подал подьячей Богдан Ушаков. 1639 г., сентябрь. Отписка воеводы кн. Н. М. Борятинского в Москву). Оценка действий и их субъектов создается за счет обращения к государеву источнику определенных указаний, которых выполнил автор отписок.

Таким образом, как справедливо отмечает О.В.Баракова, «...описывая деловой текст, целесообразно говорить о его жанрово-стилевых характеристиках, которые существуют в сознании говорящего, как представление о способах выражения в данной сфере общения, в данных конкретных условиях коммуникации».[2] (с.57)

[1]Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи: Дис...докт. филол. наук. М., 1990. С.245.

[2]Баракова О.В. Таможенные книги Московского государства XVII века: структура, языковое оформление. - Нижневартовск, 2003, С.238.

А.Е. Белькова

СУБТЕКСТОВЫЙ СОСТАВ ТЮМЕНСКИХ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ XIX ВЕКА

Лингвисты, занимаясь исследованием деловых текстов XV-XIX вв., определяют те принципы текстологического анализа, которые, по их мнению, влияют на структуру формуляра и языковое оформление письменных памятников того или иного жанра.

В настоящее время лингвисты особенности формуляра актов связывают с репрезентацией фрагментов языковой картины мира (Зиновьева Е.И., 2000, с.111; Малышева И.А., 1998, с.130). И.А.Малышева пишет: "В лексической картине источника находят отражение характер и особенности делопроизводства, в сферу которого входит данный текст, вид и тип памятника, место создания документа, отношение данного текста к другим документам этой же делопроизводственной сферы и их взаимозависимость" (1998, с. 130).

Нами в работе учитываются, прежде всего, принципы текстологического анализа, отмеченные в свое время Д.С. Лихачевым: целостный анализ текста, комплексное сравнительно-историческое изучение текстов, а также то, что за "рукописью важно увидеть ее создателя и создателей как некие индивидуальности" (1962, с.94).

Формуляр и структура метрических книг XIX века рассматриваются нами с позиций репрезентации концепта-доминанты через иерархически организованную систему субтекстов. Концепт-доминанта связан с жанрово-стилевыми характеристиками документа и отражает историю его возникновения и бытования.

При анализе структуры и формуляра деловых документов с позиций современных подходов к тексту языковеды используют методику описания деловых документов, выработанную за последние десятилетия (Котков С.И., 1973; Волков С.С., 1980; Дерягин В.Я., 1980). Не отказываясь от сложившегося понятия клаузулы, лингвисты используют термины, с их точки зрения, позволяющие раскрыть специфику формуляра делового текста. Н.В. Викторова в кандидатской диссертации, рассматривая лингвотекстологические особенности переписки заводчиков с приказчиками Уральских заводов конца XVIII - начала XIX вв., объединяет при описании исторического документа два на-

правления анализа текста: источниковедческий, "ставший традиционным" в исторической лингвистике, и "мало применяемый историками язык; текстологический" на основе выделения коммуникативных целей и функционально-стилистической специфики текста (1993, с. 162).

В формуляре субтекстов метрических книг формулы (слова, словосочетания, предложения), в разной степени эксплицируя концепт-доминанту, могут быть классифицированы на 2 типа:

1) непосредственно эксплицирующие концепт-доминанту (например, формулы, фиксирующие заглавие метрической книги (заголовки));

2) формулы, эксплицирующие концепт-доминанту опосредованно, то есть обосновывающие взимаемый сбор (формулы, называющие лиц, место жительства, сословие, имя, отчество, фамилию, вероисповедание, и т.д.).

Анализируя формулы, особое внимание уделяем словоупотреблению и варьированию синтаксических конструкций. Описание структуры и формуляра старорусского делового текста (метрических книг) позволит выделить субтекстовый состав и описать специфические языковые средства его оформления. Любой из субтекстов может быть привлечен к анализу, как аналог известных "представителей" жанра.

Нами рассматривается формуляр текстов метрических книг Тюменского духовного правления XIX века, как полисубтекстовая структура, репрезентирующая концепт-доминанту.

Рассмотрение субтекстов начнем с исходных - субтекстов заголовков метрических книг. Лингвистическому обозрению подвергнуто 22 субтекста.

Анализ субтекстов заголовков метрических книг позволяет констатировать, что заголовки священнослужителями оформлялись ко всей книге. Субтексты заголовков, оформленные ко всей книге в целом, по сравнению с субтекстами заголовков разделов книг, как правило, более пространные.

Ср.: Метрическая книга Градо-Вознесенской церкви - Метрические книги записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу (1802 -1830 гг.) на 273 листах (МКТ, 1802, л.1 об.).

Метрическая книга Градо-Тюменской Покровской церкви - Метрическая книга Градо-Тюменской Покровской церкви (1843 - 1856) на 640 листах (МКТ, 1843, л.1 об.).

Метрическая книга, данная из Тюменского Духовного Правления в Градо-Тюменскую Знаменскую церковь для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших (МКТ, 1860, л.1 об.).

Ср.: Метрическая книга о рождении (МКТ, 1802, I, л.3 об.),

Метрическая книга о бракосочетании (МКТ, 1802, II, л.104 об.),

Метрическая книга о умерших (МКТ, 1802, III, л.203 об).

Анализ субтекстов заголовков метрических книг свидетельствует о том, что в их структурно-семантическом оформлении можно выделить единое организующее начало. Можно выделить общую инвариантную схему (модель) субтекстов заголовков метрических книг Тюменского духовного правления XIX века со следующим набором структурных элементов (формул):

[Метрические книги – форма множественного числа]+ [название церкви]

+ [указание разделов книги]+ [по приходу...]

+[оформление временных границ]+ [количество листов]

Ср.: Метрические книги Градо-Вознесенской церкви о записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу (1802 -1830 гг.) на 273 листах (МКТ, 1802, л.1 об.). Метрические книги Градо-Тюменской Спасской церкви о записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу (1825 -1840 гг.) на 315 листах (МКТ, 1825, л.1 об.). Метрические книги Градо-Тюменской Пророка-Ильинской церкви записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу (1809-1842 гг.) на 319 листах (МКТ, 1809, л.1 об.).

Следует отметить особенности оформления заглавия МК по городам. В документах одних церквей заголовки довольно пространные, в других – лаконичные. Так, например, немногословен заголовок МК Градо-Тюменской Пророка-Ильиской церкви и МК Градо-Тюменской Покровской церкви:

[Метрическая книга – форма единственного числа]+ [оформление временных границ]

+ [количество листов]

Ср.: Метрическая книга (1843-1872) на 411 листах (МКТ, 1843, л.1 об.),

Метрическая книга (1843-1856) на 640 листах (МКТ, 1843, л.1 об.).

Краток заголовок МК Тюменского Духовного Правления в Градо-Тюменской Знаменской церкви: [Метрическая книга]

Ср.: Метрическая книга (МКТ, 1845, л.1 об.).

В МК Градо-Тюменской Спасской церкви заголовок книги в целом не отмечен, дата вынесена в начало заголовка: [начата...окончена]+ [количество листов]

Ср.: Начата в 1865 окончена 1865 на 116 листа (МКТ, 1853, л.1 об.).

Таким образом, в заглавии книг используется имя существительное книга в форме единственного числа, но параллельно употребляется и форма множественного числа книги. Общее содержание заголовка метрической книги сводится к сообщению о том, в какой церкви она составлена и за какие года. В последней части заголовка приводится общее количество страниц МК.

Субтексты заголовков разделов (частей) присутствуют во всех метрических книгах Тюменского Духовного Правления XIX века. В МК записи по содержанию объединяются в составе отдельного раздела, «книги».

Прежде чем охарактеризовать особенности субтекстов статей разных типов, необходимо указать, что слово метрическая тетрадь употреблялось священнослужителями для обозначения списка с приходской метрической книги о рождениях, браках и смертях за один год по одному приходу. Метрическая тетрадь представляет собой часть консисторской метрической книги. Число тетрадей в консисторском экземпляре равно количеству приходов в уезде или городе. Названия разделов в МК разнообразны. Отметим наиболее употребительные субтекстов заголовков разделов (частей) метрических тетрадей.

Название заголовка части первой, о рождении, представлено вариантами:

- Записи о родившихся (МКТ, 1802, I, л.1 об.),
- 1810 год, о рождающихся (МКТ, 1810, I, л.1 об.),
- Часть первая о раждающихся (Градо-Тюменская Пророко-Ильинская церковь) (МКТ, 1845, I, л.2 об.),
- Часть первая, о родившихся (МКТ, 1860, I, л.1 об.),
- 1 часть(1842 год) (МКТ, 1842, I, л.2 об).

В метрической документации второй части, о бракосочетании, используются субтексты заголовков:

- Записи о бракосочетавшихся (МКТ, 1802, II, л.113 об.),
- Часть вторая о бракосочетавшихся (МКТ, 1842, II, л.89 об.).

Варианты заголовков третьей части МК, о смерти:

- Записи о умерших (МКТ, 1802, III, л.207 об.),
- Умершие (МКТ, 1842, III, л.138 об.),
- Часть третья, о умерших (МКТ, 1845, III, л.197 об.),

• О погребенных (МКТ, 1810, III, л.217 об.).

Следовательно, в метрических книгах города Тюмени записи по содержанию объединяются в составе отдельного раздела, «тетради». Наряду с общим заглавием МК в целом, приводятся заголовки разных видов частей (о рождении, бракосочетании и смерти). Инвариантная схема (модель) субтекстов заголовков включает следующий набор структурных элементов (формул): [часть...]+[название части, раздела]+[дата].

Литература

1. Баракова О.В. Таможенные книги Московского государства XVII века: структура, языковое оформление: Монография. – М.: МГОУ, 2003.
2. Викторова Н.В. Лингвотекстологический анализ переписки заводчиков Демидовых с приказчиками уральских заводов конца 18-начала 19 вв. (по материалам государственного архива Челябинской области). Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1993.
3. Волков С.С. Стилевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII в. (на материале челобитных). Дис. ... доктора филол. наук. Л., 1980.
4. Дерягин В.Я. Об историко-стилистическом исследовании северно-русских деловых документов XV- XVII вв. // Лексика и фразеология северно-русских говоров. Вологда, 1980.
5. Зиновьева Е.И. Записные кабальные книги Московского государства XVI-XVII веков: Структура. Лексика. Фразеология. СПб., 2000.
6. Котков С.И. Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973.
7. Лихачев Д.С. Текстология. М.-Л., 1962.
8. Малышева И.А. Проблемы источниковедческого исследования письменных памятников XVIII века // Вопросы языкознания. М., 1998.
9. Коллекция метрических книг церквей города Тюмени. Ф. 254, 1841-1919. ГАТО ФОНД И-254, опись 1, дело № 27. 190 л. – 212 обл.: Метрическая книга, данная из Тюменского Духовного Правления в Градо-Тюменскую Знаменскую церковь для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1860 год.
10. Коллекция метрических книг церквей города Тюмени. Ф. 112, 1802- 1858. ГАТО ФОНД И-112, опись 1, дело № 6. 237 л. Метрическая книга, данная из Тюменского Духовного Правления в Градо-Тюменскую Вознесенскую церковь для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1830 год.
11. Коллекция метрических книг церквей города Тюмени. Ф. 104, 1809-1869. ГАТО ФОНД И-104, опись 1, дело № 2. 369 л. Метрическая книга, данная из Тюменского Духовного Правления в Градо-Тюменскую Пророко-Ильинскую церковь для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1810 год.
12. Коллекция метрических книг церквей города Тюмени. Ф. 127, 1843-1855. ГАТО ФОНД И-104, опись 1, дело № 2. 268 л. Метрическая книга, данная из Тюменского Духовного Правления в Онуфриевскую Покровскую церковь для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1845 год.

С.Н. Сорокина

ОТРАЖЕНИЕ ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКИ УГОРСКИХ НАРОДОВ В ГИДРОНИМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ ЮГРЫ

Топонимический материал содержит ценные сведения о традиционной культуре, особенностях хозяйства, промыслах аборигенного населения Среднего Приобья. Богатство животного мира на территории, где проживали угорские народы, отразилось не только на их жизнедеятельности, но и стало основой для появления многих географических названий.

Основной тип хозяйства угров – сочетание речного рыболовства и охоты с оленеводством. Краеведы отмечали, что «въ Западной Сибири, въ Оби и Иртышѣ, водится въ изумительномъ множествѣ бѣлуга, осетръ, стерлядь, нельма, таймень, муксунъ, сырокъ, налимъ, щука, хайрюзъ, ясь, карась, окунь, ершъ и прочія мелкія породы» [1:49]. Речное рыболовство угров носило круглогодичный характер. С низовьев рек они выезжали на Обь для сезонной рыбной ловли. Перед началом ледостава с семьями возвращались на свое зимнее местожительство, где продолжали заниматься зимней рыбалкой на мелких речках и озерах.

Охотничий промысел, который носил сезонный характер, состоял из охоты на мясного и пушного зверя. На первом месте стояла добыча белки и соболя, а в некоторых районах добывали бобра. Объектами охотничьего промысла также служила боровая и водоплавающая дичь [2:126]. Невозможно представить народы севера и без оленеводства. В течение года оленеводы со стадами совершали сезонные перекочевки для поиска пищи, так как олени питаются подножным кормом. Олень с древнейших времен был очень важен в жизни человека, благодаря ему, жилища и одежда северных народов были теплыми, пища сытной.

Таким образом, гидронимия исследуемой территории включает в себя довольно многочисленную группу названий, отражающих основные промыслы аборигенов Приобья. Приведем следующие примеры:

1. Названия, имеющие в своем составе лексику рыболовства.

- *рыба*: **Кулигол, Кульеган**, рр., **Кулэмтор**, оз. – *рыбная река (озеро): кул* – рыба [3:58]; **Хулга**, р. – *рыбная река*: *хул* – рыба. Название дано не случайно: осенью вверх по Хулге и ее притоку Манье большими косяками поднимается на нерест сырок [4:19].

- *язь*: **Агрнъеган**, р. – *язевая река*: *äурэн* – язь, язевый [3:334].

- *окунь*: **Еваеган, Евъеган**, рр.– *окуневая река: ев* – окунь [5:29].

- *стерлядь*: **Карым, Карыягун**, рр.– *река, в которой водится стерлядь: кöри* – стерлядь [3:306].

- *ёрш*: **Ляреган, Ларьеган, Ларья**, рр. – *ершовая река: лар* – ёрш [5:47]; **Няргиеган**, р. – *ершовая река: нярки* – ёрш [5:68].

- *щука*: **Сортымъеган, Сортигол, Сартъеган, Сартигль**, рр., **Сортымлор, Сорттур, Сортлор, Сортантур, Сартэмтор**, оз. – *река (озеро), в которой водится щука: сорт* – щука [5:87].

- *окунь*: **Симрынья**, р. – *река, в которой водится окунь: симри* – окунь [6:64].

- *мохтик*: **Мохтикъеган**, р. – *река, в которой водится мохтик: мохтик* – мегдым, елец сибирский, он же мохтик, он же и чебак [7:79].

- *щёкур*: **Щёкурья**, р. – *река, в которой водится щёкур: сукыр, сукр* – щёкур (вид рыбы). На мансийском языке эта река называлась Сукырья.

2. Названия, имеющие в своем составе обозначения видов птиц.

- *утка*: **Васыглор, Вачлор**, оз., **Васыгигль**, р. – *утиное озеро (река): вас* – утка [8:81]; **Енрилор**, оз. – *озеро болотной утки: энлы* – болотная утка [3:55]; **Курьеган, Курыкъеган**, рр., **Курыктор, Курсор**, оз. – *утиная река (озеро): курэк* – шилохвост (утка) [5:44]; **Сой**, р. – *утиная река: сой* – гоголь (утка) [5:86]; **Сынъях, Сынъеган**, рр. – *утиная река: синк* – черная утка [9:248].

- *синица*: **Вурсатъеган, Вирсияун**, рр. – *река, у которой много синиц: вурсяк* – синица [5:24].

- *ворон*: **Колекъёган**, р. – *река ворона: колэк* – ворон [3:47].

- *птенец*: **Куйигол, Куйеган**, рр. – *река птенца: куй* – птенец [5:43].

- *глухарь*: **Лукъеган, Лугвар**, рр., **Лукутлор**, оз. – *глухариная река (запруда): лук* – глухарь [5:50].

- *стриж*: **Рапсиеган**, р. – *река стрижа: рап* – стриж; ласточка [5:81].

- *сорока*: **Савъях**, р. – *сорочья река: савнэ* – сорока [10:93].

- *кулик*: **Сюльеган**, р. – *река кулика: сюлси* – кулик [5:91].

- *журавль*: **Тормэмтор**, оз. – *озеро журавлей: тор* – журавль [5:95].

- *тетерев*: **Ятрия**, р. – *тетеревиная река: ятри* – тетерев. По берегам этой реки раскинулись обширные болота с сосново-кедровыми гривами, излюбленными местами промысловой птицы тетерева-косача.

3. Гидронимы, имеющие в своем составе обозначения видов животных.

- *олень*: **Велинъеган**, **Велинигол**, рр. – *олений ручей: вэли, вэлим* – олень [3:22]; **Хоптынгсоим**, р. – *олений ручей: хопты* – олень-бык [5:106]; **Хорьеган**, **Харсоим**, **Хора**, рр. – *оленья река: хор, хэр* – олень-бык / *хор* – 1) бык; 2) дикий [5:106]; **Пежилор**, оз., **Пежиеган**, р. – *река оленей*: *пэши* – олененок [10:92].

- *белка*: **Лянкееган**, **Ланги-еган**, рр. – *беличья река*: *лангки* – белка [5:47].

- *выдра*: **Вондырьягун**, р. – *река выдры: вонтыр* – выдра [6:60].

- *волк*: **Евра**, р. – *река, у которой водятся волки: евыр* – волк [3:192].

- *жеребенок*: **Невдарьеган**, р. – *река жеребцов: невар* – жеребёнок [5:63].

Анализ фактического материала показал, что в наименованиях водных объектов Среднего Приобья широко отражена лексика, характеризующая основные промыслы автохтонного населения.

Примечания

1. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. – Тюмень, 2005. – С. 49.
2. Тучков А.Г. История и культура народов Сибири. – Томск, 2005. – С. 126.
3. Терешкин Н.И., Сподина В.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (ваховский диалект). – Нижневартовск, 1997.
4. Нелиманова Т.И. Топонимика Ляпинского края. – Ханты-Мансийск, 2001. – С. 19.
5. Молданова С.П. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (казымский диалект). – Л., 1988.
6. Глинских Г.В., Матвеев А.К. Материалы по мансийской топонимике // Вопросы ономастики. № 10. – Свердловск, 1975.
7. Кошкарева А.М. Материалы для областного словаря (Специальная лексика северных районов Тюменской области. Лексика рыболовства). – Нижневартовск, 1993. – С. 79.
8. Глинских Г.В. К интерпретации семантических соответствий в разноязычной по происхождению топонимике одной территории // Вопросы топонимики. № 6. – Свердловск, 1972. – С. 81.
9. Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. – Екатеринбург, 2005.
10. Исламова Ю.В. Отапеллятивная гидронимия нижне-среднего Приобья // Актуальные проблемы лингвистики. – Сургут, 2007.

С.А. Никишина

ИЗУЧЕНИЕ ТОПОНИМОВ Г. НИЖНЕВАРТОВСКА В КУРСЕ «ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА»

В конце 20 в., в эпоху многообразных экологических проблем и забот, становится все более очевидной необходимость включения в понятие окружающей среды культурно-исторических ценностей. Это приводит к расширению значения слова **экология,** у которого актуализируется сема «защита», поэтому возникли и возникают новые словосочетания типа: **экология культуры, экология истории, экология нравственности, экология духа, экология религии.** Расширяется и ряд терминов со словом **экология: общая экология, биологическая экология, социальная экология, лингвистическая экология** (варианты: **лингвоэкология, экология языка**), и хотя эти термины не включаются в терминологические словари и справочники, но многие современные лингвисты считают, что для выделения лингвоэкологии, как особого направления лингвистических исследований есть все основания. Проблемы лингвоэкологии с большой полнотой охарактеризованы в последнее время в работах Л.И. Скворцова, А.П. Сковородникова, В.Г. Костомарова.

Предметом лингвистической экологии являются:1) культура мышления и речевого поведения; 2) воспитание лингвистического вкуса; 3) защита и «оздоровление» литературного языка; 4) определение путей и способов его обогащения и совершенствования; 5) эстетика речи.

С этой целью в учебные планы специальности «Русский язык и литература» отделения филологии НГГУ была введена дисциплина «Экология языка».

В рамках данного курса рассматриваются лигвоэкологические проблемы современности, а также вопросы сбережения национально-исторических традиций речевой культуры.

Помимо вопросов, связанных с проблемами речевого этикета, наплывом заимствований, легализацией мата и сквернословия, рассматриваются и вопросы, связанные с наименованием этноисторического пространства, т. е. с **топонимикой. Топонимы** (географические названия) всегда, а особенно в последнее время, вызывали и продолжают вызывать интерес всех, кто неравнодушен к родному языку. Знание своих истоков, корней неразрывно связано с тем местом, где ты родился и живешь. Знакомство со спецификой географических назва-

ний позволяет расширить представления о прошлом родного края, воспитать осмысленное и бережное отношение к топонимам как памятникам духовной культуры, осознать нерасторжимую связь истории языка с историей народа.

Ведь «историческая и культурная ценность топонимов необычайно высока. Это объясняется, прежде всего, их специфической устойчивостью и долговечностью по сравнению с нарицательными именами в естественных условиях жизни языка. Будучи явлением нашей истории и культуры, топонимы, как правило, связаны с целым рядом различных исторических событий и исторических лиц, они обогащают наши знания и внутренний мир, формируя историческое сознание в отдельности и этноса в целом»[1].

Поэтому несколько практических занятий курса «Экология языка» посвящается истории топонимов г. Нижневартовска. После рассмотрения вопроса о содержании термина **топоним**, роли и функциях топонимов студентам предлагается поразмышлять над такими географическими названиями, как *Москва, Сталинград, Ладога, Брестская крепость, Орловско-Курская дуга, Прохоровка, Бухенвальд, Освенцим, Хиросима, Нагасаки, Чернобыль, Беслан* и ответить на вопросы: какие ассоциации связаны в сознании русского человека с приведенными ниже географическими названиями? какие ассоциации вызывают эти названия? можно ли продолжить этот ряд?

К сожалению, знания об исторических событиях, связанных с этими топонимами, у некоторых студентов весьма приблизительные, поэтому лучше еще до занятий предложить им подготовить индивидуальные сообщения об этих событиях.

Не остается без внимания и вопрос о переименовании этноисторического пространства в советское и постсоветское время. И здесь мы касаемся проблемы, связанной с особой ответственностью перед будущими поколениями тех людей, которые осуществляют наименование и переименование. Лучше, чем поэт Дмитрий Ковалев (1915-1977) в стихотворении «Старина», об этом вряд ли кто скажет:

Страсть менять названия,
Что чтимы всеми,
Не щадя любви самой,
Что, может, на крови.
Новые,
Как строй наш
И как наше время,

Города и улицы
Уместно назови…
Славу нищенкою
Не пустить бы по миру.
Надо же:
Смикитили, одюжили –
Тупиков Советских
До полдюжины,
Каждому, не путать чтоб, -
По номеру.
Разве храмы,
Древние тем более,
Только и всего –
Дурман, мана?..
Говорят, в одном из них
Сияли имена
Павших всех
На Бородинском поле…
Помните,
Что вы уничтожаете
Не роскошества вельмож
Былого века:
Вы не прошлое опустошаете –
Душу
Будущего человека.

Не может оставить равнодушными студентов вопрос, заданный после чтения стихотворения: сбылось ли пророчество поэта? Однозначный ответ дать трудно, да и надо ли?

Затем рассматривается история таких топонимов, как *Тюмень, Югра, Ханты-Мансийский округ, Обь, Нижневартовск, Самотлор, Мегион, Лангепас* и др., индивидуальные сообщения о которых студенты готовили, используя материалы публикаций в газете «Местное время»[2], в межвузовских сборниках научных работ[3].

Знакомство с деятельностью Совета по топонимике г. Нижневартовска, предполагающее анализ основных направлений работы, функций, состава, кратких сведений о членах Совета, вызывает большой интерес.

СОСТАВ
Нижневартовского городского совета по топонимике

Трифонов Д.Н.	заместитель Главы города, директор департамента жилищно-коммунального хозяйства, председатель совета
Терновская Т.Ф.	директор муниципального унитарного предприятия «Бюро технической инвентаризации, учёта объектов недвижимости и приватизации жилья города Нижневартовска», заместитель председателя совета
Гурская Л.А.	ведущий инженер адресного реестра муниципального унитарного предприятия «Бюро технической инвентаризации, учета объектов недвижимости и приватизации жилья города Нижневартовска», секретарь совета
Асмаева Л.А.	начальник Нижневартовского почтамта Управления Федеральной почтовой связи Ханты-Мансийского автономного округа - Югры филиала Федерального Государственного унитарного предприятия «Почта России» (по согласованию)
Гасникова Н.А.	директор муниципального учреждения «Этнографический музейный комплекс имени Тимофея Дмитриевича Шуваева»
Добрыгин В.М.	начальник управления архитектуры и градостроительства администрации города
Медведева Н.Б.	начальник пресс-службы управления по информационной политике администрации города
Мотошина Т.В.	заместитель главного редактора общественно-политической региональной газеты Ханты-Мансийского автономного округа «Местное время» (по согласованию)
Оголев В.К.	заместитель Главы города по строительству
Рузляев Ю.Н.	начальник управления внутренних дел города (по согласованию)
Сидоров С.С.	начальник управления по информационным ресурсам администрации города
Тихонов В.В.	директор департамента муниципальной собственности и земельных ресурсов администрации города
Цыбуляк Н.Н.	начальник организационного отдела администрации города
Юшко Т.Я.	исполняющий обязанности начальника территориального (межрайонного) отдела №2 Управления Роснедвижимости по Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре (по согласованию)

Сразу видно, что среди членов Совета нет людей случайных, поэтому топонимикон г. Нижневартовска отличается системностью, историчностью и эстетичностью. Об этом говорит анализ нижневартовских **годонимов** (от греч. hodos - от греч. «путь», «улица», «русло»), т. е. названий улиц, результатом которого является классификация годонимов, включающая в себя следующие основные группы:

1. Названия, отражающие особенности географического положения, географических объектов, ландшафта, флоры и фауны: *Брусничная, Вишневая, Еловый, Зеленая, Калиновый, Карьерная, Кедровая, Клиновый, Лесная, Луговая, Озерная, Осиновая, Речная, Садовая, Сосновая, Северная, Снежная, Таежная, Яблоневая, Березовый, Рябиновый, Цветочный, Ягельный, Ягодный, Самотлорная, Тихая.*

2. Названия, определяющие пространственную близость к чему-либо: *Больничный, Заводская, Заозерная, Набережная, Обской, Совхозный, Школьная, Угловой, Церковный.*

3. Названия, связанные с профессиональной деятельностью людей, проживающих на территории региона: *Авиаторов, Буровиков, Геологов, Лесников, Нефтяников, Рыбников, Рабочая.*

4. Названия в честь общественно-политических деятелей, деятелей науки и культуры, первооткрывателей Самотлора: *Гагарина, Дзержинского, Зырянова, Кузоваткина, Ламбина, Ленина, Лопарева, Маргариты Анисимковой, Марии Петухиной, Маршала Жукова, Менделеева, Мусы Джалиля, Пикмана, Повха, Фурманова, Чапаева.*

5. Названия, отражающие реалии истории и советской действительности: *Декабристов, Дружбы народов, Интернациональная, Комсомольский, Мира, Октябрьская, Первомайская, Победы, Советская, 60 лет Октября.*

6. Названия, связанные с обозначением времен года: *Весенняя, Зимняя, Летняя, Осенняя.*

7. Названия в честь строителей из Перми, Омска, осуществлявших строительство в г. Нижневартовске: *Омская, Пермская.*

8. Названия-этнонимы, отражающие сведения о коренном этносе региона: *Ханты-Мансийская.*

К следующему занятию студенты готовят сообщения о людях, чьи имена присвоены улицам г. Нижневартовска (Гагарин, Дзержинский, Зырянов, Кузоваткин, Ламбин, Ленин, Лопарев, Маргарита Анисимкова, Мария Петухина, Маршал Жуков, Менделеев, Муса Джалиль, Пикман, Повх, Фурманов, Чапаев). В сообщение следует включить биографические сведения, интересные факты из жизни этих людей и

ответить на вопрос: в чем состоят их заслуги перед Отечеством и городом? Если это писатели или поэты, необходимо подготовить выразительное чтение отрывков из их произведений.

При подготовке сообщений возникают значительные трудности, в связи с тем что имеется много официальной, статусной информации об этих людях и практически отсутствуют материалы, содержащие сведения об их личных, человеческих качествах, а ведь именно такие сведения вызывают интерес и запоминаются. В сообщении важно рассказать о каждом из этих великих и достойных людей не как «человеке-пароходе», этакой бронзовой статуе, а как об интересной, яркой личности. Такой материал приходится собирать по крупицам. Кроме того, сегодня сложно говорить о вождях и героях революции, Гражданской войны так, чтобы ими восхищались. Совсем неоднозначно оцениваются многие исторические события.

Вызывает горькое раздумье и сожаление тот факт, что некоторые (многие?) из студентов мало знают о людях, чьи имена носят улицы г. Нижневартовска, в лучшем случае могут сказать, что Муса Джалиль - поэт, Дзержинский - революционный деятель: фамилия Фурманов часто вызывает у них недоумение, фамилия Чапаев – смех.

Так не должно быть, если мы хотим воспитать гражданина страны, патриота города. Жизненно необходим сегодня словарь топонимов г. Нижневартовска, создание которого должно стать общим делом историков, краеведов и лингвистов. А городским властям, членам Топонимического совета, возможно, следует решить вопрос о том, чтобы такая информация стала общественным достоянием. Почему бы, например, в общественном транспорте не сделать так, чтобы звучали стихи Мусы Джалиля, отрывки из произведений Фурманова, Маргариты Анисимковой?

Вернемся к практическому занятию. Его итогом становится создание Топонимического словаря семьи, в который включаются топонимы, связанные с историей своей семьи.

Надо отметить, что изучение топонимов вызывает у студентов искренний интерес, способствует обогащению представлений о топонимах, как важнейшей составляющей духовного богатства народа, дает возможность воспитывать их в духе уважения и заботы о нашей культуре.

Примечания

[1]Савельева Л.В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск, 1997. С. 16.

[2]Майорова О. Речка, речка, как тебя зовут?//Местное время. 2005г. 8 ноября; Майорова О. Речка, речка, как тебя зовут?//Местное время. 2005г. 26 ноября; Майорова О.А. От Оби ни на шаг. Путешествие по улицам Нижневартовска//Местное время. 2002г.12 марта.

[3]Сорокина С.Н. О географических названиях Югры. Молодежь и наука – третье тысячелетие: Сб. материалов Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. II часть. Красноярск. 2006. С. 167-170.

ЧАСТЬ VII
СООБЩЕНИЯ НАЧИНАЮЩИХ КРАЕВЕДОВ

Д.С. Манджеев, А.А. Филимонов,
М.А. Хашимов, Н.Ю. Манджеева

ИЗ ИСТОРИИ ПЫЛИНСКОЙ ШКОЛЫ

В 2008 году Нижневартовский район отмечает свое восьмидесятилетие. Много это или мало? Для человека – это целая жизнь, а для района – время молодости, расцвета. Но чем дальше мы уходим от даты рождения нашего района, тем ценнее его история для нас.

Вот уже несколько лет в Нижневартовском районе проходит историческая конференция «История школы в истории судеб». Готовясь к ней, мы каждый раз находим что-то новое. Часто бывает так, что всего лишь одно слово из интервью с интересным человеком становится началом новой исследовательской работы, посвященной раскрытию неведомого нам ранее исторического события. Так случилось и в этот раз.

В 2007 году на районной исторической конференции мы представляли работу «Рожденный в Советском Союзе», посвященную Манджиеву Долбану Батаевичу. В этой работе мы попытались рассказать о судьбе не одного человека, а целого народа. История калмыцкого народа очень трагична. В 2008 году мы решили продолжить работу в этом направлении. Нам повезло. В августе 2007 г. в наше село из далекой Калмыкии приехал Владимир Дорджиевич Немгиров, сын Дорджи Цереновича Немгирова (о нем мы писали в работе «Рожденный в Советском Союзе»). В с. Большетархово он не был более пятидесяти лет! Для нас это была находка! Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что он учился не в нашей школе, а в Пылинской?! Дело в том, что Пылино находится в сорока километрах от Большетархово. И известно нам тем, что там, много лет подряд, находились рыболовецкие угодья, т.е. ***кроме рыбаков, выезжавших на промысел, там никто не жил!*** Естественно, это для нас стало **открытием!** Мы решили, что просто обязаны для всех нас открыть еще одну страницу из истории образования Нижневартовского района.

В какие годы работала Пылинская школа? Кто учил в ней детей? Сколько было учеников? Живы ли они сейчас? Что представляло Пылино в военные и послевоенные годы? И почему, наконец, школа была закрыта? Ответы на все эти вопросы мы должны были найти из интер-

вью с учениками этой школы, документов, хранящихся в архивном отделе администрации г. Нижневартовска.

В ходе нашей работы мы выяснили, что на территории Большетархово в настоящее время проживает всего лишь одна ученица Пылинской школы **Бахлыкова Раиса Васильевна.** Мы встретились с ней.

Из интервью с Бахлыковой Раисой Васильевной:

«В годы войны и в послевоенное время в Пылино был колхоз им. Войкова. Очень богатый колхоз. Выращивали морковь, свеклу, табак, огурцы, турнепс, репу. Урожай всегда был большой. Огурцы солили в бочках и возили даже в Ларьяк. Колхозом руководил ***Соромин Яков Иванович****. Он был неграмотным, но очень хорошим хозяйственником. Да, была в Пылино и школа. Она располагалась в маленьком домике. Он был разделен на две половины. В одной половине нас учила, а в другой жила наша учительница* ***Зубова Федосья Ивановна****. Очень добрая, отзывчивая, но строгая. Помню, как после уроков чаем нас поила. Нам он казался очень вкусным... А что мы видели в те годы? Какие у нас были условия? Писали на газетах, книжка одна на двоих. Но никогда мы не жаловались на трудности, понимали, что трудно всем, что все это временно, и скоро наступит другая жизнь. Мы верили в это, поэтому после уроков бежали помогать родителям на колхозные поля.*

Я в Пылинской школе училась три года. Жили мы всегда дружно, помогали друг другу. В марте 1954 г. произошло укрупнение колхозов. Наш колхоз объединили с колхозом им. Микояна. Моя мама Баргодаева Татьяна Петровна (самый старый житель Большетархово, ей 92 года), как и другие жители, перевезла в Большетархово все наше хозяйство. Но самое главное – наш дом тоже был перевезен из Пылино в 1954 году».

Собирая по крупицам сведения об истории Пылинской школы, мы обращались к старожилам нашего села.

Из интервью с Ершовой Александрой Ивановной:

«В Пылино я не училась. В те годы я уже работала, поэтому знаю, что там были школа, медпункт, магазин, контора, почтовый полустанок. В середине 50-х годов оттуда все жители переехали в Большетархово. С тех пор в Пылино стали ездить рыбаки на свои угодья».

После встреч с односельчанами мы уже имели представления о Пылинской школе. Но для более глубокого исследования нашей темы мы обратились в архивный отдел администрации г. Нижневартовска.

Благодаря помощи его сотрудников мы узнали очень много фактов из истории этой школы.

На основании воспоминаний очевидцев, документов, хранящихся в архиве, можно сделать следующие выводы:

1. В деревне Пылино, относящейся к Большетарховскому сельсовету, в 1942 году проживал 31 человек.
2. Несмотря на малочисленность населения, в деревне было много объектов для жизнеобеспечения.
3. В годы войны и послевоенное время в Пылино было развито сельское хозяйство и рыболовство.
4. Пылинская школа располагалась в доме, площадь которого составляла **36 кв. м.**, площадь классной комнаты - **24 кв.м.**
5. В 1942 году в Пылинской школе обучалось **11** человек, в 1946 году -**14** человек, в 1948 году – **18** человек, в 1951 году- **12** человек, в 1953 году – **9** человек.
6. В 1945 году директором школы была Григорьева Таисья Леонтьевна, в 1947-1948 гг. - Терлеева Варвара Андреевна, с 1948 по 1950 гг. – Зубова Федосья Ивановна, с 1951 по 1953 гг. - Минина Агния Павловна.
7. В послевоенное время в Пылинской школе были созданы не очень хорошие условия: не было освещения, мало наглядных пособий, имелись трудности в быту учителей.
8. Пылинская школа за все годы своего существования была малокомплектной, т.е. одновременно обучались дети из разных классов.
9. Успеваемость детей была средняя.
10. Причиной ликвидации школы послужило, вероятнее всего, укрупнение колхозов.

За 1954-1955 учебный год в архиве данных о Пылинской школе уже нет. Не сохранилось ни одного документа о причинах ее закрытия. Так тихо и незаметно исчезла одна из многих, самых маленьких школ района. Приблизительно в это же время канули в лету вслед за Пылинской школой, школы в Соснино, Колек - Егане, Сосновом Бору.

Нами открыта еще одна страничка из истории Нижневартовского района. А страничек, которые нам предстоит еще открыть, очень много. Ведь за 80 лет со дня образования района произошло немало событий. И мы, дети двадцать первого века, должны изучать не только историю нашей страны, но и историю своей малой родины. Это не только интересно, но и очень полезно.

Д.С. Телегин

МОЯ СЕМЬЯ НА ЗЕМЛЕ ЮГОРСКОЙ

Светлой памяти моей
прабабушки посвящается

В народе говорят: « Дерево живёт корнями, а человек – памятью». Обращение к исторической памяти поколений является для меня естественным: изучением своей родословной занимается вся моя семья.

« Кто мы? Откуда? Где наши корни? Когда появились на земле Югорской?» - эти вопросы задаю я себе.

Изучая свою родословную, я узнал, что род наш по линии мамы уходит корнями в древний священнический род Протопоповых и появился на земле Югорской в конце 18 века. Историю моего края, моего округа я могу проследить по истории своей семьи, будь то события дореволюционного времени, или время установления Советской власти в Сибири, или Великая Отечественная война, или создание мирной жизни в послевоенное время и, конечно же, освоение Сибири в XX веке, открытие Самотлорского месторождения, рождение красивейшего города Сибири Нижневартовска, у истоков которого стояли мои дедушка и бабушка.

В детстве со мной водилась моя прабабушка Протопопова Клавдия Петровна. Она любила рассказывать про «старинку», про древний наш сибирский род, а я любил слушать её рассказы. Прабабушка моя прожила трудную, но интересную жизнь, она является свидетельницей всех исторических событий в Сибири. Родом она из села Сухоруково Ханты Мансийского района, и именно от неё я узнал, что весь род Протопоповых – уроженцы этого села. А село Сухоруково имеет древнюю историю, и уже в XVII веке есть упоминания о нём. Ямщики этого села вели «государеву гоньбу», а в конце XIX века в Сухоруково была земская станция, министерское училище, построенные на деньги крестьян, несколько двухэтажных домов и свыше 300 жителей. Вот в этом-то селе и родилась моя прабабушка в семье купца Протопопова Петра Антоновича, крупного рыбопромышленника. «Мой папа был сибирским купцом 1 гильдии, торговал рыбой, пушниной, а из Тобольска ему везли шелка, ковры, - рассказывала мне прабабушка. – Жили мы в Сухоруково справно, в большом двухэтажном доме, который строили тобольские мастера. Ажурная деревянная резьба украша-

ла окна, у дома было высокое крыльцо, в просторных комнатах – много цветов и половичков». В семье Протопоповых Петра Антоновича и Марии Платоновны было пятеро детей, а дочь Клавдия, моя прабабушка, была любимицей отца. «На мой день рождения 30 мая,- вспоминала прабабушка, - мы с папой ходили в церковь. День этот часто совпадал с праздником Святой Троицы, и церковь была вся в цветах! А ещё папа привозил полный обласок свежих карасиков, а они ещё живые, все трепещут. Жарили их в сметане. До того вкусно было! А вообще мой папа был хорошим рыбаком, в доме всегда были осётр, нельма, муксун... Да, было время, когда хорошая рыбка в реке водилась... А ей нужна чистая водичка. Раньше-то за всё лето по реке один пароход пройдёт».

Семья моей прабабушки была трудолюбивой, имела большое хозяйство, огород. Отец её, помимо того, что был хорошим рыбаком, был ещё и охотником. По словам прабабушки, семья была религиозна, строго соблюдала посты. Когда устанавливали Советскую власть в Сибири, моя прабабушка была ещё маленькой, но хорошо помнила события тех лет. «В наше село Сухоруково пришёл пароход «Мария». Собрали на пароходе всех купцов села и моего папу тоже. Мама говорит: «Беги в ревком, там отца, наверное, расстреляли». Я прибежала. Вышли на крыльцо двое большевиков. Я спросила: «Где мой папка?» Они говорят: «А который твой папка?» Я назвала. Тут и крестьяне за него заступились. Он ведь был очень добрый: если давал взаймы, ничего не брал назад. Крестьяне говорят: «Если вы его, то и нас расстреливайте». И они его отпустили. Те, кто устанавливал Советскую власть, никого не жалели. Дедушку Николая и Венедикта искололи штыками. Батюшка хотел из церкви крест унести, но они и его тоже расстреляли».

Про своего же дедушку Венедикта Васильевича Протопопова моя прабабушка говорила, что он перед новой властью провинился лишь тем, что был купцом, возил обозами рыбу в Тобольск, а оттуда привозил товар и торговал в своей лавке. И вот 56-летнего Венедикта Васильевича посадили на пароход «Мария» и по пути в Берёзово расстреляли. Тело его, исколотое штыками, с отрезанными ушами и языком, родственники смогли тайно вывезти и предать земле в родном селе. Всем было ясно: новая власть пощады не знает.

В Сухоруково моя прабабушка вышла замуж за Протопова Илью Дмитриевича. У них родилось восемь детей, но в живых осталось только пятеро. В тридцатых годах в селе сгорели сельсовет и школа,

церковь была разграблена. Детей нужно было отдавать в школу. Семья переехала в Елизарово. Оттуда мой прадед ушёл на фронт: началась Великая Отечественная война. Но недолго пришлось воевать храброму сибиряку: в 1942 году он получил тяжёлое ранение и на костылях вернулся домой, в своё село.

После войны семья моей прабабушки переехала в Ханты Мансийск. Прадедушка работал председателем промартели инвалидов, которая занималась заготовкой ягод, пушнины, орехов. Прабабушка работала на Ханты-Мансийском рыбоконсервном комбинате. Жизнь так сложилась, что прабабушка одна вырастила пятерых детей, всем дала образование. Все её дети живут на Земле Югорской, считая себя коренными сибиряками. Старшая её дочь жила в селе Корлики, работала метеорологом на метеостанции, младший сын Александр свою жизнь посвятил реке, проработав капитаном на катере двадцать восемь лет, средняя дочь Таисия – моя бабушка, после окончания Тобольского дошкольного техникума работала воспитательницей в детском саду на Ямале, в Новом Порту, а затем вернулась на родину, в Ханты Мансийск. Там она встретила моего деда. После свадьбы в 1964 году семья переехала в Нижневартовск, который был ещё посёлком, сюда направили на работу начальником аэропорта моего дедушку. Первый аэропорт в старой части Нижневартовска разрабатывал мой дедушка Конев Леонид Васильевич. Всю свою жизнь дедушка и бабушка прожили в Нижневартовске, здесь прошли детство и юность моей мамы, здесь родились и мы, её сыновья.

Мама мне много рассказывала о том времени, когда Нижневартовск был объявлен Всесоюзной комсомольской стройкой, и сюда приезжали люди со всех уголков страны; о том, как добывали нефть на Самотлоре, как строился город.

«Рождаемость в городе была очень высокая, средний возраст жителей был двадцать семь лет. Был какой – то особый дух времени, особый ритм жизни, трудовой энтузиазм, оптимизм, энергия, жизнерадостность,- говорила мне мама. – На моих глазах выросли шестнадцатиэтажки, открылись школы искусств и Дворец культуры «Октябрь», школы и спортивные комплексы. Я ощущаю себя частичкой этого города, этой земли, которую ласково называют Югра».

И я так же, как и вся моя семья, считаю землю Югорскую своей родной землёй. И вслед за мамой я хочу повторить слова, сказанные ею во время выступления в передаче «Земля моя Югорская» на телерадиокомпании «Югория»: «Югра – это моя Родина. Здесь, на земле

Югорской, родились и прожили жизнь мои родители, мои дедушка и бабушка. Здесь могилы моих предков. Здесь мои корни. И как бы трудно не было здесь, свою землю я не покину, ведь человек без Родины – что птица без полёта».

П.С. Жучкин

ИЗ ИСТОРИИ ПРОСПЕКТА ПОБЕДЫ Г. НИЖНЕВАРТОВСКА

Улица №1, как именовался вначале Проспект Победы, была одной из первых в городе.

В 1970 году на улице был построен первый дом - здание горкома КПСС. Старожилы до сих пор помнят «Белый дом» (названный так за ослепительно-белые стены), там находилась администрация города. Это здание, в числе первых капитальных построек появившееся в нашем городе, было окружено болотом и лесом. По будущей Пионерской улице проходила тропинка с кочками и водяными болотными окнами. Однако при подходе к улице №1 болота заканчивались, начиналась гривка с кедровником. Из старой части города в «центр» можно было добраться по трубопроводам, либо речным трамвайчиком. Первые капитальные дома начали строить в 1974 году. Одним из первых сдавался дом №1 по улице №1, в котором расположились отдел ЗАГСа и отделение сберкассы № 5939/019. Примерно в это же время за «Белым домом» начали разбивать парк Победы на месте так называемого «Шанхая», а проще говоря, балóчного поселка. По некоторым сведениям, когда-то на перекрестке улиц Космонавтов и Пионерской была установлена стела, посвященная пребыванию космонавтов в нашем городе. В результате опроса старожилов города удалось установить, что в действительности это была не стела, а информационная тумба, на которой вывешивались плакаты, информационные листы, объявления.

В начале 70-х годов улица №1 застраивалась буквально семимильными шагами: в домах на первых этажах появились магазины и прочие объекты соцкультбыта (кафе, ателье, мастерские). Один из таких объектов - кафе «Белоснежка»- расположился в доме №6. Старожилы вспоминают, что когда-то это кафе пользовалось большой популярностью среди горожан, и особенно тех, у кого были дети, поскольку в

этом кафе проводились дни именинников, - так называемые «Дни сладкоежек».

10 июня 1974 года решением № 228 горисполкома улицу №1 назвали улицей Космонавтов. Ведь к тому времени наш город успели посетить три космонавта: Б.В. Волынов, А.В. Филипченко, В.В. Лебедев. Космонавтика в те годы была наукой притягательной, а профессия космонавта считалась героической.

Безусловно, Нижневартовск - город новаторов, первопроходцев, город энтузиастов - не мог оставаться в стороне от полетов человека в космос, всевозможных научных открытий в области космонавтики, которые свершались в стране.

А время идет. В 1975 году на улице Космонавтов появился книжный магазин. В том же году был открыт магазин «Людмила», а чуть позднее напротив него - магазин «Руслан».

К концу 70-х годов улица Космонавтов интенсивно застраивается кирпичными десятиэтажными домами, практически завершаясь огромным пустырем в районе улицы Ленина.

Не полным был бы рассказ об улице Космонавтов той поры без упоминаний о грандиозных праздниках, проходивших на центральной магистрали города в те годы. Именно с улицы Космонавтов началась в нашем городе традиция отмечать праздники улиц и микрорайонов. Здесь проходили демонстрации, фестивали «Самотлорские ночи», выступали лучшие артисты страны, писатели, городские самодеятельные коллективы. Впервые праздник улицы Космонавтов прошел летом 1977 года. В нем приняли участие все поколения жителей нашего города - от «детсадичников» до людей постарше.

Праздник улицы плавно перерос в праздник города, и торжество закономерно переместилось в хорошо знакомый нам Парк Победы. Молодежь и люди постарше участвовали в играх и аттракционах.

В 80-е годы интенсивно расстраивались 3-й и 4-й микрорайоны. Улица Космонавтов «подросла» в длину и протянулась до самой улицы Мира. В те годы произошло еще одно значимое для улицы событие. В канун сороковой годовщины Победы советского народа в Великой отечественной войне в честь этой знаменательной даты улица Космонавтов была переименована в Проспект Победы.

Д.В. Митрофанова

ОСНОВНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА «СИБИРЬ»

Сибирь — земля, которая всегда интересовала и притягивала к себе людей с разных концов света. Мы — жители Сибири, любим наш край и, наверное, многие задумывались хоть раз о том, откуда произошло его название. В настоящее время существует много различных гипотез, поэтому исследователи и краеведы продолжают искать ответ на вопрос: «Откуда произошло название Сибирь?». Как свидетельствуют источники, оно существует с V века и было этническим названием, относившимся к группе финно-угорских народов, проживающих на юге нынешней Западной Сибири.

Среди народов, пришедших из недр Азии в Европу, указывают на савыров, более поздние письменные источники (начало XIII в.) упоминают народ сибир (шибир). Ряд ученых производят название от монгольского слова «шибир» - (одни переводят это слово как болото, другие как лесная чаща) или «сибэр» - чистый, прекрасный, другие находят корень в татарском языке – «бир» - первый. Созвучие со словом «Сибирь» позволило отдельным исследователям решить проблему происхождения названия «Сибирь» с помощью лингвистического наследия названия исчезнувших народов.

Название Сибирь упоминается у иранских авторов (Рашид-ад-Дин (1247—1318), конца XIII в. (в форме Ибир, Сибир, Шибир, Ас-Сибир, Ибир-Сибир), а в 1375 г. появилось на картах (в форме «Sebur»). Существует мнение, что европейцы услышали это слово впервые во времена Марко Поло, в XIII в. Имеются многочисленные сторонники происхождения слова «Сибирь» от названия столицы Сибирского ханства – Искер или Сибирь, находившейся недалеко от современного Тобольска. Г.Н. Потанин склонен считать, что слово Сибирь заимствовано из монгольского языка, где встречается сказочная страна Собар.

Кажется правдоподобным, что топоним Сибирь может быть интерпретирован, как "страна сибилл" или место, где обитают сибиллы-шаманки, а само слово "сибилла" будет означать "сибирячка" в его древнем звучании. Такую точку зрения относят к общеарийским и доарийским верованиям и обрядам.

Новгородские летописцы после первого знакомства с зауральской территорией назвали ее Югрой. Это название закрепилось за землями

к востоку от Печоры до Урала, а затем и Зауралья. Термин Сибирь впервые появляется в русских летописях в 1483 г. Однако, по свидетельству А.И. Попова, название появилось намного раньше - в 1406 г. С 80-х гг. этого столетия Сибирью стали называть области, находящиеся по нижнему течению Тобола и среднему течению Иртыша. Территории по Оби после слияния ее с Иртышом получили название Конда и Обдорь, а название Югра сохранилось за местностью между Уральскими горами и нижним течением Оби.

Отряды казаков Ермака, покорив Сибирское ханство Кучума, присоединили его земли по берегам Иртыша к Русскому государству, назвали их Сибирью, а затем, по мере продвижения на север и восток, распространили это название на всю до этого неизведанную европейцами территорию, простирающуюся дальше на Восток.

С продвижением русских к востоку в территорию под названием «Сибирь» включались все новые земли, вплоть до Байкала и дальше, иногда даже включая Дальний Восток.

После разгрома Сибирского ханства в конце XVI в. название Сибирь стало применяться по отношению ко всем территориям, постепенно присоединенным к Российскому государству, начиная от Уральских гор до побережья Тихого океана. Долгое время такое понимание термина Сибирь удерживалось в исторической науке. В настоящее время территория от Урала до Тихого океана делится на Западную Сибирь и Восточную Сибирь.

Таким образом, благодаря географическим открытиям русских в Северной Азии, скромное когда-то название Сибирь стало именем обширной территории.

Представляют исторический интерес предположения, не принятые официально. Название племени сабир/себер сравнивали с этнонимами северяне, севери, сербы. Существуют и курьезные гипотезы, например, из лексики тюркских языков, слова сакмак — «сбиться с пути» или сибирмак — «очищать». Основанием для такого суждения стал глагол сыбыр/сибир — «мести, выметать». Китайцы транскрибируют слово Сибирь как «Сиболия» четырьмя иероглифами, из них первый действительно означает си — «запад». Сибирь переводят и как "увидеть медведя" ("See bear"), как увидеть пиво ("see beer").

Выдающийся историк В.Н. Татищев, бывавший сам в суровых краях, писал: «Имя же Сибирь есть ис татарского языка Симбирь испорченного, которое значит ты первый или главный. Сие прежде было токмо имя оного главного татарского города на Иртыше. В нем же

ханы или, как мы зовем, цари татарские жили. Оной город стоял ниже Тобольска 30 верст на той же правой стороне».

Представляет интерес предположение З.Я. Бояршиновой. Этот термин она производит от названия этнической группы «сипыр», принадлежность которой носит спорный характер. Н.К. Фролов указывает, что интересующее нас название состоит из двух компонентов: сиб (восточно-хантыйский сыв — «ручей, река, протока») и ир (общетюркское йир, ир — «земля»), что не противоречит монгольскому шибир — «сырая равнина, болото». Логично, что Сибирь — земля рек, озер, болот, где проживали тюркизированные в XVI веке сибирские угры.

Следовательно, в существующих концепциях слово "Сибирь" тюркского, или же монгольского происхождения. Однако, судя по всему, название «Сибирь» уходит своими корнями в те времена, когда протоиндоевропейские, прототюркские и протомонгольские языки не были расчленены и представляли единое целое. Корневая основа "сев-сив" обнаруживается и в самом понятии «север» (среди сторонников этой гипотезы Н.Я. Марр, К. Вяткина, Н.И. Михалков).

Таким образом, в настоящее время в рамках этимологической и топонимической концепций не существует конкретного и точного определения происхождения названия Сибирь. Ученым еще предстоит немало потрудиться над подтверждением, или опровержением уже существующих точек зрения на происхождение слова «Сибирь», возможно, появятся и новые. Это название и поныне остается загадочным. Однако наиболее вероятным является предположение, что название Сибирь связано с языком одного из племен финно-угорского происхождения. Каждому человеку интересна история своего края, как части истории своей страны.

НАШИ АВТОРЫ

Алексеева Любовь Васильевна - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета (НГГУ)

Белькова Анна Евгеньевна - научный сотрудник НИЛ прикладной дидактики, ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания (МП) НГГУ

Джек Елена Владимировна - инспектор группы кадров, старший лейтенант внутренней службы Отряда государственной противопожарной службы № 5, г. Нижневартовск

Жучкин Петр Сергеевич – ученик 7 «Б» класса МОСШ N10, г. Нижневартовск

Икингрин Елена Николаевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма НГГУ

Казакова Наталья Сергеевна – учитель истории МСОШ N31, соискатель кафедры истории России НГГУ

Канзафарова Милена Минсалиховна - соискатель кафедры истории России НГГУ

Кашина Лина Дмитриевна - директор МУ «Региональный историко-культурный и экологический центр», г. Мегион

Коновалова Ирина Алексеевна - член клуба юных журналистов "Свежий ветер", ученица 11 «А» класса МОСШ №23, г. Нижневартовск

Коркин Сергей Евгеньевич - кандидат географических наук, доцент кафедры ГиБЖ НГГУ

Кошкарева Альбина Михайловна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и МП НГГУ

Купальцева Нина Александровна - научный сотрудник МУ «Региональный историко-культурный и экологический центр», г. Мегион

Лазарева Татьяна Викторовна – руководитель городского молодежного информационно-аналитического центра «Акцент» при ДК «Октябрь», г. Нижневартовск

Луговая Наталья Викторовна – аспирантка кафедры ГиБЖ НГГУ

Мазин Владимир Алексеевич – кандидат культурологии, доцент НГГУ, член Союза писателей России

Максимова Юлия Александровна - студентка 4 курса факультета культурологии НГГУ

Манджеев Дмитрий Сергеевич - ученик 6 класса, МОУ Большетарховская общеобразовательная средняя школа (ОСШ)

Манджеева Наталия Юрьевна - учитель начальных классов МОУ Большетарховская ОСШ

Митрофанов Виктор Владимирович - кандидат исторических наук, доцент Западно-Сибирского института финансов и права

Митрофанова Дарья Викторовна - студентка 1 курса Нижневартовского государственного социально-гуманитарного колледжа

Никишина Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и МП НГГУ

Никулина Наталья Анатольевна - заведующая Центральной детской библиотекой, г. Мегион

Рахимбакиев Самат Зиннадович - специалист-организатор Управления по воспитательной работе НГГУ, соискатель кафедры русско-славянского и общего языкознания Тюменского государственного университета

Решетникова Светлана Николаевна - аспирантка НГГУ, учитель истории МОУ лицей № 2, г. Нижневартовск

Рондырев-Ильинский Владимир Борисович - начальник отделения ОСиПТ, майор внутренней службы Отряда государственной противопожарной службы № 5, г. Нижневартовск

Руднева Светлана Федоровна – аспирантка кафедры русского языка и МП НГГУ

Салтыкова Юлия Валерьевна – студентка 2 курса Гуманитарного факультета отделения филологии НГГУ

Середовских Борис Анатольевич – учитель географии МСОШ N31, г. Нижневартовск

Солодкин Роман Яковлевич – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии НГГУ

Солодкин Яков Григорьевич – профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России НГГУ

Сорокина Светлана Николаевна – аспирантка кафедры русского языка и МП НГГУ

Телегин Дмитрий Сергеевич – ученик 10 «А» класса МОСШ № 8, г. Нижневартовск

Телегина Лариса Леонидовна - учитель русского языка и литературы МОСШ № 8, г. Нижневартовск

Филимонов Артем Андреевич - ученик 6 класса, МОУ Большетарховская ОСШ

Хашимов Муслим Ахмедович - ученик 6 класса, МОУ Большетарховская ОСШ

Ходжаева Гюльназ Казым кызы - научный сотрудник научно-исследовательской лабаратории геоэкологических исследований НГГУ

Цысь Валерий Валентинович - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России НГГУ

Цысь Ольга Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России НГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.Б. ШАТИЛОВА

Солодкин Р.Я., Солодкин Я.Г. Вопросы ранней русской колонизации Сибири в трактовке М.Б. Шатилова 3
Алексеева Л.В. Александро-Ваховский район в период полевых исследований М.Б. Шатилова (1924-1926 гг.) 6

ЧАСТЬ II
ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов: основные направления организаторской и исследовательской деятельности 11
Решетникова С.Н. История коренных народов Югры в трудах С.В. Бахрушина 15
Казакова Н.С. Обзор источников по истории государственной образовательной политики Ханты-Мансийского округа 1930-х гг. 19
Купальцева Н.А. Критический подход к источникам информации в процессе сбора материала по истории геологического поиска в Среднем Приобье 21
Кайзафарова М.М. Л.В. Алексеева о формировании кадров национальной интеллигенции на Севере Западной Сибири 26

ЧАСТЬ III
ИСТОРИЯ

Солодкин Я.Г. О Миллеровском списке погибших ермаковцев (к 225-летию со дня смерти «отца сибирской истории») 31
Солодкин Я.Г. О происхождении одного уникального известия Есиповской летописи 34
Салтыкова Ю.В. О жанровой природе «Истории Сибирской» С.У. Ремезова 38
Цысь О.П. Первое педагогическое учебное заведение на Севере Западной Сибири (из истории Березовской второклассной учительской женской школы) 44

Цысь В.В. Эвакуация Тобольска в августе – сентябре 1919 г. 51
Кашина Л.Д. Большая история маленького села (из истории села Покур Нижневартовского района) 57
Рондырев-Ильинский В.Б., Джек Е.В. История пожарной охраны ОГПС-5: вчера, сегодня, завтра 62
Телегина Л.Л. Страницы истории Воскресной школы г. Нижневартовска 67

ЧАСТЬ IV
ПРИРОДА. ЭКОЛОГИЯ

Коркин С.Е., Луговая Н.В. Пространственно-временная оценка развития овражной эрозии (на примере Нижневартовского региона) 72
Середовских Б.А. Формирование этнокультурной карты Западной Сибири в среднем голоцене в связи с ландшафтно-климатическими перестройками 77
Ходжаева Г.К. Воздействие автотранспорта и шума на окружающую природную среду в ХМАО-Югре и Нижневартовском районе 84

ЧАСТЬ V
СОЦИОЛОГИЯ. МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

Икингрин Е.Н., Никулина Н.А. Чтение и отношение к учебе детей в малых северных городах 90
Лазарева Т.В., Максимова Ю.А., Коновалова И.А. «Акцент» зовет в дорогу (картинка в пазлах) 93

ЧАСТЬ VI
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Мазин В.А. Становление литературы обско-угорских народов 106
Кошкарева А.М. Реликтовые явления сибирской речи 113
Кошкарева А.М. К проблеме взаимодействия русского и хантыйского языков 116
Рахимбакиев С.З. К изучению ономастических данных «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера 120

Руднева С.Ф. Отписки и их место в старорусской деловой письменности (на материале деловых документов Обдорского края и Мангазеи XVII в.) 123
Белькова А.Е. Субтекстовый состав тюменских метрических книг XIX века 128
Сорокина С.Н. Отражение промысловой лексики угорских народов в гидронимических названиях Югры 133
Никишина С.А. Изучение топонимов г. Нижневартовска в курсе «Экология языка» 136

ЧАСТЬ VII
СООБЩЕНИЯ НАЧИНАЮЩИХ КРАЕВЕДОВ

Манджеев Д.С., Филимонов А.А., Хашимов М.А., Манджеева Н.Ю. Из истории Пылинской школы 143
Телегин Д.С. Моя семья на земле Югорской 146
Жучкин П.С. Из истории Проспекта Победы г. Нижневартовска 149
Митрофанова Д.В. Основные гипотезы этимологии слова «Сибирь» 151
Наши авторы 154